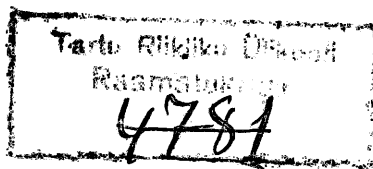

2 4-3-1
На правахъ рукописи.
(Второе изданіе).

ДОКЛАДЫ КОМИССІИ,

избранной Совѣтомъ Императорскаго Юрьевскаго Университета для составленія проекта мотивированныхъ отвѣтовъ на вопросы, предложенные Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, относительно желательнаго устройства университетовъ.

Юрьевъ.

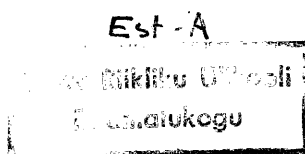
Типографія Шнакенбурга.
1901.

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Универ-
ситета.

Юрьевъ, 29 октября 1901 г.

Ректоръ: А. Филипповъ.

№ 1994.

13634

Вопросы относительно желательнаго устройства университетовъ, составленные примѣнительно къ уставу 1884 г. и въ предположеніи изданія общаго устава для всѣхъ университетовъ.

1. Какъ должны быть поставлены должности ректора и декановъ? Въ частности, какія неудобства представляетъ ректоръ по назначенію правительства, и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорскою коллегіей?

2. Какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта?

3. Не слѣдуетъ-ли отмѣнить особую плату въ пользу отдѣльных преподавателей?

4. Въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено штатное содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣйтельно вести практическія занятія со студентами?

5. Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно-ли допускать занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если возможно, то какія должности и какаѣ служба по вольному найму совмѣстимы съ званіемъ профессора?

6. Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣйтельный контроль факультетовъ надъ полнотою,

научностью и достоинством преподаванія отдѣльных преподавателей?

7. Не нужны ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ; въ особенности для веденія практическихъ занятій со студентами? Если нужны, то какое служебное положеніе должны занимать эти помощники и въ какихъ отношеніяхъ находиться, какъ къ профессорамъ, при которыхъ они состоятъ, такъ и къ факультету?

8. Какія измѣненія желательны въ положеніи приватъ-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ кафедръ? Не слѣдуетъ-ли ограничить число приватъ-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?

9. Какія вообще мѣры должны быть приняты для привлеченія и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію?

10. Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемого ими университетскаго образованія?

11. Не слѣдуетъ-ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ-ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?

12. Нужно-ли предоставлять служебныя права окончивающимъ университетскій курсъ?

13. Нужно-ли сохранить государственные экзамены и, если нужно, — то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ?

14. Какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ?

15. Не слѣдуетъ-ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? Если слѣдуетъ — то какія и на какихъ условіяхъ? Не признаются-ли полезными курсовые старосты, какъ посредники

между студентами, профессорами и университетской администраціей?

16. Не слѣдуетъ-ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?

17. Не слѣдуетъ-ли независимо отъ сего ввести особый студенческий (товарищескій) судъ спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести? Если слѣдуетъ, то каковы должны быть организація сего суда, контроль надъ нимъ и его отношеніе къ университетскому начальству?

18. Какія измѣненія желательно внести въ постановку университетской инспекціи?

19. Какія особенности устройства Юрьевского университета должны быть сохранены или введены вновь въ виду мѣстныхъ условій?

Вопросъ первый.

(Докладъ № 1).

Приступая къ выполненію возложеннаго на нее порученія, комиссія признала прежде всего необходимымъ выяснить исходную точку зрѣнія при рѣшеніи вопроса о той организаціи университетовъ, какая должна быть признана наиболѣе цѣлесообразною для болѣе успѣшнаго ихъ развитія и процвѣтанія. При выясненіи этого вопроса необходимо имѣть въ виду два главныхъ типа высшихъ учебныхъ заведеній: типъ французскихъ школъ и типъ германскихъ университетовъ.

Первый типъ характеризуется бюрократическою организаціею съ назначенными правительственною властью органами управленія и преподавателями, съ строго установленными программами и принудительными курсами. Цѣлью этихъ высшихъ учебныхъ заведеній является наилучшая спеціальная подготовка для опредѣленной практической дѣятельности. По этому типу устроены у насъ военныя академіи. Обучающійся въ нихъ,

вообще, не может остановиться на болѣе подробномъ, чѣмъ указано въ программахъ, и самостоятельномъ изученіи какого либо отдѣльнаго предмета, такъ какъ долженъ въ опредѣленный и при томъ короткій срокъ ознакомиться одинаково хорошо со всѣми предметами, усвоеніе которыхъ признано необходимымъ для его будущей практической дѣятельности. Какъ извѣстно, число предметовъ, изучаемыхъ въ нашихъ военныхъ академіяхъ, въ особенности въ Академіи Генеральнаго Штаба, весьма велико, и получаемую воспитанниками ихъ спеціальную подготовку можно признать блестящею.

Второй типъ имѣетъ организацію самоуправляющихся корпорацій, называемую технически университетскою автономіею. Понятіе университетской автономіи слагается изъ трехъ признаковъ: 1) въ университетахъ должна существовать академическая свобода преподаванія и обученія (*Lernfreiheit*); 2) ближайшее завѣдываніе университетомъ находится въ рукахъ коллегій, т. е. совѣта и факультетовъ, имѣющихъ своихъ представителей въ лицѣ ими же избранныхъ ректора и декановъ; 3) профессорская корпорація пополняется путемъ избранія новыхъ членовъ самими коллегіями. Этими признаками, какъ бы они ни были развиты въ подробностяхъ, исчерпывается понятіе университетской автономіи. Всѣ они, однако, должны быть налицо: отсутствіе одного изъ нихъ подорветъ въ корнѣ и самую автономію.

Примѣнительно къ этому типу имѣли организацію университеты Имперіи по уставамъ 1804, 1835 и 1863 гг. и Дерптскій университетъ по уставамъ 1803, 1820 и 1865 гг. Созданный трудами графовъ Толстого и Делянова университетскій уставъ 1884 г. и видоизмѣненный въ 1889 г. въ главныхъ своихъ основахъ уставъ Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго, университета дали университетамъ иную, совершенно бюрократическую организацію. Вызванный къ жизни недовѣріемъ къ университетскимъ корпораціямъ, которыя будто бы оказывали тлетворное вліяніе на обучающуюся въ университетахъ молодежь, университетскій уставъ 1884 г. поставилъ своею цѣлью придать профессорамъ роль исполнителей предначертаній начальства,

такъ какъ не только имѣлось въ виду предуказать программы преподаванія, но и самый его духъ. Шестнадцатилѣтняя практика этого устава съ достаточною ясностью обнаружила, что жизнь и развитіе нашихъ университетовъ не только не улучшились за это время, но, по общему признанію, обнаружили въ значительной мѣрѣ упадокъ. А повторяющіеся за послѣдніе годы студенческіе беспорядки чрезвычайно ярко подчеркнули, что въ университетахъ отсутствуетъ и нравственный авторитетъ, могущій сдерживать крайнія увлеченія молодежи. Обвиненія профессоровъ въ отсутствіи должнаго съ ихъ стороны вліянія на обучающихся въ университетахъ молодыхъ людей подтверждаютъ тотъ же упадокъ университетовъ, хотя едва ли правильно угадываютъ причины этого явленія.

Выбитые уставомъ 1884 г. съ ихъ историческаго пути, по которому наши университеты постепенно развивались въ теченіе 80 лѣтъ передъ тѣмъ, они, однако, не были превращены въ спеціальныя школы, а остались по прежнему не только высшими учебными заведеніями, но въ одинаковой мѣрѣ и учеными учрежденіями, за которыми исключительно во всей Имперіи признано право возведенія въ ученые степени. Но бюрократическій строй университетовъ прежде всего не совмѣстимъ съ ихъ значеніемъ, какъ учреждений ученыхъ, такъ какъ наука немыслима безъ свободы, а бюрократизмъ требуетъ подчиненія. Значеніе же университетовъ, какъ учреждений ученыхъ, стоитъ въ самой тѣсной связи съ ихъ значеніемъ, какъ высшихъ учебныхъ заведеній. Являясь прежде всего создателями и питомниками науки, университеты затѣмъ служатъ и проводниками ея въ жизнь чрезъ посредство обучающихся въ нихъ студентовъ. Профессоры, какъ ученые *ex professione*, затрачиваютъ свое время и силы столько же на добываніе ученыхъ истинъ и новыхъ фактовъ, сколько и на передачу достигнутыхъ результатовъ своимъ слушателямъ. Положеніе профессора, какъ преподавателя, прежде всего опредѣляется его ученымъ авторитетомъ; въ этомъ существенное отличіе профессора отъ учителя. Ученый же авторитетъ создается достигнутыми научными результатами, которые зависятъ не только отъ

личныхъ дарованій изслѣдователя, но и отъ условій, въ какія онъ поставленъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ должна стоять полная свобода ученыхъ изысканій, не допускающая никакихъ политическихъ или общественныхъ давленій, и въ частности не стѣсняемая никакими воспитательными цѣлями. Только независимый изслѣдователь, выступающій въ роли профессора, можетъ создать себѣ въ мнѣніяхъ своихъ слушателей, товарищей и всего общества тотъ ореолъ ученаго и нравственнаго авторитета, безъ котораго его преподавательская дѣятельность будетъ обречена на полную неудачу.

Независимость мысли изслѣдователя не можетъ, однако, порваться съ того момента, когда онъ выступаетъ въ качествѣ преподавателя. Поэтому свобода преподаванія является необходимымъ слѣдствіемъ свободы изслѣдованія. Еще и до сихъ поръ повторяющіяся возраженія противъ такой свободы основаны на заблужденіи, будто бы можно было въ каждый данный моментъ и въ каждой научной дисциплинѣ провести границу между научною истиною и ложнымъ мнѣніемъ. Вытекающее изъ этого заблужденія требованіе ограничить университетское преподаваніе только строго провѣренными научными выводами совершенно неосуществимо, такъ какъ всякая попытка разграничить спорное и сомнительное отъ научно-достовернаго повела бы лишь къ установленію цензуры надъ наукою и къ стѣсненію научныхъ изслѣдованій. Кромѣ того, такія мѣры не могли бы и достигъ намѣченной цѣли — оградить молодые умы отъ увлеченій опасными лжеученіями, такъ какъ недопущенное къ изложенію съ университетскихъ кафедръ проникнетъ въ умы юношей иными путями: изъ газетъ и журналовъ, отъ товарищей и даже чрезъ посредство подпольной прессы и будетъ усвоено безъ всякой критической провѣрки. Задача университетовъ состоятъ вовсе не въ томъ, чтобы оградить своихъ питомцевъ отъ всякихъ вредныхъ вліяній какими либо внѣшними препятствіями, установленными съ цѣлью не допустить такихъ вліяній въ университеты, а въ томъ, чтобы вооружить своихъ питомцевъ самыми вѣрными средствами для борьбы съ подобными вліяніями и легкомысленными увлеченіями путемъ выра-

ботки въ нихъ пріемовъ самостоятельной мысли и критической оцѣнки чужихъ мнѣній. То, что услышать студенты съ кафедръ отъ уважаемаго и авторитетнаго профессора по поводу модныхъ или запрещенныхъ социальныхъ теорій, философскихъ и религіозныхъ ученій, во всякомъ случаѣ скорѣе предостережетъ ихъ отъ увлеченій, чѣмъ всякія мѣры полицейской охраны.

Признавъ единогласно, что университеты должны быть поставлены на прежній историческій путь постепеннаго ихъ развитія и должны получить организацію автономныхъ высшихъ учено-учебныхъ заведеній Имперіи, комиссія въ рядѣ своихъ докладовъ будетъ имѣть честь представить Совѣту подробную мотивировку своихъ мнѣній по отдѣльнымъ вопросамъ университетскаго быта и въ частности по вопросу о томъ, въ какихъ формахъ должна получить свое выраженіе академическая свобода, и какія мѣры должны быть приняты противъ злоупотребленій этою свободою. Въ настоящемъ своемъ докладѣ комиссія ограничится изложеніемъ мнѣнія по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ университетскаго строя, поставленному первымъ въ ряду вопросовъ, предложенныхъ Его Высочайшимъ повелѣніемъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія на обсужденіе университетскихъ совѣтовъ.

Въ ряду существенныхъ признаковъ университетской автономіи указанъ выше и тотъ, что въ рукахъ университетскихъ коллегій. т. е. совѣта, правленія и факультетовъ, должно находиться завѣдываніе, согласно уставу, учеными, учебными и хозяйственными дѣлами, а также всѣми вообще дѣлами внутренняго порядка и благоустройства университетской жизни. Распредѣленіе вѣдомства по всѣмъ этимъ дѣламъ между отдѣльными коллегіями составить предметъ особаго доклада Совѣту. При коллегіяхъ, для завѣдыванія текущими дѣлами, должны стоять особые органы — ректоръ и деканы. Какъ же должны быть поставлены эти должности? Комиссія единогласно признала, что ректоръ и деканы должны быть избираемы соотвѣтственно: ректоръ — совѣтомъ, деканы — факультетами. Соображенія въ пользу этого порядка послужатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ на вопросъ: какія неудобства представляетъ ректоръ по

назначенію правительства, и какія преимущества можетъ имѣть ректоръ, избираемый профессорскою коллегіею?

Каждая коллегія должна имѣть своего представителя, который въ ней предсѣдательствуетъ, приводитъ въ исполненіе ея постановленія и представляетъ ея интересы во всѣхъ сношеніяхъ съ посторонними мѣстами и лицами и главнымъ образомъ въ отношеніяхъ коллегіи къ высшей правительственной власти, къ которой и входитъ съ представленіями о нуждахъ и потребностяхъ, согласно постановленіямъ о томъ коллегіи. Такимъ представителемъ университета можетъ быть только избранный совѣтомъ ректоръ, такъ какъ только отъ избраннаго имъ лица совѣтъ можетъ ожидать и въ правѣ требовать точнаго исполненія своихъ постановленій. Назначенный правительствомъ ректоръ эти функціи правильно отправлять не можетъ, такъ какъ является представителемъ возрѣній и проводникомъ предначертаній назначившей его власти. При этомъ порядкѣ университетъ не будетъ имѣть никакого представителя собственныхъ его интересовъ, и автономія университета существовать не можетъ, такъ какъ коллегіи окажутся совершенно безсильными ридомъ съ назначеннымъ ректоромъ, который будетъ проводить предписанія власти даже вопреки постановленіямъ коллегій. Въ то же время въ лицѣ назначеннаго ректора явится второй органъ для проведенія въ университетѣ правительственной политики, ибо эти функціи должны выполнять ближайшимъ образомъ попечитель округа. При тождествѣ возрѣній этихъ двухъ органовъ власти одинъ изъ нихъ окажется по меньшей мѣрѣ излишнимъ; а въ случаѣ разногласія между ними авторитетъ одного изъ нихъ будетъ поколебленъ. Поэтому съ точки зрѣнія интересовъ власти, при наличности попечителя округа, назначенный ректоръ окажется едва ли не излишнимъ.

Но, быть можетъ, цѣли ближайшаго контроля и ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ въ каждомъ университетѣ будутъ достигаться полнѣе и лучше чрезъ посредство назначеннаго ректора, являющагося въ то же время и членомъ профессорскою коллегіи? Такое предположеніе, однако, не оправдывается

ни теоретически, ни указаніями опыта. Ректоръ, и будучи назначеннымъ, окажется и самъ не только членомъ профессорской коллегіи, но и главнымъ органомъ университетскаго управленія; ему бы пришлось контролировать не только дѣятельность другихъ, но и свою собственную, и такимъ образомъ явиться судьей въ собственномъ дѣлѣ. Сохранить нужную объективность, столь желательную для контролирующей инстанціи, при такихъ условіяхъ было бы едва ли возможно для назначеннаго ректора. Поэтому задачи контроля надъ дѣятельностью университета могутъ быть объективнѣе и правильнѣе достигнуты правительственнымъ органомъ, стоящимъ внѣ университета, каковымъ является попечитель округа. По тѣмъ же соображеніямъ и ознакомленіе центральнаго органа власти съ положеніемъ дѣлъ въ университетѣ чрезъ посредство назначеннаго ректора, съ устраненіемъ коллегій отъ провѣрки или дополненія представляемыхъ свѣдѣній, можетъ оказаться совершенно одностороннимъ и пристрастнымъ. Всѣ подобныя свѣдѣнія могутъ быть къ тому же доставлены по требованію власти и ректоромъ избраннымъ, съ тою существенною разницею, что представляемые имъ свѣдѣнія необходимо проходить черезъ совѣтъ.

Назначеніе ректора правительствомъ при существованіи коллегій ведетъ неизбежно къ столкновеніямъ коллегій или отдѣльных ихъ членовъ съ ректоромъ. Не говоря уже о томъ, что такія столкновенія отразятся чрезвычайно неблагоприятно на ходѣ университетской жизни, нельзя не обратить вниманія на принципіальный вопросъ: на кого, въ случаѣ такихъ столкновеній у ректора съ коллегіей, должна быть возложена отвѣтственность за правильное теченіе университетской жизни и за сохраненіе внутренняго порядка въ университетѣ, напр., при возникновеніи студенческихъ волненій? Нѣтъ сомнѣній, что принять на себя такую отвѣтственность коллегія при указанныхъ условіяхъ не можетъ.

Сверхъ того, какъ показалъ опытъ цѣлаго ряда лѣтъ, представители коллегій, назначаемые изъ среды тѣхъ же коллегій, могутъ вносить въ производство дѣлъ свои личныя

симпатіи и недоброжелательства, поощрять однихъ и принижать другихъ и этимъ не только извращать товарищескія отношенія между преподавателями, но и содѣйствовать развитію такихъ личныхъ качествъ въ преподавательскомъ персоналѣ университетовъ, какъ заискиваніе и угодность передъ начальствомъ для достиженія разныхъ личныхъ выгодъ.

Наконецъ, самое рѣшеніе дѣлать коллегіями при назначенныхъ предсѣдателяхъ обращается нерѣдко въ пустую фикцію, такъ какъ по всѣмъ дѣламъ, восходящимъ въ высшія инстанціи, предсѣдатель можетъ представить мнѣнія неугоднаго большинства или меньшинства въ совершенно неправильномъ свѣтѣ.

Поэтому, при системѣ назначенія хотя бы одного ректора, было бы гораздо правильнѣе и послѣдовательнѣе совершенно упразднить коллегіи для устраненія неизбежныхъ между ними и ректоромъ столкновеній со всѣми ихъ невыгодными послѣдствіями.

Помимо указанныхъ соображеній, нельзя не принять во вниманіе еще и слѣдующей подробности. Ректоръ, какъ представитель университета, долженъ обладать не только административными способностями, но и возможно большимъ ученымъ и нравственнымъ авторитетомъ. Центральному органу власти при всемъ желаніи выбрать такое лицо изъ наличнаго числа профессоровъ каждаго даннаго университета будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ самой коллегіи, которая ближе освѣдомлена съ качествами отдѣльныхъ ея членовъ. При томъ и ошибки, возможныя и неизбежныя во всѣхъ человѣческихъ поступкахъ, легче поправимы при избраніи ректора коллегіей, такъ какъ неудачно избранный ректоръ не будетъ переизбранъ на новый срокъ; назначеніе же министерствомъ новаго ректора на слѣдующій срокъ будетъ имѣть характеръ смѣны прежняго, что, конечно, будетъ допускаться только по особо важнымъ поводамъ.

Противъ избранія ректора коллегіей обыкновенно приводится то возраженіе, то такое избраніе будетъ неизбежно партійнымъ и поставлено въ зависимость отъ господствующаго

въ данный моментъ, нерѣдко совершенно случайнаго, большинства. Избранный же большинствомъ коллегіи ректоръ явится по отношенію къ меньшинству ея тѣмъ же назначеннымъ, но съ тою лишь разницею, что въ силу партійности онъ будетъ оказывать на членовъ меньшинства гораздо большее давленіе, чѣмъ ректоръ, назначенный правительствомъ.

По существу этого возраженія необходимо прежде всего замѣтить, что партійность является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякой коллегіальной формы управленія. Корень ея лежитъ въ различіи мнѣній отдѣльных членовъ коллегіи. До тѣхъ поръ, пока партійность не переходитъ за границы различія мнѣній, это явленіе даже желательно, ибо коллегія и учреждается для болѣе всесторонняго обсужденія вопросовъ. Зло партійности начинается съ того момента, когда къ различію мнѣній примѣшиваются мелочные счеты и дразги. Противъ этого зла имѣется только одно радикальное средство — это закрытіе коллегіи. При назначеніи ректора правительствомъ партійность не только не уменьшится, но и увеличится, такъ какъ разсчитывающій на поддержку власти ректоръ не имѣетъ никакихъ поводовъ сдерживать себя въ приемахъ борьбы съ противной партіей и ея отдѣльными членами. За отсутствіемъ избранія ректора борьба партій будетъ только перенесена на другіе вопросы. Сказанное о партійности цѣликомъ примѣняется и къ выборной агитаціи, которая, если и будетъ устранена въ одномъ случаѣ — при избраніи ректора, — то проявится при избраніи декановъ и преподавателей; а за отмѣною выборной системы перенесется на рѣшеніе другихъ вопросовъ. Избраніе ректора поэтому окажется ничуть не болѣе партійнымъ, чѣмъ избраніе декановъ или профессоровъ и вообще рѣшеніе какихъ либо вопросовъ коллегіей.

Что касается указаній на то, что избранный ректоръ можетъ по отношенію къ членамъ меньшинства оказывать давленіе даже болѣе сильное, чѣмъ ректоръ, назначенный правительствомъ, то подобное указаніе основано на очевидномъ недоразумѣніи. Избранный даннымъ составомъ коллегіи, даже и при обширныхъ его полномочіяхъ, ректоръ необходимо дол-

жентъ будетъ всегда сообразоваться съ мнѣніемъ коллегіи въ каждомъ данномъ случаѣ. Являясь представителемъ университета и обладая необходимыми полномочіями по всѣмъ текущимъ дѣламъ въ жизни университета, ректоръ можетъ быть правительственною властью облеченъ даже къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, когда спокойному теченію университетской жизни грозитъ серьезная опасность, съ обязательствомъ довести объ этихъ мѣрахъ до свѣдѣнія совѣта и начальства. При нормальныхъ же условіяхъ и въ предѣлахъ своихъ полномочій ректоръ лишь приводитъ въ исполненіе постановленія совѣта или дѣйствуетъ согласно полученнымъ отъ совѣта инструкціямъ. Поэтому и сношенія съ высшимъ начальствомъ для него возможны, помимо канцелярскихъ справокъ, лишь по вопросамъ, разсмотрѣннымъ и разрѣшеннымъ совѣтомъ, съ присоединеніемъ къ постановленіямъ совѣта лишь мнѣній (не исключая и своего), заявленныхъ въ засѣданіи въ качествѣ особыхъ. Какъ временно уполномоченное совѣтомъ лицо, ректоръ долженъ быть совершенно устраненъ отъ представленія избравшихъ его товарищей къ чинамъ, орденамъ и вообще къ какимъ либо наградамъ. Изъ всего этого явствуетъ, что по отношенію къ меньшинству и его членамъ избранный ректоръ не можетъ оказать никакого давленія безъ вѣдома и участія совѣтскаго большинства и при томъ всегда вполне явно, такъ что заинтересованные всегда имѣютъ возможность принять заранѣе мѣры къ охранѣ своихъ интересовъ. Тогда какъ ректоръ назначенный можетъ нанести ущербъ отдѣльнымъ членамъ коллегіи путемъ конфиденціальныхъ на нихъ донесеній, при чемъ тѣ могутъ и не подозревать о грозящей имъ опасности. Поэтому для членовъ меньшинства нѣтъ никакихъ основаній опасаться какого-то особаго давленія со стороны избраннаго коллегіей ректора.

При рѣшеніи вопроса о срокѣ, на какой должно происходить избраніе ректора и декановъ, коммиссія исходила изъ двухъ соображеній. Съ одной стороны, чѣмъ чаще происходили бы новые выборы, тѣмъ полнѣе была бы гармонія между представителемъ и самой коллегіей, тѣмъ менѣе ощутительны были

бы послѣдствіи неудачныхъ избраній. Но съ другой стороны обязанности, главнымъ образомъ, ректора представляются настолько сложными, что требуютъ извѣстнаго навыка, который приобрѣсти въ короткій срокъ довольно трудно; да и самое теченіе дѣлъ при частой смѣнѣ руководителей могло бы потерпѣть извѣстный ущербъ. Поэтому комиссія остановилась на трехлѣтнемъ срокѣ избранія для ректора и двухлѣтнемъ для декановъ.

Утверждаться въ должности ректоръ долженъ Высочайшею Властью, деканы же — Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Вопросъ второй.

(Докладъ № 16).

При обсужденіи вопроса — „какія измѣненія желательны въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства факультетовъ, правленія и совѣта“ — комиссія прежде всего обратила вниманіе на главные начала, положенныя въ основу дѣйствующаго устава университетовъ 1884 г. при опредѣленіи вѣдомства университетскихъ коллегій. Недовѣріе къ послѣднимъ выразилось между прочимъ въ томъ, что самостоятельная компетенція совѣта и факультетовъ сведена къ ничтожному кругу дѣлъ; по всѣмъ же другимъ дѣламъ коллегія должны были представлять лишь свои предположенія на утвержденіе правительственной власти. Наряду съ этимъ, назначенные ректоръ и деканы, а также правленіе, состоящее изъ этихъ назначенныхъ органовъ и инспектора, заняли господствующее положеніе. Такъ, напр., по уставу, окончательному рѣшенію факультетовъ предоставлены только дѣла о производствѣ испытаній, зачетѣ полугодій, назначеніи темъ и присужденіи за нихъ наградъ, о выдачѣ свидѣтельствъ выпускныхъ и магистрантскихъ и почти ничего болѣе. Даже вопросы о мѣрахъ къ обезпеченію полноты и правильности университетскаго преподаванія могли возникнуть въ факультетѣ лишь по предложенію ректора, и факультетъ

постановлялъ по этимъ дѣламъ не рѣшенія, а „заключенія по симъ предложеніямъ.“ Отдѣльными же циркулярами и по указаннымъ текущимъ дѣламъ самостоятельность факультетовъ ограничена цѣлымъ рядомъ самыхъ мелочныхъ правилъ. Теперь факультетамъ не довѣряютъ даже по такимъ ничтожнымъ вопросамъ, какъ переносъ экзаменовъ съ весны на осень для отдѣльныхъ студентовъ по уважительнымъ причинамъ; частичныя отступленія отъ установленнаго порядка экзаменовъ; зачетъ семестровъ съ ничтожными отступленіями отъ предписанныхъ правилъ; издаются цѣлыя серіи циркуляровъ объ условномъ переводѣ съ двойкой, о порядкѣ вычисленія средней отмѣтки изъ полученныхъ на испытаніи балловъ, при чемъ молодыхъ людей предписывается оставлять на повторительный курсъ, если у нихъ не достаетъ даже четверти до необходимой тройки съ половиной въ среднемъ выводѣ. Въ результатѣ получается, съ одной стороны, обремененіе правительственныхъ органовъ совершенно ничтожными дѣлами, рѣшеніе которыхъ по существу вызываетъ, однако, затрудненія, такъ какъ подробности конкретнаго случая высшимъ инстанціямъ обыкновенно неизвѣстны и должны сообщаться туда изъ университетовъ; а съ другой — какимъ же авторитетомъ могутъ пользоваться университетскія коллегіи, низведенныя къ роли исполнительныхъ органовъ для предписаній высшаго начальства, когда совершенно очевидно, что всѣ перечисленные мелкія дѣла могутъ быть разрѣшены на мѣстахъ самими университетами скорѣе, безъ всякой канцелярской волокиты, стало быть проще и даже основательнѣе.

Такой порядокъ опеки совершенно несовмѣстимъ съ понятіемъ университетской автономіи. По принципу сама автономная единица рѣшаетъ подлежащія ея вѣдомству дѣла. Но правительственный надзоръ долженъ существовать и по отношенію къ ней. Такими наблюдающими и контролирующими инстанціями по отношенію къ университетамъ являются попечитель округа и министръ народнаго просвѣщенія. Надзоръ этихъ двухъ инстанцій выражается двояко: въ формѣ утвержденія постановленій совѣта и факультетовъ и въ формѣ по-

стояннаго наблюденія за правильностью дѣйствій принадлежащихъ къ университету учреждений и лицъ. Особенно при настоящихъ условіяхъ, когда составъ университетовъ слагался по системѣ назначенія, этотъ надзоръ попечителя и министра можетъ оказать во многихъ случаяхъ благотѣльное вліяніе на дѣятельность корпораціи. Таково, напр., утвержденіе важнѣйшихъ рѣшеній коллегій, какъ то: избраніе ректора, декановъ и профессоровъ; измѣненія въ составѣ факультетовъ и кафедръ; опредѣленіе обязательныхъ предметовъ на каждомъ факультетѣ и т. д. Въ уставѣ всѣ эти случаи должны быть точно указаны.

Помимо же этихъ точно обозначенныхъ случаевъ, правительственной власти въ лицѣ попечителя должно быть предоставлено право наблюденія за дѣятельностью университетовъ. Поэтому попечитель долженъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ средства къ выполненію этой функціи. Съ этою цѣлью ему обязательно представляются протоколы и журналы постановленій совѣта и правленія, а также журналы и протоколы факультетскихъ собраний въ тѣхъ случаяхъ, когда того пожелаетъ попечитель. Усмотрѣвъ изъ этихъ или другихъ данныхъ о какихъ либо неправильныхъ дѣйствіяхъ или отступленіяхъ отъ установленныхъ правилъ, попечитель дѣлаетъ указанія соотвѣтственнымъ университетскимъ учреждениямъ, которыя обязаны обсудить эти указанія и представить о результатѣ попечителю. По вопросамъ же, относительно которыхъ требуется утвержденіе попечителя, онъ, конечно, можетъ и не утвердить постановленій коллегій, но самостоятельныхъ рѣшеній въ такихъ случаяхъ принимать не можетъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ коллегія пришлось бы проводить мѣру, которую она можетъ признать нецѣлесообразною. Отсюда исключаются случаи чрезвычайные, когда попечитель уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностью о подобныхъ случаяхъ доводить до свѣдѣнія министра. Въ обыкновенномъ же порядкѣ попечитель долженъ неутвержденное имъ постановленіе обратить къ новому разсмотрѣнію коллегіи, которая, конечно, приметъ во вниманіе и соображенія попечителя. Такое ограниченіе власти попечителя не будетъ осла-

бленіемъ его авторитета; власть его будетъ поставлена лишь въ законные предѣлы. Вліяніе же попечителя отразится на ходѣ университетской жизни не только отрицательно, но и положительно, такъ какъ за нимъ останется инициатива возбужденія всѣхъ вопросовъ, въ формѣ предложеній коллегіямъ принять ту или другую мѣру или обсудить тотъ или иной вопросъ.

Непосредственное же завѣдываніе всѣми дѣлами университета, а именно: учеными, учебными и хозяйственными, а также всѣми вообще дѣлами внутренняго порядка, благоустройства и суда, должно находиться въ рукахъ коллегій, т. е. совѣта, факультетовъ, правленія и университетскаго суда по принадлежности. Распределеніе вѣдомства по всѣмъ перечисленнымъ дѣламъ между отдѣльными коллегіями университета съ формальной стороны должно быть построено на принципѣ децентрализаціи, съ сохраненіемъ, однако, внутренняго единства университета; по существу же общимъ началомъ слѣдуетъ признать, что учено-учебныя дѣла составляютъ вѣдомство факультетовъ, хозяйственныя входятъ въ компетенцію правленія, судебныя — въ компетенцію университетскаго суда. Совѣтъ же, какъ главнѣйшая университетская коллегія, несетъ на себѣ отвѣтственность за управленіе университетомъ согласно уставу. Поэтому совѣту должно принадлежать, съ одной стороны, право общаго контроля надъ дѣятельностью другихъ коллегій и единоличныхъ органовъ университетскаго управленія, помимо суда; съ другой — ему необходимо предоставить право инициативы по вопросамъ измѣненія и дополненія университетскаго устава, когда по указаніямъ опыта это оказалось бы необходимымъ въ интересахъ болѣе успѣшнаго развитія университетской жизни. Такимъ образомъ, по роду дѣлъ, компетенція совѣта обнимаетъ всѣ перечисленные вопросы, за исключеніемъ лишь дѣлъ судебныхъ.

Безспорно центромъ университетской жизни является учено-учебная дѣятельность, составляющая первую и главнѣйшую работу факультетовъ. Въ большинствѣ случаевъ этого рода дѣла должны разрѣшаться факультетами самостоятельно или же въ случаяхъ, болѣе важныхъ или касающихся всѣхъ или нѣсколькихъ факультетовъ, — по представленію совѣту. Совершенно

обратно правилу дѣйствующаго устава, отнимающаго у факультетовъ даже инициативу по вопросамъ о правильности и полнотѣ университетскаго преподаванія, въ учено-учебной дѣятельности факультетовъ долженъ найти ближайшее выраженіе принципъ свободы преподаванія. Надлежащимъ образомъ руководить университетскимъ преподаваніемъ не можетъ никто, помимо самихъ университетскихъ коллегій. Поэтому программы и планы преподаванія должны составлять предметы обсужденій факультетовъ и утверждаться по соглашенію между преподавателями. Этимъ путемъ всего естественнѣе будутъ достигнуты полнота и правильность и устранены повторяемость и пробѣлы въ преподаваніи. Всецѣло въ рукахъ факультетовъ должно находиться и рѣшеніе всѣхъ текущихъ вопросовъ научно-учебной жизни, какъ то: о составѣ, порядкѣ и срокахъ испытаній, устанавливаемыхъ для контроля надъ занятіями студентовъ; объ организаціи практическихъ занятій, о письменныхъ работахъ, о зачетѣ полугодій и т. п. На обязанности факультетовъ должны лежать и заботы о подготовленіи молодыхъ людей въ профессорскому званію. Правительственная власть можетъ лишь требовать, чтобы слушатели университетовъ имѣли возможность получить тотъ мѣнѣе свѣдѣній, какой почитается необходимымъ для приобрѣтенія правъ государственной службы въ той или иной сферѣ дѣятельности. Поэтому министръ народнаго просвѣщенія долженъ утверждать постановленія факультетовъ и совѣта, какъ относительно указанія предметовъ, обязательныхъ для студентовъ, такъ и относительно правилъ о производствѣ испытаній на ученныя степени и званія, а также и объ условіяхъ допущенія къ нимъ.

Правленіе, — состоящее подъ предсѣдательствомъ ректора изъ декановъ, а по дѣламъ о назначеніи студентамъ стипендій и пособій и объ освобожденіи ихъ отъ платы за слушаніе лекцій и о лишеніи этихъ преимуществъ не за проступки, еще и изъ проректора, — является по преимуществу хозяйственною коллегіею. Съ учрежденіемъ университетскаго суда и проректуры вся дисциплинарно-карательная дѣятельность изъемлется изъ вѣдомства правленія и распределяется между ректоромъ, про-

Ректоромъ и университетскимъ судомъ. Хозяйственная компетенція правленія не можетъ стоять, однако, вполнѣ обособленно отъ общаго университетскаго самоуправленія, въ виду тѣсной связи между учебными нуждами и матеріальными средствами университета. И дѣятельность правленія поэтому должна стоять, при желательной его самостоятельности, подъ нѣкоторымъ контролемъ совѣта, которому должна быть предоставлена возможность не только освѣдомляться о текущемъ ходѣ университетскаго хозяйства, но и проявлять свое вліяніе на общее на правленіе хозяйственнаго управленія. Достиженіе этой цѣли предполагается установленіемъ правила, въ силу котораго совѣтъ не только разсматриваетъ финансовую смѣту университета, а также разсматриваетъ и утверждаетъ ежегодную смѣту доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ, но сверхъ того разсматриваетъ ежегодный отчетъ правленія о выполненіи смѣты спеціальныхъ средствъ. Далѣе, въ числѣ статей расхода спеціальныхъ средствъ имѣются и нынѣ суммы, которыми распоряжается совѣтъ, какъ то: на вознагражденіе преподавателей за особые труды, на пособія по командировкамъ. Но въ распоряженіи совѣта должна находиться еще сумма на непредвидѣнные расходы, независимая отъ подобной суммы, находящейся въ распоряженіи правленія. Наконецъ, совѣту должно быть предоставлено право голоса и по такимъ важнымъ хозяйственнымъ дѣламъ, какъ отчужденіе принадлежащихъ университету недвижимыхъ имуществъ. Въ остальномъ хозяйственная дѣятельность правленія регулируется лишь общими узаконеніями, правилами устава, смѣтами и общими распоряженіями относительно порядка отчетности и счетоводства.

Не касаясь университетскаго суда, о чемъ представляется особый докладъ, комиссія считаетъ не лишнимъ отмѣтить, что совѣтъ, какъ главная коллегія университета, является выразителемъ единства университета и университетскаго управленія. Его компетенція поэтому является по необходимости смѣшанною. Даже и въ отношеніи къ независимому суду совѣтъ проявляетъ свое вліяніе избраніемъ изъ своей среды подлежащаго числа судей. Въ сферѣ учено-учебной дѣятельности универ-

ситета компетенція совѣта является весьма обширной, обнимая не только вопросы, затрогивающіе интересы нѣсколькихъ факультетовъ, но и всѣ болѣе важные случаи университетской жизни, какъ то: утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, ученые командировки и особенно избраніе преподавателей (о чемъ см. особое дополненіе къ настоящему докладу) и пр. Наконецъ, въ рукахъ совѣта находится и главное управленіе университетомъ, для чего совѣтъ избираетъ не только главнаго единоличнаго представителя университета — ректора, а также проректора для наблюденія за студентами, но и цѣлый рядъ другихъ должностныхъ лицъ: библіотекарей, секретарей канцелярій, и вырабатываетъ инструкціи и правила для ихъ дѣятельности по отдѣльнымъ вопросамъ университетскаго управленія.

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ распредѣленіемъ компетенцій между отдѣльными университетскими коллегіями, при семъ прилагается составленный примѣнительно къ дѣйствующимъ уставамъ университетовъ примѣрный перечень предметовъ вѣдомства факультетовъ, совѣта и правленія.

Приложеніе къ докладу № 16-й.

Распредѣленіе предметовъ вѣдомства факультетовъ, совѣта и правленія.

Вѣдомство факультетовъ.

А. Дѣла, предоставляемыя собственному рѣшенію факультетовъ.

1. Ближайшее наблюденіе за правильнымъ ходомъ преподаванія факультетскихъ предметовъ.
2. Составленіе учебныхъ плановъ и программъ преподаванія и распредѣленіе лекцій и практическихъ упражненій по днямъ недѣли и часамъ, съ сообщеніемъ о томъ совѣту.
3. Мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ.
4. Назначеніе задачъ для ежегоднаго соисканія студентами медалей и премій и присужденіе таковыхъ, съ сообщеніемъ о томъ совѣту.

5. Опредѣленіе состава, порядка и сроковъ испытаній, устанавливаемыхъ для контроля надъ занятіями студентовъ, и производство таковыхъ, а также производство испытаній на ученныя степени и званія.

6. Рѣшеніе вопросовъ о допущеніи экстерновъ, въ томъ числѣ докторовъ иностранныхъ университетовъ, къ испытаніямъ на ученныя степени и званія и на степень доктора медицины.

7. Присужденіе медицинскихъ и фармацевтическихъ званій, при чемъ степени доктора медицины и магистра фармаціи подлежатъ утвержденію совѣта.

8. Разсмотрѣніе диссертаций на ученныя степени и допущеніе ихъ къ публичной защитѣ.

9. Разсмотрѣніе сочиненій, издаваемыхъ на счетъ университета или отъ его имени, а также цензура этихъ сочиненій.

10. Избраніе секретаря факультета изъ числа профессоровъ или дѣлопроизводителя по вольному найму.

11. Выборъ лицъ для оставленія при университетѣ въ качествѣ стипендіатовъ или безъ стипендій для подготовки къ профессорскому званію.

12. Утвержденіе и увольненіе помощниковъ директоровъ, лаборантовъ, ассистентовъ, консерваторовъ, ученаго садовника, механика, мастера хирургическихъ инструментовъ, провизора и его помощника, ординаторовъ, препараторовъ и повивальныхъ бабокъ, по предложеніямъ соотвѣтственныхъ профессоровъ.

13. Опредѣленіе, какіе изъ недостаточныхъ студентовъ оказываются достойными стипендій и пособій, съ сообщеніемъ о томъ правленію, а также указаніе правленію тѣхъ студентовъ, которые заслуживаютъ по своимъ успѣхамъ освобожденію отъ платы за слушаніе лекцій.

14. Вознагражденіе приватъ-доцентовъ за исполненіе порученій факультета изъ имѣющихся въ распоряженіи факультета суммъ, съ сообщеніемъ о томъ совѣту.

Б. Дѣла, представляемыя на разсмотрѣніе или утвержденіе совѣта.

1. Избраніе декана.

2. Принятіє мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по факультету профессорскихъ и другихъ преподавательскихъ вакансій и опредѣленіе вознагражденія исправляющимъ вакантныя должности.

3. Допущеніе къ должности приватъ-доцентовъ и вознагражденіе ихъ за особыя занятія изъ спеціальныхъ средствъ университета.

4. Предположенія о раздѣленіи факультетовъ на отдѣленія, соединеніи и раздѣленіи кафедръ, о замѣнѣ однихъ изъ нихъ другими, объ открытіи новыхъ кафедръ и о перенесеніи кафедръ съ одного факультета на другой, а также о перемѣщеніи профессоровъ съ одной кафедры на другую.

5. Выборъ лицъ, командирѣмыхъ за границу и внутрь Имперіи для приготовленія къ профессорскому званію.

6. Присужденіе ученыхъ степеней и званій на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, а на послѣднемъ — присужденіе степени доктора медицины и магистра фармаціи.

7. Возведеніе лицъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими учеными трудами, прямо въ степень доктора.

8. Ходатайства о допущеніи лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность научными трудами, прямо къ соисканію степени доктора.

9. Присужденіе докторской степени магистрантамъ, которыми будутъ представлены диссертацин, отличающіяся особыми научными достоинствами.

10. Правила о производствѣ испытаній на ученые степени и званія и объ условіяхъ допущенія къ нимъ, а также правила о допущеніи къ экзаменамъ экстерновъ.

11. Опредѣленіе предметовъ, обязательныхъ для студентовъ.

12. Составленіе проектовъ положеній для находящихся при факультетѣ семинарій.

13. Распредѣленіе суммъ, назначенныхъ по штату на учебныя пособія, по факультетамъ.

14. Составленіе программъ на конкурсы для замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

15. Представленія о дополнительныхъ ассигнованіяхъ изъ специальныхъ средствъ на учебно-вспомогательныя учрежденія и пособія.

16. Дѣла, передаваемыя на предварительное обсужденіе факультетовъ.

Вѣдомство совѣта.

А. Дѣла, предоставляемыя собственному рѣшенію совѣта.

1. Мѣры и распоряженія, ведущія къ усиленію ученой и учебной дѣятельности университета, въ особенности учрежденіе и увеличеніе учено- и учебно-вспомогательныхъ заведеній и коллекцій; общія распоряженія о завѣдываніи ими; назначеніе путешествій съ ученою цѣлью; изданіе ученыхъ трудовъ и т. п. на счетъ университета.

2. Утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ, а по медицинскому факультету — въ степени доктора медицины и магистра фармаціи.

3. Утвержденіе въ степени доктора лицъ, пріобрѣвшихъ почетную извѣстность своими учеными трудами, по представленію факультетовъ.

4. Допущеніе лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своими научными трудами, къ соисканію степени доктора, по представленію факультетовъ.

5. Утвержденіе по ходатайствамъ факультетовъ въ степени доктора такихъ магистрантовъ, которыми будутъ представлены диссертации, отличающіяся особенными научными достоинствами.

6. Допущеніе къ должности приватъ-доцентовъ по представленіямъ факультетовъ.

7. Распоряженія, по представленіямъ факультетовъ, относительно временнаго исполненія вакантныхъ должностей преподавателей.

8. Назначеніе вознагражденія приватъ-доцентамъ за особые труды изъ специальныхъ средствъ университета, по представленіямъ факультетовъ.

9. Опредѣленіе на должности секретари совѣта, секретари правленія и секретари по студенческимъ дѣламъ.

10. Назначеніе корреспондентовъ.

11. Избраніе директора библіотеки и редактора ученыхъ записокъ.

12. Увольненіе въ отпуски преподавателей и лицъ, состоящихъ на учебной службѣ, срокомъ не свыше 29 дней.

13. Распредѣленіе суммъ, назначаемыхъ по штату на учебныя пособія, между факультетами.

14. Присужденіе премій за ученые труды на задачи, предлагаемыя отъ имени университета.

15. Организація публичныхъ лекцій и курсовъ.

16. Утвержденіе уставовъ студенческихъ организацій и закрытіе послѣднихъ, по представленію ректора, въ случаѣ нарушенія ими своихъ уставовъ.

17. Разсмотрѣніе финансовой смѣты университета, а равно разсмотрѣніе и утвержденіе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ специальныхъ средствъ.

18. Разсмотрѣніе ежегоднаго отчета правленія объ исполненіи смѣты.

19. Разрѣшеніе сверхштатнаго на одинъ предметъ расхода не свыше 300 руб. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи совѣта.

20. Назначеніе торжественныхъ публичныхъ собраній совѣта.

В. Дѣла, представляемыя на утвержденіе попечителя.

1. Избраніе, по представленіямъ факультетовъ, въ должности прозектора, астронома-наблюдателя, ученаго аптекаря и лекторовъ.

2. Избраніе библіотекаря и его помощниковъ, архитектора, учителей рисованія, музыки и прочихъ искусствъ.

3. Назначеніе вознагражденія за временное исправленіе вакантныхъ преподавательскихъ должностей.

4. Увольненіе въ отпуски преподавателей и другихъ служащихъ, срокомъ свыше 29 дней.

5. Избраніе въ почетные члены лицъ, оказавшихъ особенныя заслуги споспѣшествованіемъ общепользнымъ и научнымъ цѣлямъ.

6. Увольненіе и удаленіе должностныхъ лицъ, перечисленныхъ въ пп. 1 и 2.

7. Инструкція для проректора.

8. Утвержденіе правилъ: а) о порядкѣ дѣлопроизводства въ совѣтѣ, факультетахъ и правленіи;

б) о приѣмѣ студентовъ въ университетъ;

в) о порядкѣ взиманія суммы, собираемой за слушаніе лекцій;

г) о допущеніи постороннихъ лицъ къ слушанію лекцій и о взиманіи за эти лекціи платы;

д) о порядкѣ взиманія платы за испытанія экстерновъ;

е) объ обязанностяхъ учащихъ и о порядкѣ въ университетѣ.

В. Дѣла, представляемыя чрезъ попечителя министру народнаго просвѣщенія.

1. Избраніе ректора, университетскихъ судей, проректора и профессоровъ и представленіе къ утвержденію избранныхъ факультетами декановъ.

2. Увольненіе и удаленіе отъ должности проректора, декановъ и профессоровъ.

3. Раздѣленіе факультетовъ на отдѣленія, соединеніе и раздѣленіе кафедръ, замѣна однихъ изъ нихъ другими, открытіе новыхъ кафедръ и перенесеніе кафедръ съ одного факультета на другой.

4. Опредѣленіе, которые изъ преподаваемыхъ предметовъ должны быть обязательны для студентовъ.

5. Перемѣщеніе профессоровъ съ одной кафедры на другую.

6. Разсмотрѣніе положеній объ особыхъ установленіяхъ и семинаріяхъ при факультетахъ.

7. Отправленіе молодыхъ людей за границу и внутрь Имперіи для приготовленія къ занятію кафедръ.

8. Составленіе правилъ о производствѣ испытаній на ученныя степени и объ условіяхъ допущенія къ нимъ, а также правилъ о допущеніи къ экзаменамъ экстерновъ.

9. Учрежденіе ученыхъ обществъ и утвержденіе ихъ уставовъ.

10. Правила о взысканіяхъ за нарушеніе учащими ихъ обязанностей.

11. Правила о судопроизводствѣ въ университетскомъ судѣ.

12. Представленія о необходимыхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ университетскаго устава.

13. Дѣла объ отчужденіи университетскихъ недвижимыхъ имуществъ, по представленію правленія.

Вѣдомство правленія.

А. Дѣла, предоставляемыя собственному рѣшенію правленія.

1. Распоряженіе суммами, назначенными на содержаніе университета по финансовой смѣтѣ.

2. Производство, въ границахъ смѣтнаго на каждый предметъ назначенія, сверхштатнаго на одинъ предметъ расхода не свыше 300 руб.

3. Заключеніе контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ не свыше 5000 руб. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

4. Распоряженіе о продажѣ движимости, сдѣлавшейся негодною.

5. Надзоръ за внутреннимъ управленіемъ въ хозяйственномъ отношеніи всѣми принадлежащими къ университету учебно-вспомогательными учрежденіями и собраніями; утвержденіе составленныхъ для оныхъ завѣдующими лицами правилъ и составленіе инструкцій для находящихся въ вѣдѣніи правленія чиновниковъ и служителей.

6. Наблюденіе за цѣлостію всѣхъ университетскихъ строеній и за производящимися вновь постройками, для каковой цѣли въ вѣдѣніи правленія состоитъ архитекторъ университета.

7. Правленіе имѣетъ въ главномъ своемъ завѣдываніи университетскую собственность, наблюдаетъ за ея сохранностію и за исправнымъ веденіемъ ея описей и слѣдитъ за внѣшнимъ благочиніемъ и порядкомъ въ зданіяхъ университета, для каковой цѣли въ вѣдѣніи правленія состоитъ эзеквоторъ.

8 Правленіе получаетъ сумму, опредѣленную на содержаніе университета, въ сроки, назначенные по ежегодному расписанію, а также принимаетъ деньги, вносимыя за слушаніе лекцій, и другіе доходы университета; отвѣчаетъ за цѣлость этихъ суммъ; распоряжается ими согласно со штатомъ и смѣтою; выдаетъ стипендіи и пособія; заключаетъ условія на подряды и поставки и производитъ выдачи, наблюдая, въ отношеніи какъ расходованія суммъ, такъ и отчетности въ оныхъ, порядковъ, предписанный общими законами и особыми распоряженіями министра народнаго просвѣщенія.

Примѣчаніе. Специальныя средства университета составляютъ его неотъемлемую собственность, которою онъ можетъ распоряжаться во всякое время на основаніи изложенныхъ въ уставѣ постановленій.

9. Увольненіе въ отпускъ не принадлежащихъ къ учебной части чиновниковъ, срокомъ не свыше 29 дней.

10. Выдача пособій и стипендій бѣднымъ студентамъ, по представленіямъ факультетовъ; освобожденіе отъ платы за ученіе нуждающихся студентовъ или уменьшеніе ея, по представленіямъ факультетовъ.

11. Распределеніе помѣщеній подъ учебно-вспомогательныя учрежденія и подъ квартиры должностнымъ лицамъ, которымъ таковыя присвоены, и служителямъ.

12. Назначеніе на должность оберъ-педеля, по представленію проректора.

Б. Дѣла, представляемыя на разсмотрѣніе или утвержденіе совѣта.

1. Смѣта ежегодныхъ доходовъ и расходовъ университета.
2. Годовой отчетъ объ исполненіи смѣты специальныхъ средствъ университета.
3. Представленія объ отчужденіи недвижимаго имущества.

В. Дѣла, представляемыя на утвержденіе попечителя.

1. Разрѣшеніе изъ специальныхъ средствъ университета сверхсмѣтныхъ на одинъ предметъ расходовъ свыше 300 руб.

2. Заключение контрактовъ на подряды и поставки свыше 5000 руб.

3. Предположенія, касающіяся улучшенія по хозяйственной части.

4. Назначеніе на должности: казначея, бухгалтера, экзекутора, архиваріуса, эконома и смотрителя клиникъ и университетскаго врача.

Г. Дѣла, представляемыя чрезъ попечителя на утвержденіе министра.

1. Производство сверхштатныхъ расходовъ изъ специальныхъ средствъ, въ размѣрѣ свыше 1000 руб. на одинъ предметъ.

2. Заключение контрактовъ по подрядамъ и поставкамъ, на сумму свыше 7000 руб. въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Особое дополненіе къ докладу № 16.

(Объ избраніи профессоровъ).

Однимъ изъ признаковъ автономіи университетовъ указанъ раньше и тотъ, что профессорская корпорація пополняется путемъ избранія новыхъ членовъ самою коллегіею.

Въ исторіи нашихъ университетовъ этотъ порядокъ существовалъ до устава 1884 г., когда система избранія замѣнена системою назначенія, со сохраненіемъ, однако, того основного требованія, что назначаемыя лица должны удовлетворять тѣмъ же указаннымъ въ уставѣ условіямъ научнаго ценза, какими обставлено было ранѣе избраніе профессоровъ университетскими коллегіями. Не подлежитъ сомнѣнію, что при назначеніи профессоровъ правительственною властью послѣдняя пріобрѣтаетъ возможность вліять на подборъ преподавательскаго состава университетовъ и тѣмъ самымъ оказывать воздѣйствіе на ходъ и направленіе преподаванія. Едва ли, однако, возможно допустить, что при назначеніи преподавателей единоличною властью центрального органа обезпечивается лучшій подборъ ученыхъ и учебныхъ силъ, чѣмъ при системѣ избранія

ихъ, такъ какъ ученая collegія теоретически имѣетъ большую возможность оцѣнить пригодность даннаго кандидата, чѣмъ одно лицо, хотя бы и обладающее широкимъ и разностороннимъ образованіемъ. Поскольку видоизмѣнился составъ профессуры со времени введенія устава 1884 г., эти видоизмѣненія не даютъ рѣшающихъ указаній на улучшеніе преподавательскаго персонала университетовъ; скорѣе можно отмѣтить обратное явленіе, во многихъ отдѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, случаяхъ.

Но если теоретически избирательный порядокъ гарантируетъ болѣе компетентную оцѣнку кандидатовъ на вакантныя каѳедры, то практически и онъ можетъ повести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, если въ дѣло оцѣнки примѣшаны будутъ личныя симпатіи и недоброжелательства, не имѣющія иногда ничего общаго съ учеными и нравственными качествами даннаго кандидата. Непотизмъ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ — вотъ зло, на какое обыкновенно указываютъ, какъ на неизбежное слѣдствіе избирательной системы.

Было бы, конечно, односторонне закрывать глаза на такое очевидное неудобство системы избранія. На это, однако, уже съ давнихъ поръ обращено серьезное вниманіе; а именно, коррективомъ противъ злоупотребленій правами избранія со стороны collegій въ университетскихъ уставахъ является правило, въ силу котораго избранные въ преподаватели подлежали утвержденію министра народнаго просвѣщенія. Этотъ порядокъ необходимо сохранить и впредь, если будетъ восстановлено избирательное начало при замѣщеніи каѳедръ.

Но, быть можетъ, было бы цѣлесообразнѣе сохранить существующую систему назначенія, лишь оставивъ ее нѣкоторыми условіями, обезпечивающими въ должной мѣрѣ оцѣнку ученыхъ и преподавательскихъ качествъ кандидатовъ. И нынѣ центральнѣйшій органъ министерства народнаго просвѣщенія въ подлежащихъ случаяхъ обращается за содѣйствіемъ, при выборѣ кандидатовъ не каѳедры, къ соотвѣтственнымъ спеціалистамъ. Если это дѣло упорядочить назначеніемъ постоянного совѣта разныхъ спеціалистовъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, то такой совѣтъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, съ

успѣхомъ могъ бы замѣнить университетскія collegii при оцѣнѣ ученыхъ заслугъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры.

Въ послѣднее время и нѣкоторые изъ сторонниковъ избирательной системы защищаютъ мнѣніе, что отзывы специалистовъ о достоинствахъ конкурентовъ должны не только лечь въ основу сужденій о нихъ въ университетскихъ collegiяхъ, но даже считаться для послѣднихъ обязательными.

Комиссія считаетъ себя обязанной представить разборъ этихъ мнѣній, такъ какъ она не можетъ присоединиться къ нимъ по существу.

Сужденія специалистовъ могутъ выражаться или въ формѣ единоличныхъ мнѣній, или въ видѣ collegiальнаго отзыва, если исходятъ отъ лица комиссіи изъ трехъ и болѣе лицъ. Послѣдній способъ оцѣнки долженъ быть признанъ болѣе правильнымъ, какъ устраняющій въ большей мѣрѣ возможность одностороннихъ сужденій. Но въ томъ и другомъ случаѣ насколько не гарантируется безпристрастность сужденій, ибо специалистъ или специалисты, оставаясь людьми, также могутъ поддаваться чувствамъ личныхъ симпатій и недоброжелательствъ, какъ и члены университетскихъ collegiй, и предпочесть данное лицо, какъ родственника или ученика своего собственнаго или своего пріятеля, другому болѣе достойному. Можно даже съ большою вѣроятностью предугадать, что непотизмъ духовный при подобныхъ условіяхъ пуститъ болѣе глубокіе корни, такъ что начнется разсыла по разнымъ университетамъ учениковъ даннаго вліятельнаго, не въ силу только своихъ личныхъ ученыхъ качествъ, специалиста въ прямой ущербъ цѣлямъ университетской науки и преподаванія. Министру народнаго просвѣщенія будетъ, однако, труднѣе и неудобнѣе отклонить назначеніе одобреннаго специалистами кандидата, хотя бы онъ и усмотрѣлъ пристрастіе въ ихъ сужденіяхъ, чѣмъ не утвердить представленіе университетской collegii.

Примѣръ Италіи, гдѣ существуетъ подобная комиссія специалистовъ, дающая отзывы о каждомъ конкурентѣ на каѳедру, всего лучше подтверждаетъ, что подобная организація за-

мѣщенія кафедръ не устраняетъ нареканій въ пристрастности сужденій. (См. книгу: *Eduardo Cimbali. Per la liberta della scienza e per la morale accademica. Roma 1901.*, гдѣ приложены многіе документы). Къ тому же организація такого совѣта специалистовъ у насъ сопряжена съ гораздо большими трудностями, чѣмъ, напр., въ Италіи, какъ въ виду обширности разстояній нѣкоторыхъ университетовъ отъ столицъ, такъ и въ виду бѣдности нашей учеными силами.

Еще труднѣе признать пользу и необходимость обязательныхъ отзывовъ специалистовъ при рѣшеніи университетскими коллегіями дѣлъ о замѣщеніи кафедръ. Если въ каждомъ случаѣ требовать отзыва всѣхъ специалистовъ другихъ университетовъ, то, помимо возможныхъ затяжекъ дѣла, всегда или очень часто можетъ оказаться, что эти отзывы между собой разойдутся, и коллегія будетъ поставлена въ безвыходное положеніе, не имѣя никакихъ средствъ примирить такіе разногласія. Да и захотятъ ли специалисты подвергать свои мнѣнія переопцѣнкѣ коллегій, въ средѣ которыхъ въ данный моментъ можетъ и не оказаться на лицо компетентнаго судьи? Если же ограничить число отзывовъ лишь двумя-тремя специалистами, то всегда можетъ быть предъявлено возраженіе, почему не былъ спрошенъ тотъ или другой, и такимъ образомъ останется открытою возможность упрека, что и самые отзывы специалистовъ подобраны небезпристрастно. Обращеніе къ мнѣніямъ специалистовъ, конечно, можетъ оказать коллегіи серьезную помощь въ томъ или другомъ сомнительномъ или спорномъ случаѣ. Но такое обращеніе должно быть всецѣло предоставлено усмотрѣнію коллегіи и отнюдь не должно быть обязательнымъ.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе и то, что специалисты другихъ университетовъ, нисколько не заинтересованные въ подходящемъ замѣщеніи кафедръ чужого университета, могутъ отнести къ дѣлу совершенно шаблонно, безъ той тщательности, какую они же проявятъ при опцѣнкѣ достоинствъ кандидата другой специальности въ своемъ университетѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать случаи,

когда иные факультеты готовы были помѣстить на кафедрѣ въ другой университетъ своихъ неудачныхъ или не вполне оправдавшихъ надежды приватъ-доцентовъ. Въ такихъ случаяхъ мѣстные специалисты не останавливались даже передъ составленіемъ завѣдомо пристрастныхъ отзывовъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ трудно согласиться съ мнѣніями о той предполагаемой выгодѣ, какую могутъ внести въ дѣло замѣщенія вакантныхъ кафедръ профессора другихъ университетовъ по соотвѣтственнымъ специальностямъ, если ихъ будутъ обязательно спрашивать каждый разъ при всякомъ избраніи.

Не усматривая ни въ учрежденіи совѣта специалистовъ, ни въ установленіи обязательныхъ отзывовъ специалистовъ панацеи противъ возможныхъ злоупотребленій избирательною системою, — такъ какъ эти вновь придуманныя установленія также не ограждены отъ вліяній, чуждыхъ объективности, — комиссія пришла къ заключенію, что избирательная система должна быть восстановлена въ старой формѣ съ сохраненіемъ права правительственной власти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ кассировать неудачное по ея мнѣнію избраніе.

Относительно самаго порядка избранія, комиссія прежде всего единогласно признала, что выборъ каждаго кандидата долженъ проходить чрезъ соотвѣтственный факультетъ и совѣтъ. Вопреки высказываемому нерѣдко въ послѣднее время мнѣнію, что выборы должны быть сосредоточены въ факультетахъ, съ устраненіемъ отъ этихъ дѣлъ совѣта, комиссія полагаетъ, что подобное новшество можетъ повлечь за собой для нашихъ университетовъ цѣлый рядъ нежелательныхъ послѣдствій.

Это мнѣніе объ устраненіи совѣта отъ участія въ избраніи профессоровъ основано главнымъ образомъ на томъ соображеніи, что большинство членовъ совѣта совершенно не компетентно въ оцѣнкѣ ученыхъ достоинствъ кандидата и потому неизбежно обречено подавать свой голосъ по чужимъ указаніямъ, чѣмъ преимущественно и пытается будто-бы партійность ученыхъ коллегій.

По существу этого мнѣнія прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что соображеніе о некомпетентности должно быть во многихъ случаяхъ распространено и на болѣе или менѣе значительное число членовъ даннаго факультета, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ спеціальностей будетъ проявляться все болѣе замѣтнымъ образомъ. Уже и въ настоящее время можно отмѣтить такихъ спеціалистовъ по одной и той же кафедрѣ, работы которыхъ настолько между собою разошлись, что одинъ не можетъ считаться компетентнымъ судьей въ работахъ другого и обратно. Съ другой стороны — спеціалисты разныхъ факультетовъ могутъ столь близко подойти въ своихъ работахъ другъ къ другу, что могутъ вполне компетентно контролировать и критиковать одинъ другого. Въ силу этого пришлось бы по признаку компетентности устранить какъ нѣкоторыхъ членовъ факультета, такъ даже иногда и спеціалистовъ, и привлечь иныхъ членовъ другого факультета. Въмѣсто такой постоянной ломки для каждаго случая наличныхъ коллегій, будетъ, конечно, правильнѣе сохранить старый порядокъ, при которомъ, на основаніи состоявшагося мнѣнія факультета, въ совѣтъ могутъ высказать свои сужденія компетентные въ данномъ дѣлѣ члены. Всѣ же другіе будутъ, конечно, основывать свои мнѣнія на указаніяхъ факультета или отдѣльныхъ свѣдущихъ лицъ.

При нормальныхъ условіяхъ хорошо обставленная въ факультетѣ кандидатура никогда не встрѣтитъ въ совѣтѣ противодействія; кандидатуры же пристрастныя найдутъ тамъ надлежащій отпоръ.

Нерѣдко приводимыя соображенія о возможной партійности въ совѣтѣ въ той же, по крайней мѣрѣ, степени, если не въ большей, приложимы и къ факультетамъ, гдѣ партійность можетъ обостриться, какъ показываетъ опытъ, весьма ощутительно. Съ устраненіемъ же контроля совѣта по дѣламъ объ избраніи профессоровъ факультетская партійность можетъ развиваться еще безпрепятственнѣе, и подборъ преподавателей — оказаться менѣе тщательнымъ.

Съ другой стороны, устраненіе совѣта отъ участія въ дѣлахъ о замѣщеніи каедръ отразится невыгоднымъ образомъ на всемъ строѣ университетовъ. Прежде всего университетъ вслѣдствіе этого будетъ лишенъ того единства, олицетвореніемъ котораго является совѣтъ, какъ первенствующая коллегія. Если членами совѣта являются всѣ профессора, то вполне естественно предоставить и ему право участія въ пополненіи коллегіи. Съ устраненіемъ совѣта отъ этихъ дѣлъ единство университета будетъ подорвано: подъ его крышей возникнутъ вполне самостоятельныя и обособленныя спеціальныя коллегіи — факультеты. Тогда и самое существованіе совѣта сдѣлается излишнимъ, какъ это имѣетъ мѣсто, напр., въ германскихъ университетахъ. Но тамъ этотъ строй имѣетъ за собой многовѣковую традицію; наши же университеты до сихъ поръ развивались на другой почвѣ, при чемъ совѣты университетовъ всегда играли первенствующую роль. Порывать эту традицію безъ какихъ либо серьезныхъ основаній представлялось бы по меньшей мѣрѣ дѣломъ чрезвычайно рискованнымъ. Уставъ 1884 г. впервые вполне сознательно имѣлъ въ виду поколебать авторитетъ совѣта и сузить его компетенцію; но и при немъ совѣтъ не былъ уничтоженъ. Послѣдствія этой реформы у всѣхъ на виду. Поэтому, особенно теперь, когда надо принять всѣ мѣры къ подъему нравственного авторитета университетовъ, было бы крайне опасно подрывать значеніе совѣта, устраняя его отъ одного изъ самыхъ важныхъ актовъ въ жизни университета — подбора преподавательскихъ силъ. Профессоръ, избранный только факультетомъ, рядомъ съ профессоромъ, избраннымъ также и совѣтомъ, значительно потеряетъ какъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ своихъ товарищей, слушателей и всего общества. Ему не будетъ доставать той нравственной квалификаціи, которая удостоверяется избраніемъ его въ совѣтъ. Подъемъ же профессорскаго авторитета является однимъ изъ важныхъ условій усиленія нравственного воздѣйствія университета на своихъ питомцевъ. Въ трудные моменты жизни, какіе неоднократно приходилось переживать университетамъ въ послѣднія 15 лѣтъ, сама правительственная

власть обращалась за содѣйствіемъ къ совѣтамъ, а отнюдь не къ факультетамъ, мнѣнія которыхъ и впредь сохранять авторитетъ лишь въ спеціально научныхъ вопросахъ.

На основаніи всего вышеизложеннаго комиссіи и признала единогласно единственно правильнымъ и цѣлесообразнымъ порядокъ избранія профессоровъ соответственными факультетами и совѣтомъ.

Дальнѣйшія подробности порядка избранія не представляются уже столь существенными. Уставъ 1884 г., на случай, когда министромъ народнаго просвѣщенія предоставлялось университету избрать кандидата на каѳедру, ввелъ порядокъ конкурса, рядомъ съ правомъ членовъ факультета и совѣта указывать подходящихъ кандидатовъ. Но конкурсъ, являющійся способомъ довольно сложнымъ и поглощающимъ значительное количество времени, представляетъ еще и то неудобство, что затрогиваетъ самолюбіе конкурентовъ, изъ которыхъ иные и не рѣшались выступить съ официальными заявленіями о своихъ кандидатурахъ. Къ тому же порядокъ конкурса едва ли и не излишенъ, во многихъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, такъ какъ факультету при открывшейся вакансіи, конечно, извѣстны всѣ или наиболѣе видные кандидаты. Поэтому слѣдуетъ признать болѣе удобнымъ порядокъ, принятый уставомъ 1863 г., согласно ст. 70 котораго, прежде всего членамъ факультета и только имъ однимъ принадлежитъ право указанія кандидатовъ на вакантную каѳедру. Далѣе, по той же статьѣ, всѣ указанные въ факультетѣ кандидаты, послѣ баллотировки ихъ въ факультетѣ, подлежали баллотированію въ совѣтѣ. Этотъ порядокъ и впредь слѣдуетъ признать наиболѣе желательнымъ, съ тою развѣ лишь отмѣною, что къ баллотированію въ совѣтѣ представлялись бы лишь избранные факультетомъ кандидаты. Но если бы такихъ вовсе не оказалось или представленные не получили въ совѣтѣ надлежащаго числа избирательныхъ шаровъ, то открывается конкурсъ по программѣ, выработанной факультетомъ и утвержденной совѣтомъ. Всѣ, заявившіе о своей кандидатурѣ конкуренты, подлежатъ предварительно оцѣнкѣ и баллотированію въ факультетѣ и затѣмъ представляются къ баллотированію

въ совѣтъ безразлично, какъ избранные, такъ и забаллотированные въ факультетѣ.

Профессоры избираются до выслуги полной пенсіи, каковая назначается по выслугѣ 25 лѣтъ по учебному вѣдомству. Если же профессоръ и по выслугѣ 25 лѣтъ пожелалъ бы продолжать профессорскую дѣятельность по занимаемой имъ кафедрѣ, то для этого достаточно простого заявленія о томъ совѣту. Въ такомъ случаѣ, сохраняя право на пенсію, профессоръ получаетъ не пенсію, а присвоенное занимаемой имъ должности содержаніе. По выслугѣ же 30 лѣтъ, профессоръ обязанъ во всякомъ случаѣ освободить кафедру, хотя и можетъ пользоваться всѣми правами, указанными въ ст. 505 ч. I, XI т. Св. Зак. Переизбраніе въ совѣтъ на послѣднее пятилѣтіе по выслугѣ 25 лѣтъ, связанное съ большими нравственными невыгодами для подлежащихъ переизбранію профессоровъ и самихъ университетскихъ коллегій, или назначеніе на тотъ же срокъ министромъ народнаго просвѣщенія, могущее повлечь за собой унизительное для званія профессора заискиваніе, комиссія признаетъ крайне нежелательными и считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ указанный выше способъ простого заявленія со стороны заинтересованныхъ о желаніи продолжать службу до 30 лѣтъ. Если съ этою пятилѣтнею службою не будетъ связано увеличеніе пенсіи, и если между содержаніемъ профессора и его пенсіей разница будетъ не очень ощутительна, то мотивами къ продолженію профессорской дѣятельности еще въ теченіе пяти лѣтъ явятся не матеріальныя соображенія, а исключительно учено-учебныя стремленія и интересы.

Въ заключеніе настоящаго доклада комиссія считаетъ важнымъ остановиться еще на одной подробности. Если и впредь будетъ сохранено дѣленіе профессоровъ на ординарныхъ и экстраординарныхъ и будутъ удержаны двѣ ученыхъ степени, то комиссія полагала бы вполне справедливымъ допустить магистровъ къ занятію должности экстраординарныхъ и докторовъ къ должности ординарныхъ профессоровъ, кромѣ медицинскаго факультета, гдѣ для тѣхъ и другихъ должностей надлежитъ требовать ученой степени доктора медицины, а для

каедръ фармаціи сохранить степень магистра фармаціи. Переходъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные обусловливался бы отнюдь не новымъ избраніемъ, а съ одной стороны приобрѣтеніемъ докторской степени, съ другой наличностью вакантной по данной кафедрѣ ординатуры. Комиссія полагала бы также весьма желательнымъ, чтобы на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, каждой кафедрѣ принадлежала бы по крайней мѣрѣ одна ординатура и сверхъ того на факультетъ положено было нѣкоторое число экстраординатуръ. Если бы экстраординарный профессоръ, по приобрѣтеніи имъ степени доктора, не могъ получить ординатуры вслѣдствіе того, что ординатура по данной кафедрѣ уже занята, то факультетъ можетъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о назначеніи добавочнаго до содержанія ординарнаго профессора оклада изъ спеціальныхъ средствъ, съ утвержденіемъ, однако, такого постановленія совѣта министромъ народнаго просвѣщенія.

Вопросы: третій, четвертый и пятый.

(Докладъ № 2.)

Вопросъ о томъ, какія измѣненія желательны въ системѣ гонорара, уже былъ однажды рассмотрѣнъ и разрѣшенъ Совѣтомъ Императорскаго Юрьевскаго Университета, по предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 26 октября 1897 г., за № 28138, причемъ Совѣтъ въ то время высказался за совершенную отмѣну взимаемой со студентовъ въ видѣ гонорара особой платы въ пользу отдѣльных преподавателей и за соотвѣтственное увеличеніе штатнаго содержанія профессоровъ. Свое рѣшеніе о необходимости полной отмѣны гонорара Совѣтъ, соглашаясь съ докладомъ назначенной имъ для предварительнаго рассмотрѣнія этого вопроса особой комиссіи, мотивировалъ тѣмъ соображеніемъ, что гонораръ не соотвѣтствуетъ ни нравственнымъ, ни матеріальнымъ интересамъ преподавателей. Болѣе подробное обоснованіе этого общаго мотива сводилось къ слѣдующему:

1) Распределение гонорара между профессорами является совершенно неравномернымъ и создаетъ неравенство въ материальномъ положеніи отдѣльных преподавателей, такъ какъ количество получаемого каждымъ изъ нихъ гонорара зависитъ не отъ количества и качества труда того или другого преподавателя, а исключительно отъ числа слушающихъ его студентовъ. Что же касается до этого числа, то оно, въ свою очередь, стоитъ въ зависимости отъ ряда чисто случайныхъ причинъ: отъ читаемого профессоромъ научнаго предмета; отъ того, на какомъ факультетѣ и на какомъ курсѣ одного и того же факультета читаетъ профессоръ; наконецъ, отъ многочисленности или малочисленности университета, т. е., другими словами, отъ того, въ какомъ городѣ университетъ находится. Имѣвшаяся въ виду при введеніи гонорарной системы цѣль создать плодотворную для преподаванія конкуренцію между университетскими преподавателями не достигнута и достигнута быть не можетъ, въ виду отсутствія для того другихъ условій; институтъ же приватъ-доцентовъ въ провинціальныхъ университетахъ не развивается и не можетъ развиваться.

2) По русскимъ понятіямъ гонораръ ставитъ профессора и студента въ ненормальныя другъ къ другу отношенія, при которыхъ у студента складывается на профессора взглядъ, какъ на наемника, получающаго отъ него заработную плату, а не какъ на наставника, которому ввѣрено руководство его научными занятіями въ продолженіе университетскаго курса.

3) При гонорарной системѣ деканы становятся нерѣдко въ неловкое положеніе, утверждая записи студентовъ на одни лекціи и не утверждая записей ихъ на другія; это можетъ быть нежелательнымъ образомъ истолковано студентами въ смыслѣ не безпристрастнаго отношенія декана къ отдѣльнымъ своимъ товарищамъ по факультету. По этимъ же мотивамъ деканъ можетъ стѣсняться рекомендовать тотъ или другой курсъ каковаго либо преподавателя или свой собственный.

Вполнѣ присоединяясь ко всѣмъ изложеннымъ доводамъ, комиссія, съ своей стороны, могла бы добавить къ нимъ еще слѣдующіе:

4) Гонорарная система способна оказывать чрезвычайно вредное вліяніе на постановку экзаменовъ и, черезъ это, на всю постановку преподаванія. Съ одной стороны — въ видахъ привлеченія слушателей къ записи именно на свои лекціи, отдѣльные преподаватели могутъ относиться къ нимъ снисходительнѣе на экзаменѣ, чѣмъ профессоръ, читающій конкурентный курсъ; съ другой стороны — строгій экзаменаторъ, не стѣсняющійся ставить неудовлетворительныя отмѣтки, легко вызываетъ о себѣ среди студентовъ то мнѣніе, что онъ преслѣдуетъ этимъ личную цѣль — обезпеченіе себя платными слушателями на будущій учебный годъ.

5) Гонорарная система служитъ не стимуломъ къ расширенію преподаванія, а, напротивъ того, значительнымъ препятствіемъ къ такому расширенію. Слушатели привлекаются, при ея существованіи, не научностью курса и не курсами по спеціальнымъ научнымъ вопросамъ, а исключительно соотвѣтствіемъ курса утвержденной и требуемой на экзаменѣ программѣ. Спеціальныя курсы или не посѣщаются никѣмъ, или посѣщаются весьма незначительнымъ числомъ студентовъ.

Останавливаясь, далѣе, на вопросѣ, не могутъ ли недостатки гонорарной системы быть устранены какимъ либо другимъ способомъ распредѣленія гонорара, напримѣръ, распредѣленіемъ его между университетскими преподавателями соотвѣтственно числу часовъ читаемыхъ ими лекцій и практическихъ занятій, Совѣтъ и по этому вопросу пришелъ къ категорически отрицательному отвѣту. Такое распредѣленіе было признано вполне нецѣлесообразнымъ и способнымъ лишь сдѣлаться предметомъ раздора между отдѣльными преподавателями, изъ которыхъ многіе могли бы пожелать увеличить число своихъ часовъ безъ пользы, или даже во вредъ интересамъ студентовъ, а контролировать, какъ мѣру необходимости этихъ часовъ, такъ и ихъ выполненіе не представляется возможнымъ. Сверхъ того Совѣтъ исходилъ и изъ того соображенія, что вознаграждать профессора по числу читаемыхъ имъ часовъ вполне несправедливо, такъ какъ, смотря по трудности предмета и добросовѣстности преподавателя, нерѣдко меньшее число преподаваемыхъ

часовъ требуетъ большей предварительной подготовки и наоборотъ; кромѣ того, обращено было вниманіе на то, что профессоръ есть не только преподаватель, но и ученый, и что въ интересахъ самаго преподаванія онъ долженъ имѣть возможно больше времени для своихъ ученыхъ работъ и для занятій наукой.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ Совѣтъ пришелъ къ тому окончательному выводу, что единственнымъ исходомъ изъ существующаго нынѣ ненормальнаго положенія относительно гонорара можетъ быть признана лишь полная его отмѣна. Къ этому рѣшенію Совѣта вполне присоединяется и въ настоящее время комиссія, въ виду чего на третій, предложенный Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія вопросъ; „не слѣдуетъ ли отмѣнить особую плату въ пользу отдѣльныхъ преподавателей?“ комиссія единогласно постановила, что такая плата должна быть отмѣнена.

И по прежнему постановленію Совѣта, и по мнѣнію комиссіи отмѣна гонорара не должна была бы, однако, имѣть своимъ послѣдствіемъ абсолютное пропорціональное пониженіе платы, взимаемой со студентовъ за право слушанія лекцій. Взамѣнъ уплаты гонорара въ пользу отдѣльныхъ преподавателей долженъ быть увеличенъ взносъ въ пользу университета; максимумъ этого взноса, который полностью долженъ поступать въ спеціальныя средства университета, могъ бы быть опредѣленъ въ 40 руб. въ полугодіе. Для лицъ состоятельныхъ такой размѣръ платы обременительнымъ названъ ни въ какомъ случаѣ быть не можетъ. Для облегченія же ея взноса лицамъ несостоятельнымъ желательно, чтобы надлежащіе органы университетскаго управленія получили возможность освобождать отъ такого взноса бѣдныхъ студентовъ въ болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ тѣ, какіе установлены дѣйствующей въ настоящее время 15-ти процентной нормой. Въ постановленіи Совѣта указано было на желательность возможности освобождать отъ полнаго взноса 20% общаго числа студентовъ университета, а отъ взноса половины платы еще 20% всего числа студентовъ; тѣ же самыя процентныя числа признала бы желательными и

комиссія, съ тѣмъ лишь добавленіемъ, чтобы университетамъ дана была почти несуществующая по дѣйствующимъ правиламъ возможность освобождать отъ взноса всей платы въ пользу университета или части ея и студентовъ перваго курса, или хотя бы тѣхъ изъ нихъ, которые находятся въ университетѣ второе полугодіе. Правила для освобожденія студентовъ отъ платы должны быть особо выработаны надлежащими органами университета.

Въ томъ же размѣрѣ, какъ со студентовъ, должна быть взимаема плата за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ и съ вольно-слушателей, съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе могли бы записываться и спеціально на одинъ или нѣсколько предметовъ по своему выбору, не стѣсняясь какими либо правилами относительно систематическаго порядка прохожденія однихъ научныхъ предметовъ за другими и уплачивая, при этомъ, по 10 руб. за каждый предметъ въ полугодіе. Плата съ вольно-слушателей, какъ и плата со студентовъ, должна поступать въ спеціальныя средства университета.

Въ тѣсной связи съ третьимъ вопросомъ стоитъ вопросъ четвертый: „въ какомъ размѣрѣ должно быть увеличено содержаніе профессоровъ, при которомъ они, не обременяя себя посторонними университету занятіями, получили бы возможность отдавать свое время и силы научнымъ и преподавательскимъ трудамъ и не только читать лекціи, но и дѣлательно вести практическія занятія со студентами?“ Разматривая въ свое время вопросъ объ отмѣнѣ гонорара, Совѣтъ пришелъ уже къ тому выводу, что въ случаѣ такой отмѣны содержаніе отъ казны должно быть увеличено приблизительно на 50%. Въ настоящее время тотъ же самый вопросъ ставится уже, однако, нѣсколько съ иной точки зрѣнія, именно съ той, чтобы преподаватели имѣли возможность дѣйствительно, не озабочиваясь никакимъ постороннимъ заработкомъ, отдавать все свое время наукѣ и преподаванію. Эта новая постановка требуетъ и новаго освѣщенія.

Единственно правильнымъ способомъ опредѣлить среднюю величину необходимаго для полнаго обезпеченія даннаго профессора и его семьи содержанія было бы собраніе и сопоставленіе возможно большаго статистическаго матеріала по различнымъ статьямъ расхода, вызываемаго потребностями жизни (расходъ на квартиру, отопленіе, освѣщеніе, столъ, одежда, воспитаніе дѣтей, выписка книгъ и т. п.). За краткостью времени комиссія поставлена въ совершенную невозможность собрать такой матеріалъ въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ и принуждена ограничиться лишь сравнительно немногими сообщенными ей данными. Согласно этимъ даннымъ, безбѣдное и обезпеченное, хотя и далеко не богатое, существованіе семьи средней величины требуетъ расхода около 6000 руб. въ годъ. Уже проектъ устава 1863 г., повысившаго содержаніе профессоровъ до 3000 руб. для ординарныхъ и до 2000 руб. для экстраординарныхъ, приводилъ подробныя расчетныя таблицы къ этимъ цифрамъ; изъ этихъ расчетныхъ таблицъ явствовало, что при содержаніи въ 3000 руб. для профессора не остается почти ничего для производства самонужнѣйшихъ расходовъ (болѣзнь, извозчики и т. п.). Тѣмъ не менѣе, опредѣленная въ уставѣ 1863 г. цифра содержанія представляла изъ себя приблизительно удвоеніе содержанія, полагавшагося профессорамъ по уставу 1835 г., причемъ такое удвоеніе мотивировалось возрастаніемъ цѣнъ на всѣ статьи расхода за протекшее между двумя названными уставами время. Съ 1863 г. по настоящее время такое возрастаніе цѣнъ имѣло мѣсто въ еще болѣе значительной пропорціи, и недостатокъ содержанія восполнялся частью гонораромъ, частью посторонними заработками. При отпаденіи и того и другого, повышеніе содержанія до 6000 руб. представлялось бы, поэтому, не только справедливымъ, но и необходимымъ. Въ частности для Юрьева сравнительная кажущаяся высота этой цифры объясняется, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что положеніе университета въ такомъ небольшомъ городѣ требуетъ частыхъ личныхъ сношеній съ учеными обществами и учрежденіями, расположенными въ столицахъ и преимущественно въ Петербургѣ, налагая, сверхъ того, и необхо-

димось въ значительно большихъ расходахъ на выписку книгъ и учебныхъ пособій. Сравнительная дешевизна здѣшней жизни, за послѣднее время, однако, все болѣе и болѣе утрачивающаяся, цѣликомъ уравнивается этими статьями расхода, не существующими для болѣе крупныхъ центровъ. Что касается до способа повышенія настоящаго содержанія, то коммиссія, по многимъ причинамъ, признавала бы неудобными періодическія прибавки къ содержанію, въ виду того, что такія періодическія (напримѣръ по пятилѣтіямъ) прибавки не достигли бы своей цѣли: или содержаніе до прибавки было бы слишкомъ низкимъ сравнительно съ дѣйствительными потребностями, или же содержаніе послѣ прибавки оказалось бы превышающимъ таковыя.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ коммиссія признавала бы необходимымъ повышеніе содержанія профессоровъ до 6000 руб. въ годъ. Исходнымъ пунктомъ, при этомъ, было взято содержаніе профессора ординарнаго. Что касается до профессоровъ экстраординарныхъ, то по существу дѣла сумма, потребная для обезпеченнаго содержанія ихъ и ихъ семей должна была бы, конечно, опредѣлиться въ той же цифрѣ, и въ пользу уменьшенія могло бы говорить развѣ только то обстоятельство, что экстраординарные профессора, какъ лица въ большинствѣ случаевъ болѣе молоды и обладающіе, поэтому, быть можетъ, меньшими семьями, могли бы нуждаться и въ меньшихъ средствахъ на прожитіе. Если, однако, дѣленіе профессуры на ординарную и экстраординарную останется въ силѣ, то для опредѣленія размѣра содержанія для послѣдней возможно было бы исходить изъ того же пропорціональнаго отношенія, какое существуетъ между содержаніями ординатуры и экстраординатуры уже и въ настоящее время, такимъ образомъ, что если содержаніе ординарнаго профессора будетъ увеличено на 100% и дойдетъ до 6000 руб. въ годъ, то содержаніе профессора экстраординарнаго должно быть повышено до 4000 руб. въ годъ. Обѣ эти цифры представляютъ изъ себя не что иное, какъ тотъ размѣръ общаго дохода, каковой получается многими изъ профессоровъ Юрьевскаго Университета и въ настоящее

время, когда этотъ общій доходъ слагается изъ содержанія, гонорара и посторонняго заработка.

Приходя къ изложеннымъ выводамъ, комиссія признала, наконецъ, необходимымъ обратить вниманіе на особенности въ служебныхъ обязанностяхъ тѣхъ изъ профессоровъ, въ завѣдываніи которыхъ находятся кабинеты и другія учебно-вспомогательныя университетскія учрежденія (клиники, обсерваторіи, ботаническій садъ и т. п.). Нѣкоторые изъ этихъ учреждений по самому назначенію своему требуютъ частаго присутствія въ нихъ завѣдующаго ими профессора, въ виду чего для пользы дѣла было бы необходимо устройство для директоровъ такихъ учреждений казенныхъ квартиръ, расположенныхъ вблизи учрежденія. Исходя изъ того положенія, что завѣдываніе кабинетами и другими такого рода учрежденіями не только требуетъ отъ профессоровъ дополнительнаго сравнительно съ другими ихъ товарищами труда, но въ то же время представляетъ и рядъ удобствъ для ихъ собственной научной работы, комиссія признавала бы неудобнымъ и нежелательнымъ назначеніе этимъ лицамъ какого-либо дополнительнаго вознагражденія въ денежной формѣ, хотя бы и въ видѣ выдачи имъ особыхъ квартирныхъ денегъ, а избрала такую форму, которая прямо вытекаетъ изъ самаго существа и особенности въ преподавательской дѣятельности этихъ лицъ. При этомъ, однако, предполагается само собою, что и служебный персоналъ въ такого рода учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ долженъ быть организованъ и вознаграждаемъ въ такомъ видѣ и въ такихъ размѣрахъ, чтобы профессору не приходилось нести обязанностей по управленію, не вытекающихъ прямо и непосредственно изъ его положенія, какъ главнаго руководителя учрежденія.

Кромѣ профессоровъ ординарныхъ и экстраординарныхъ, необходимо было бы обратить вниманіе и на соотвѣтственное улучшеніе положенія профессоровъ заслуженныхъ, продолжающихъ чтеніе лекцій и участвующихъ, поэтому, въ факультетѣ и въ совѣтѣ. По уставу 1884 г. заслуженные профессора, по выслугѣ срока, получаютъ пенсію и дополнительное вознагражденіе за чтеніе лекцій въ размѣрѣ 1200 руб. въ годъ, по

назначенію министра народнаго просвѣщенія. Комиссія признавала бы необходимымъ ходатайствовать о томъ, чтобы со-
ответственно увеличенію содержанія были повышены и пенсіи
профессорамъ ординарнымъ и экстраординарнымъ. Что же
касается до профессоровъ заслуженныхъ, то содержаніе ихъ
должно было бы быть опредѣлено на тѣхъ основаніяхъ, чтобы
оно во всякомъ случаѣ равнялось содержанію ординарныхъ
профессоровъ, а для заслуженныхъ экстраординарныхъ — содер-
жанію штатнаго экстраординарнаго профессора.

Въ тѣсной связи съ 3-мъ и 4-мъ стоитъ, наконецъ, и
5-ый изъ предложенныхъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣ-
щенія вопросовъ: „въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія
профессоровъ до указаннаго размѣра, возможно ли допускать
занятіе ими другихъ должностей внѣ университета или службу
ихъ по вольному найму въ другихъ учрежденіяхъ? Если
возможно, то какія должности и какаѣ служба совмѣстимы со
званіемъ профессора?“ Отвѣтъ комиссіи на этотъ вопросъ
формулированъ въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ увеличенія
содержанія до указаннаго размѣра, а именно до 6000 руб. для
ординарныхъ и до 4000 руб. для экстраординарныхъ профес-
соровъ, такое совмѣстительство, на которое указываетъ Г. Ми-
нистръ Народнаго Просвѣщенія, должно быть признано крайне
печелательнымъ и должно быть категорически запрещено, за
единственнымъ исключеніемъ почетныхъ и бесплатныхъ долж-
ностей какъ по выборамъ, такъ и по назначенію.

При этомъ комиссія исходила изъ слѣдующихъ сообра-
женій:

1) Увеличеніе содержанія до указанныхъ выше размѣ-
ровъ сдѣлано съ такимъ расчетомъ, чтобы предоставить про-
фессору и его семьѣ вполне обеспеченное существованіе, ко-
торое давало бы ему фактическую возможность посвятить свои
силы исполненію своихъ прямыхъ обязанностей, не озабочи-
ваясь необходимостью изыскивать дополнительные средства
постороннимъ заработкомъ. Излишне доказывать, что такое

сосредоточеніе профессоромъ своихъ силъ на занятіяхъ наукой и преподаваніемъ не можетъ принести ничего, кромѣ пользы какъ для общаго развитія науки, такъ и для постановки преподаванія въ университетахъ.

2) Въ виду этого естественно, прежде всего, запрещеніе для профессора занимать такія должности внѣ университета и нести такую службу по вольному найму, которыя не имѣютъ ничего общаго съ преподаваніемъ. Такого рода постороннія занятія могутъ имѣть цѣлью только пополненіе недостаточныхъ для обезпеченія существованія средствъ, но сами по себѣ отвлекаютъ профессора отъ исполненія прямыхъ обязанностей, лежащихъ на немъ, какъ на ученомъ и какъ на университетскомъ преподавателѣ. Отъ категорическаго запрещенія занятія такихъ должностей университеты могутъ только выиграть.

3) Болѣе сомнительными могутъ, на первый взглядъ, представляться польза и необходимость запрещенія наиболѣе частаго вида совмѣстительства у профессоровъ — преподаванія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и занятія другихъ должностей по учебному вѣдомству. Тѣмъ не менѣе по ряду соображеній комиссія полагаетъ, что категорическое запрещеніе совмѣстительства должно быть отнесено и къ такого рода занятіямъ. Прежде всего представляется несомнѣннымъ, что какъ бы ни былъ полезенъ трудъ профессора для того посторонняго учрежденія, которому онъ посвящаетъ часть своего времени и своихъ силъ, — университетъ во всякомъ случаѣ отъ этого только проигрываетъ. Затѣмъ — чрезвычайно важное значеніе можетъ имѣть то соображеніе, что каждый случай такого совмѣстительства закрываетъ дорогу и лишаетъ возможности обезпеченнаго заработка другихъ лицъ, преимущественно молодыхъ ученыхъ и лицъ, готовящихся къ профессурѣ; конкуренція съ профессоромъ при полученіи преподавательскихъ занятій для такихъ лицъ окажется если не юридически, то фактически, въ большинствѣ случаевъ невозможной, въ виду авторитетности перваго, которая заставитъ предпочесть его хотя бы и вполне достойному, но еще мало извѣстному конкуренту. Запрещеніе совмѣстительства въ преподаваніи откроетъ дорогу молодымъ и менѣе извѣстнымъ

силамъ и облегчить имъ возможность выбора ученой карьеры и ея прохожденія. Отъ этого и наука, и учебное дѣло, и сами университеты могутъ только выиграть, а не потерять. Временныя затрудненія, которыя могутъ быть испытаны до образованія достаточнаго контингента ученыхъ силъ, въ скоромъ времени будутъ устранены, если въ нихъ явится дѣйствительная потребность. Едва ли, однако, эти временныя затрудненія и окажутся въ дѣйствительности: при каждомъ университетѣ всегда имѣются молодые люди (приватъ-доценты, лаборанты, ассистенты и т. п.), изъ среды которыхъ могутъ быть избраны надлежащія ученые силы, если отпадетъ возможность конкуренціи профессора.

4) Что касается до случаевъ исключеній изъ этого общаго принципа, то комиссія полагала бы неудобнымъ и нежелательнымъ допустить такія исключенія даже и съ особаго разрѣшенія университетскихъ коллегій (факультетовъ, совѣта) или учебного начальства (попечителя, министра). Такія особыя разрѣшенія легко могутъ переносить весь вопросъ съ принципиальной точки зрѣнія на личную, или же получить чисто формальный характеръ. Запрещеніе совмѣстительства должно быть, поэтому, категорическимъ.

5) Допускаемая комиссіей исключенія (занятіе почетныхъ и безплатныхъ должностей, какъ по назначенію, такъ и по выборамъ, причеиъ и изъ почетныхъ должностей могутъ быть занимаемы лишь такія, которыя не вознаграждаются опредѣленной платой) не представляютъ опасности для пользы дѣла потому, что самая безплатность должности можетъ служить ручательствомъ за то, что согласіе занять ее послѣдовало не изъ соображеній матеріальнаго и посторонняго пользы прямого служебнаго дѣла характера.

6) Само собою разумѣется, что запрещеніе совмѣстительства никоимъ образомъ не распространяется на тѣ случаи, когда профессоръ, хотя бы и съ особымъ вознагражденіемъ или пособіемъ, дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей научной специальности, какъ, напр., на командировки съ ученой цѣлью, на экспертизу и т. п.

Въ виду всего изложеннаго, на вопросы 3-й, 4-ый и 5-ый комиссія полагаетъ дать слѣдующій отвѣтъ:

Особая плата въ пользу отдѣльных преподавателей должна быть отменена. Штатное содержаніе профессоровъ должно быть увеличено до суммы не менѣе 6000 руб. для ординарныхъ и 4000 руб. для экстраординарныхъ профессоровъ, съ соотвѣстнымъ повышеніемъ пенсіи и съ тѣмъ, чтобы для профессоровъ, завѣдующихъ кабинетами и другими учебно-вспомогательными учрежденіями, требующими частаго въ нихъ присутствія профессора, были устроены казенныя квартиры вблизи этихъ кабинетовъ и учреждений. Соотвѣтственно должно было бы быть улучшено и положеніе профессоровъ заслуженныхъ. Въ случаѣ увеличенія штатнаго содержанія до указаннаго размѣра, занятіе профессорами другихъ должностей внѣ университета или служба ихъ по вольному найму должны быть категорически запрещены, за единственнымъ исключеніемъ почетныхъ и безплатныхъ должностей, какъ по выборамъ, такъ и по назначенію.

Вопросъ шестой.

(Докладъ № 12).

„Какія мѣры должны быть приняты, чтобы установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ надъ полнотою, достоинствомъ и научностью преподаванія отдѣльных преподавателей?“

Контроль надъ преподаваніемъ отдѣльных университетскихъ преподавателей можетъ быть прежде всего формальнымъ: записываніе пропущенныхъ преподавателемъ лекцій чинами инспекціи, дѣлаемое черезъ педелей; письменное каждый разъ извѣщеніе преподавателемъ инспектора или ректора университета съ объясненіемъ причины пропуска лекцій; расписываніе въ книгѣ, что такая то лекція прочитана, а такая то пропущена; письменное сообщеніе преподавателя въ концѣ семестра о числѣ пропущенныхъ лекцій, о причинахъ пропуска и о томъ, конченъ ли имъ курсъ или нѣтъ, и если нѣтъ, то

насколько не законченъ и почему. Подобныя мѣры практиковались и практикуются въ послѣднее время въ различныхъ университетахъ. Но комиссія единогласно выразила мнѣніе, что такой формальный контроль, не достигая даже цѣлей чисто статистическихъ, касающихся вопроса о полнотѣ преподаванія, совершенно не можетъ удовлетворить двумъ другимъ пунктамъ вопроса — достоинству и научности преподаванія. Вышній формальный контроль, въ родѣ вышеуказанныхъ мѣръ, роняя достоинство преподавателей, къ коимъ онъ примѣняется, конечно никоимъ образомъ не можетъ учесть научность и полноту преподаванія, ибо даже послѣдняя (полнота) измѣряется не количествомъ прочитанныхъ лекцій, а ихъ содержаніемъ, ихъ значеніемъ для аудиторіи. Выдающійся талантливый профессоръ иногда въ двухъ, трехъ лекціяхъ можетъ дать больше для своей аудиторіи, направить молодой умъ по истинному научному пути, чѣмъ преподаватель, добросовѣстно прочитавшій всѣ лекціи, всѣ страницы учебника отъ первой до послѣдней, но не освѣтившій этого учебника живой мыслью, ученымъ своимъ авторитетомъ.

Комиссія полагаетъ, впрочемъ, что едва ли и можетъ быть рѣчь о подобномъ формальномъ контролѣ, лишь ослабляющемъ достоинство преподаванія, по самому смыслу вопроса 6-го.

Вопросъ 6-ой предполагаетъ установить живой и дѣятельный контроль факультетовъ, какъ ученой корпораціи, надъ членами своей корпораціи, и притомъ такой контроль, который, нисколько не роняя достоинства преподавателей, способствовалъ бы полнотѣ и научности преподаванія.

Разумѣется, разъ университетское преподаваніе есть первая и самая существенная обязанность автономныхъ факультетовъ, то конечно имъ, факультетамъ, и принадлежитъ право и обязанность контроля надъ преподаваніемъ, въ виду сохраненія достоинства самого факультета. Но и при такой постановкѣ вопроса комиссія полагала бы весьма нежелательнымъ и даже вреднымъ сведеніе обязанностей факультета по контролю преподаванія къ мѣрамъ формальнымъ, не говоря уже о

такихъ средствахъ контролы, какъ личныя наблюденія профессоръ другъ за другомъ, вызывающія крайне нежелательныя отношенія членовъ коллегіи другъ къ другу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически не достигающія никакихъ цѣлей; въ этомъ отношеніи даже такія мѣры, какъ предоставленіе деканамъ или ректору права во всякое время входить въ аудиторіи, не даютъ, какъ то показали опыты, никакихъ положительныхъ результатовъ.

Полнота, достоинство и научность университетскаго преподаванія, по мнѣнію комиссіи, должны явиться, какъ естественное слѣдствіе общихъ условій жизни реформированнаго университета. Но такъ какъ, конечно, и при полной академической свободѣ, долженствующей, по мнѣнію комиссіи, лечь въ основу всего университетскаго строя, и поднять тѣмъ самымъ полноту и научность университетскаго преподаванія, возможны печальныя исключенія и прискорбные факты, то, въ виду таковой возможности, комиссія предлагала бы, что необходимо предоставить факультетамъ право, въ случаяхъ важныхъ злоупотребленій, доводимыхъ до свѣдѣнія факультета деканомъ его, какъ лицомъ, непосредственно отъ имени факультета наблюдающимъ за правильнымъ ходомъ всего преподаванія на факультетѣ, имѣть сужденіе о такихъ злоупотребленіяхъ, чтобы имѣть возможность либо принять самостоятельныя мѣры къ пресѣченію таковыхъ, либо, въ случаѣ надобности, доводить о нихъ до свѣдѣнія совѣта университета.

Не находя возможнымъ и желательнымъ установленіе какихъ либо формальныхъ мѣръ контролы, какъ роняющихъ достоинство преподаванія и фактически цѣли не достигающихъ, комиссія предлагала бы, однако, весьма полезнымъ, въ цѣляхъ гласности дѣятельности факультетовъ, ввести въ обычай составленіе факультетами въ концѣ каждаго учебнаго періода особыхъ записокъ о научной и педагогической дѣятельности членовъ факультета и учебно-вспомогательныхъ институтовъ, при факультетахъ состоящихъ. Въ такихъ запискахъ могли бы быть помѣщаемы отчеты о научныхъ трудахъ и командировкахъ профессоровъ, приватъ-доцентовъ, ассистентовъ, о ходѣ преподаванія, о нововведеніяхъ и усовершенствованіяхъ, по-

степенно вводимыхъ въ преподаваніе, о дальнѣйшихъ нуждахъ и нарождающихся задачахъ преподаванія. Такіе отчеты могли бы, въ случаѣ желанія факультета, быть предметомъ обсужденія на особыхъ факультетскихъ собраніяхъ, посвященныхъ цѣлямъ усовершенствованія и объединенія преподаванія, и затѣмъ отчеты эти могли бы быть представляемы совѣту университета для напечатанія при обще-университетскомъ ежегодномъ отчетѣ.

Комиссія полагаетъ, что оказаніе полного довѣрія профессорской коллегіи и ея автономному управленію и введеніе въ обычай подобныхъ отчетовъ о научно-педагогической дѣятельности факультетовъ, ихъ членовъ и учебно-вспомогательныхъ учреждений, равно какъ самая постановка сихъ послѣднихъ на надлежащую высоту, сообразную съ требованіями современной науки, что можетъ быть достигнуто прежде всего увеличеніемъ ихъ средствъ, персонала и матеріальнаго положенія служащихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, дѣйствительно и можетъ и должно служить къ достиженію истинной полноты, научности и достоинства университетскаго преподаванія. При наличности указанныхъ условій всѣ названныя качества появятся сами собою, какъ естественное послѣдствіе благоприятной постановки университетской жизни.

Вопросъ седьмой.

(Докладъ № 13).

По вопросу „не нужны-ли на многолюдныхъ курсахъ помощники профессоровъ, въ особенности для веденія практическихъ занятій?“ — комиссія высказала слѣдующія соображенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что трудное дѣло университетскаго преподаванія не можетъ быть выполнено усиліями однихъ только профессоровъ, являющихся въ настоящее время нерѣдко представителями нѣсколькихъ обширныхъ и постоянно растущихъ дисциплинъ. Необходимое въ этомъ дѣлѣ раздѣленіе

труда уже привело частью къ учрежденію нѣсколькихъ профессуръ по одной и той же спеціальности, частью къ учрежденію доцентуръ или къ практикѣ порученія факультетами приватъ-доцентамъ, а иногда и стороннимъ преподавателямъ, чтенія нѣкоторыхъ обязательныхъ курсовъ.

Съ другой стороны, тѣ профессора, при кафедрахъ которыхъ существуютъ учебно-вспомогательныя учрежденія (какъ клиники, лабораторіи, кабинеты и т. п.), естественно, не могутъ обходиться безъ помощи прозекторовъ, ассистентовъ, лаборантовъ и другихъ лицъ, помогающихъ имъ при демонстраціяхъ, опытахъ, практическихъ занятіяхъ студентовъ и т. д.

Такимъ образомъ, естественными помощниками профессоровъ въ дѣлѣ преподаванія являются съ одной стороны приватъ-доценты и сторонніе преподаватели, съ другой — прозекторы, ассистенты, лаборанты и т. п. Для усиленія учебной дѣятельности университета комиссія находитъ весьма желательнымъ увеличеніе числа этихъ помощниковъ профессоровъ.

Что же касается учрежденія спеціального института „помощниковъ профессоровъ“, въ особенности для веденія практическихъ занятій, то комиссія считаетъ его излишнимъ и нежелательнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1. Необходимые помощники профессоровъ, какъ указано выше, существуютъ въ университетахъ и въ настоящее время. Эти же естественные помощники профессоровъ участвуютъ также и въ веденіи практическихъ занятій тамъ, гдѣ характеръ этихъ занятій допускаетъ ихъ содѣйствіе. Поэтому для значительнаго количества спеціальностей (на медицинскомъ и физико-математическомъ факультетахъ) учрежденіе особаго института помощниковъ профессоровъ, сверхъ существующихъ ассистентовъ, лаборантовъ и т. д., является совершенно излишнимъ.

2. Что касается практическихъ занятій по тѣмъ спеціальностямъ (на факультетахъ богословскомъ, юридическомъ и историко-филологическомъ), которыми въ настоящее время обходятся безъ такихъ помощниковъ, то необходимо обратить вниманіе на особый характеръ этихъ практическихъ занятій. Они имѣютъ въ виду ознакомить студентовъ съ приемами научной разра-

ботки предмета, показать имъ, какимъ путемъ добываются тѣ данныя науки, которыя излагаются профессоромъ на общихъ теоретическихъ курсахъ. Къ такимъ практическимъ занятіямъ студенты могутъ приступить только въ томъ случаѣ, если они уже приобрѣли нѣкоторые теоретическія свѣдѣнія. Имѣя цѣлью дать студентамъ болѣе глубокое знакомство съ наукою, этотъ видъ практическихъ занятій требуетъ отъ руководителя еще большихъ знаній и опытности, нежели чтеніе общихъ теоретическихъ курсовъ. Поэтому руководить такими практическими занятіями могутъ только или сами профессора, или лица, уже приобрѣвшія право читать лекціи въ университетѣ. Признавая необходимымъ, чтобы руководство практическими занятіями выполнялось лицами вполне компетентными, комиссія находитъ, что и положеніе этихъ лицъ должно быть столь же независимо, какъ и положеніе профессоровъ. Созданіе института помощниковъ, стоящихъ въ какой либо зависимости отъ профессоровъ, принесло бы только вредъ, такъ какъ всякое стороннее вмѣшательство въ дѣло веденія практическихъ занятій будетъ разрушать принятую руководителемъ систему, а это обстоятельство, конечно, должно неблагоприятно отразиться и на результатахъ практическихъ занятій.

Наконецъ, если бы были созданы для веденія практическихъ занятій особые помощники профессоровъ, и это дѣло было-бы поручено молодымъ, еще неопытнымъ лицамъ, то вмѣсто веденія практическихъ занятій со студентами профессору пришлось бы обучать такого помощника, и вмѣсто помощи профессору дѣло свелось бы къ присутствію помощника на практическихъ занятіяхъ у профессора. При такихъ условіяхъ, профессору легче было бы самому руководить практическими занятіями, нежели поручать это дѣло другому лицу.

Все вышеуказанное приводитъ комиссію къ убѣжденію, что учрежденіе особыхъ „помощниковъ профессоровъ“ является не только излишнимъ, но и нежелательнымъ.

Но, относясь отрицательно къ проекту особаго института „помощниковъ профессоровъ“, комиссія находитъ необходимымъ, кромѣ увеличенія числа ассистентовъ, лаборантовъ, прозек-

торовъ и другихъ уже существующихъ помощниковъ профессоровъ, увеличить вознагражденіе, получаемое этими лицами, такъ какъ въ настоящее время матеріальная необеспеченность вынуждаетъ ихъ искать стороннихъ заработковъ и отвлекаетъ отъ службы университету. Комиссія предполагала бы повысить оклады этихъ лицъ въ слѣдующемъ размѣрѣ:

- 1) для астронома наблюдателя — 2000 руб. при готовой квартирѣ;
- 2) для прозекторовъ — 2000 р.;
- 3) для старшихъ ассистентовъ и помощниковъ директоровъ — 1200—1500 р.;
- 4) для ассистентовъ и лаборантовъ — 900—1000 р.;
- 5) для ученаго садовника — 1000—1200 р.

Вопросъ восьмой.

(Докладъ № 14).

Вопросъ 8-ой имѣетъ слѣдующую формулировку: „какія измѣненія желательны въ положеніи привать-доцентовъ, чтобы обезпечить университеты достойными лицами для замѣщенія свободныхъ каедръ? не слѣдуетъ ли ограничить число привать-доцентовъ и точнѣе опредѣлить ихъ права, обязанности, отвѣтственность и служебное положеніе?“

Обращая вниманіе на то положеніе, какое занимаютъ привать-доценты въ настоящее время, слѣдуетъ замѣтить, что положеніе это, созданное уставомъ 1884 года, представляетъ изъ себя, въ общемъ, не что иное, какъ простое заимствованіе порядковъ, установленныхъ въ германскихъ университетахъ. Въ германскую постановку привать-доцентуры уставъ 1884 года внесъ, однако, въ зависимости отъ условій русской университетской жизни, и нѣкоторыя весьма существенныя измѣненія, которыя никоимъ образомъ не послужили къ улучшенію института.

Для полученія званія привать-доцента въ Германіи отъ кандидата требуется, кромѣ обладанія высшей ученой степенью доктора, еще представленіе ученаго труда *pro venia legendi*

(Habilitationsschrift). Сверхъ того, по фактическимъ условіямъ германской жизни, приватъ-доцентъ, не получая никакого вознагражденія за свой трудъ со стороны государства и не имѣя возможности въ теченіе значительнаго времени разсчитывать на достаточное вознагражденіе въ формѣ получаемого со слушателей гонорара, обыкновенно обладаетъ или собственнымъ, болѣе или менѣе обеспеченнымъ, состояніемъ, или же другимъ источникомъ дохода, получая опредѣленное содержаніе по другой занимаемой имъ должности. Оба эти обстоятельства даютъ приватъ-доценту въ германскомъ университетѣ положеніе въ сущности вполне самостоятельное и предоставляютъ ему возможность, не отвлекаясь посторонними соображеніями, ожидать дальнѣйшаго движенія по избранной имъ ученой дорогѣ, въ зависимости исключительно отъ обнаруженнаго имъ преподавательскаго и научнаго таланта.

И въ русскихъ университетахъ званіе приватъ-доцента существовало еще и до устава 1884 г. Въ основаніи реформы 1884 г. въ этомъ пунктѣ лежало желаніе облегчить доступъ къ приватъ-доцентурѣ сравнительно съ ранѣе существовавшими условіями, причемъ, въ свою очередь, имѣлись въ виду двѣ цѣли. Съ одной стороны — открыть возможность широкой конкуренціи въ чтеніи курсовъ различными преподавателями и этой конкуренціей способствовать поднятію уровня преподаванія. Съ другой стороны — приватъ-доцентура должна была служить естественной подготовительной ступеню къ занятію въ будущемъ профессорской кѣедры и своего рода стажемъ, въ теченіе котораго будущій профессоръ имѣлъ бы возможность проявить свои преподавательскія и научныя способности.

Первая изъ этихъ двухъ цѣлей, какъ показалъ опытъ, не достигнута и, по ряду особыхъ условій, достигнута быть не можетъ. Свободная конкуренція приватъ-доцентовъ съ профессорами въ чтеніи курсовъ если не абсолютно невозможна, то фактически до крайности затруднительна. Въ тѣхъ, составляющихъ обычное у насъ явленіе, случаяхъ, когда приватъ-доцентъ не обладаетъ ученой степенью и матеріальнымъ обеспеченіемъ, онъ фактически стоитъ всегда въ весьма значитель-

ной зависимости отъ факультета, а, слѣдовательно, косвенно и отъ отдѣльныхъ его членовъ. Необходимость написать и провести даже не одну, а въ большинствѣ случаевъ двѣ диссертации черезъ факультетъ; возможность получить или не получить отъ факультета порученіе на чтеніе платнаго обязательнаго курса или на веденіе платныхъ обязательныхъ практическихъ занятій; однимъ словомъ, сильнѣйшая нравственная и матеріальная зависимость отъ факультета — все это такія условія, при которыхъ едва ли возможна рѣчь о свободной конкуренціи съ профессорами. Если же въ отдѣльныхъ университетахъ, по особымъ мѣстнымъ условіямъ, такая конкуренція и оказывается возможной, то, какъ ясно показали опыты, ведетъ она далеко не всегда къ соревнованію на почвѣ преподавательскаго таланта и научности лекцій, а скорѣе всего на почвѣ легкости курса и пониженія требованій, предъявляемыхъ къ слушателямъ на экзаменахъ. Излишне, конечно, указывать, что при этихъ условіяхъ конкуренція имѣетъ своимъ результатомъ не повышеніе, а, напротивъ того, значительное пониженіе уровня преподаванія.

Ко всему сказанному присоединяется еще и то обстоятельство, что, приступая при облегченныхъ условіяхъ къ чтенію лекцій, требующему значительной затраты труда и времени, весьма многіе приватъ-доценты, не обладающіе исключительной работоспособностью и исключительной силой характера, все болѣе и болѣе откладывають представленіе диссертаций на ученныя степени и такимъ образомъ нерѣдко и вовсе таковыхъ не представляютъ. Такое послѣдствіе слишкомъ ранняго занятія преподаваніемъ ближайшимъ образомъ невыгодно, конечно, самимъ заинтересованнымъ лицамъ, но косвеннымъ образомъ оно приноситъ вредъ и университетамъ вообще, такъ какъ сокращаетъ число лицъ, изъ которыхъ могли бы быть избираемы обладающіе учеными степенями замѣстители вакантныхъ кафедръ.

При описанныхъ условіяхъ приватъ-доцентура въ огромномъ большинствѣ случаевъ свелась въ настоящее время къ извѣстнаго рода стажу при подготовкѣ къ профессорѣ, причемъ этотъ стажъ поставленъ въ такія условія, которыя не могутъ

быть признаны благоприятными ни для интересов самих приватъ-доцентовъ, ни для интересовъ правильной постановки университетскаго преподаванія. Рядомъ съ этимъ, однако, должно быть отмѣчено хотя и болѣе рѣдкое, но тѣмъ не менѣе крайне нежелательное явленіе — наличность такихъ случаевъ, когда званіе приватъ-доцента ищется и получается не въ научныхъ видахъ, а исключительно въ частныхъ интересахъ, для увеличенія постороннихъ заработковъ, получаемыхъ путемъ занятія другой свободной профессіей. Такое явленіе можетъ имѣть мѣсто преимущественно на медицинскомъ, частью и на юридическомъ факультетѣ. Для практическаго врача, для присяжнаго повѣреннаго званіе университетскаго преподавателя представляетъ изъ себя ту непосредственную выгоду, что обладаніе имъ можетъ значительно расширить частную практику одного и кліентелу другого. Получая такую выгоду, приватъ-доценты этой категоріи на свою преподавательскую роль въ университетѣ въ сущности серьезно не смотрятъ вовсе, въ силу чего ни на улучшение и расширеніе преподаванія, ни на обезпеченіе дѣйствительнаго замѣщенія каедръ никакого вліянія не оказываютъ.

Несмотря на всѣ указанныя отрицательныя стороны приватъ-доцентуры въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ въ настоящее время, нельзя отрицать, однако, что при надлежащей постановкѣ институтъ этотъ можетъ быть признанъ для университетовъ чрезвычайно полезнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что именно въ званіи приватъ-доцента лицо, избирающее ученую карьеру, можетъ наилучшимъ образомъ практически ознакомиться съ приемами и методами преподаванія, съ особенностями преподаванія университетскаго, съ особенностями университетской аудиторіи. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что именно изъ такихъ, практически подготовленныхъ и показавшихъ на дѣлѣ свои преподавательскія способности, лицъ наилучшимъ образомъ могутъ быть избираемы достойные замѣстители каедръ. Въ виду этого нельзя, по мнѣнію комиссіи, признать желательными какія бы то ни было ограниченія въ числѣ приватъ-доцентовъ. Крайне желательно, напротивъ того, возможно широкое развитіе этого института. Необходимо

однако, при этомъ, принятіе мѣръ къ болѣе правильной постановкѣ привать-доцентуры, причемъ при опредѣленіи того, въ чемъ эта болѣе правильная постановка должна была бы заключаться, возможно было бы исходить изъ слѣдующихъ соображеній.

Если разсматривать привать-доцентуру главнымъ образомъ съ той точки зрѣнія, что она должна быть подготовительной ступенью къ занятію въ будущемъ профессорской катедры, то прохожденіе ея должно быть поставлено въ такія условія, чтобы привать-доценты могли во время занятія этой должности пріобрѣсти возможно большій педагогическій опытъ и практику въ преподаваніи. Для этой цѣли было бы желательно, прежде всего, чтобы, въ первое время нахожденія въ должности, привать-доценты ни по собственному заявленію, ни по порученію факультетовъ, не обременялись значительнымъ числомъ лекцій, а сохраняли бы достаточное количество свободного времени какъ для дальнѣйшихъ серьезныхъ научныхъ занятій вообще, такъ въ частности и для работы надъ диссертациями (если высшая ученая степень ими еще не пріобрѣтена). Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, съ отмѣной системы гонорара, самъ собою отпадетъ и главный стимулъ къ обремененію себя на первыхъ же порахъ своей дѣятельности чрезмѣрными занятіями по чтенію лекцій, такъ какъ объявленіе конкурентныхъ курсовъ не будетъ представлять никакого матеріальнаго интереса.

Объявленіе привать-доцентами курсовъ должно, далѣе, имѣть мѣсто не иначе, какъ по соглашенію и съ одобренія факультета, которому зарпѣ должны быть представлены, въ опредѣленные для этого сроки, и подобныя программы курсовъ или предполагаемыхъ къ веденію практическихъ занятій.

Состоящими при факультетѣ привать-доцентами факультеты могутъ, затѣмъ, пользоваться въ интересахъ полноты преподаванія различнымъ образомъ. Привать-доцентамъ можетъ, прежде всего, быть поручаемо веденіе практическихъ занятій тамъ, гдѣ факультетомъ это будетъ признано возможнымъ и полезнымъ. Привать-доцентамъ же можетъ быть поручаемо чтеніе отдѣльныхъ частей общихъ курсовъ, читаемыхъ

профессорами, если эти курсы настолько велики по объему, что не могут быть без ущерба для дѣла прочтены однимъ преподавателемъ въ отведенное ему число часовъ. Приватъ-доцентамъ можетъ быть рекомендоуемо, или даже и прямо поручаемо, чтеніе спеціальныхъ курсовъ по спеціальнымъ вопросамъ. На приватъ-доцентовъ, наконецъ, можетъ быть возлагаемо, по порученію факультетовъ, временное исполненіе обязанностей по вакантнымъ кафедрѣмъ.

При такой постановкѣ приватъ-доцентуры, устанавливающей болѣе тѣсную и живую связь между факультетами и состоящими при нихъ приватъ-доцентами, въ значительной степени обезпечивается возможность постепеннаго приобрѣтенія послѣдними надлежащей опытности въ преподаваніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность выбора на вакантныя профессорскія должностей и надлежащимъ образомъ подготовленныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при такой постановкѣ самъ собою рѣшается вопросъ и о помощникахъ профессоровъ (см. докладъ по вопросу 7-му): естественными помощниками профессоровъ какъ въ преподаваніи, такъ и въ веденіи практическихъ занятій и будутъ именно приватъ-доценты.

Что касается до отношенія приватъ-доцентовъ къ университету, то оно, согласно изложенному, опредѣляется прежде всего тѣмъ, читаютъ ли они курсы по своему избранію, или же исполняютъ порученія факультетовъ, или же, наконецъ, временно, по порученію факультетовъ, исполняютъ обязанности по вакантной кафедрѣ. Что касается до послѣднихъ, то они должны, конечно, получать вознагражденіе изъ оклада свободной кафедры, въ размѣрѣ не менѣе половины содержанія экстраординарнаго профессора. Приватъ-доценты, вообще исполняющіе порученія факультетовъ, но не въ смыслѣ чтенія по вакантной кафедрѣ, а въ смыслѣ чтенія спеціальныхъ курсовъ или веденія практическихъ занятій, должны были бы получать вознагражденіе соразмѣрно возложенному на нихъ труду, въ объемѣ не менѣе двухсотъ рублей за полугодовой часть, для чего желательно назначеніе такихъ суммъ, которыя состояли бы съ этой цѣлью въ исключительномъ распоряженіи

самихъ факультетовъ; точное же опредѣленіе размѣровъ этихъ суммъ должно было бы быть представлено Совѣту каждымъ факультетомъ по принадлежности. Что касается, наконецъ, до приватъ-доцентовъ, читающихъ курсы по своему избранію, то такіа лица, вообще говоря, познагражденія не получаютъ. Въ виду того, однако, что съ отмѣной гонорара они лишены будутъ возможности рассчитывать на оплату своего труда путемъ вносимой слушателями платы, слѣдовало бы предоставить факультетамъ право назначать по своему усмотрѣнію и этимъ лицамъ нѣкоторое вознагражденіе изъ остатковъ предоставленныхъ въ распоряженіе факультетовъ суммъ, если только такіе остатки будутъ находиться на лицо послѣ вознагражденія всѣхъ приватъ-доцентовъ, исполнявшихъ порученія факультетовъ.

Должны, однако, съ другой стороны, быть приняты мѣры и противъ злоупотребленій званіемъ приватъ-доцента со стороны такихъ лицъ, которыя ищутъ этого званія исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ, пользуясь имъ, какъ средствомъ расширенія своей дѣятельности, лежащей внѣ университета. Мѣрой противъ такого рода злоупотребленія могло бы быть правило, аналогичное тому, какое уже существуетъ въ уставѣ 1884 года, и которое могло бы быть формулировано, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ; „приватъ-доцентъ, не объявившій курса въ теченіе полугодія, а также не читавшій въ теченіе полугодія или прекратившій чтеніе лекцій до окончанія полугодія, лишается званія приватъ-доцента въ томъ случаѣ, если необъявленіе курса, непрочтеніе объявленнаго или прекращеніе его не оправдывается уважительными причинами.“

Право быть приватъ-доцентами могли бы имѣть:

- а) лица, имѣющія ученые степени,
- б) преподаватели другихъ высшихъ ученыхъ заведеній,
- в) лица, пріобрѣтшія извѣстность своими научными трудами,

г) лица, выдержавшія магистерское (на медицинскомъ факультетѣ — докторское) испытаніе, по прочтеніи двухъ пробныхъ лекцій.

Допущеніе къ приватъ-доцентурѣ должно зависѣть отъ совѣта университета, по представленію соотвѣтственныхъ факультетовъ.

Что касается до отвѣтственности приватъ-доцентовъ, то преподаваніе ихъ должно стоять подъ контролемъ факультета на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и преподаваніе профессоровъ. Точно такимъ же образомъ приватъ-доценты, по порученію факультетовъ, могли бы быть и экзаменаторами по прочтеннымъ ими курсамъ. Въ виду этого они могли бы приглашаться, по желанію факультета, и въ засѣданія послѣдняго, когда въ факультетѣ рѣшаются вопросы, касающіеся преподаваемыхъ ими предметовъ.

Служебное положеніе приватъ-доцентовъ, наконецъ, могло бы быть опредѣлено примѣнительно къ уставу 1884 года: имъ должно быть предоставлено право на зачисленіе времени ихъ преподавательской дѣятельности, въ случаѣ поступленія ихъ на дѣйствительную службу, въ выслугу срока на пенсію и на званіе заслуженнаго профессора.

Вопросъ девятый.

(Докладъ № 8).

По вопросу о томъ, „какія вообще мѣры должны быть приняты для правильнаго и успѣшнаго приготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію“, комиссія проектируетъ слѣдующія мѣры: 1) учрежденіе въ Юрьевскомъ университетѣ несуществующаго до сихъ поръ института оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію и 2) командированіе этихъ лицъ въ другіе русскіе или заграничные университеты или научныя учрежденія для окончанія научнаго образованія.

Въ подробностяхъ проектируемыя комиссіей мѣры сводятся къ слѣдующему. Факультетъ, по представленію соотвѣтствующаго профессора, оставляетъ при университетѣ тѣхъ изъ окончившихъ курсъ, которые заявили свою способность къ

научнымъ занятіямъ во время прохожденія университетскаго курса. Нормальный срокъ такого оставленія при университетѣ устанавливается въ два года; но онъ можетъ быть продолженъ еще на годъ, если факультетъ признаетъ успѣшными занятія оставленнаго при университетѣ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ. Для матеріальнаго обезпеченія оставленныхъ при университетѣ лицъ желательно учрежденіе стипендій по 720 рублей каждая. Такихъ стипендій должно быть не менѣе 10. Пять изъ нихъ должны быть приурочены къ отдѣльнымъ факультетамъ, а остальные могутъ распредѣляться совѣтомъ университета между факультетами соотвѣтственно ихъ потребностямъ въ данное время. На факультетѣ лежитъ обязанность наблюдать за правильностью и успѣшностью занятій оставленныхъ при университетѣ. Въ случаѣ неуспѣшности занятій факультетъ имѣетъ право лишить оставленнаго при университетѣ стипендіи.

Командировать оставленнаго при университетѣ въ заграничные или русскіе университеты или научныя учрежденія комиссія находитъ цѣлесообразнымъ лишь послѣ того, какъ онъ выдержитъ магистерскій или докторскій экзаменъ. Вопросъ о командированіи за границу рѣшается совѣтомъ по представленію факультета. Для заграничныхъ командировокъ магистрантовъ и докторантовъ совѣтъ долженъ располагать нѣсколькими (напр. пятью) стипендіями по 1500 р. каждая. Нормальный срокъ такой командировки двухгодичный. Въ теченіе этого времени командированный долженъ каждое полугодіе представлять факультету отчетъ о ходѣ своихъ занятій.

Необходимой подготовкой къ профессорскому званію по многимъ спеціальностямъ является также и выполненіе обязанностей ассистентовъ и лаборантовъ при учебно - вспомогательныхъ учрежденіяхъ (клиникахъ, кабинетахъ, лабораторіяхъ и т. п.). Приготовленіе молодыхъ людей къ профессорскому званію по этимъ спеціальностямъ можетъ, слѣдовательно, заканчиваться занятіемъ ими должностей ассистентовъ и лаборантовъ. При этомъ комиссія находитъ неудобнымъ, чтобы оставленные при университетѣ, съ перваго-же года своего

оставленія, выполняли обязанности ассистентовъ и лаборантовъ, такъ какъ эти обязанности отнимали-бы у нихъ время и силы на выполненіе такихъ работъ, которыя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ ихъ главной задачѣ — подготовкѣ къ магистерскому или докторскому экзамену.

Вопросъ десятый.

(Докладъ № 9).

„Какія мѣры могли бы привлечь студентовъ къ болѣе усерднымъ, чѣмъ нынѣ, занятіямъ и поднять уровень получаемаго ими университетскаго образованія?“

Современный уровень образованія, получаемаго студентами въ университетѣ, не вполне соотвѣтствуетъ той задачѣ, которая возложена на университеты, какъ на высшія учебныя заведенія, предназначенныя служить не только разсадниками науки, но и учрежденіями, подготовляющими молодыхъ людей на служеніе государству, родинѣ и обществу.

При нынѣшнемъ строѣ общественной жизни и ходѣ образованія, университетъ является не единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, но только высшимъ. Онъ даетъ высшее образованіе. Онъ завершаетъ то, что было создано въ сферѣ образованія и воспитанія средними учебными заведеніями и домашней средой. Поэтому, и задача университетскаго образованія самымъ тѣснымъ образомъ связана съ характеромъ образованія, даваемого въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Успѣхи, достигаемые университетскимъ образованіемъ, стоятъ въ тѣсной зависимости отъ той подготовки, съ которою среднія учебныя заведенія выпускаютъ своихъ воспитанниковъ въ университетъ. Въ виду этого, для подъема университетскаго образованія требуется повышеніе образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Педагогическій опытъ высшаго образованія у всѣхъ народовъ доказываетъ самымъ яснымъ образомъ, что всѣ мѣры

принужденія къ посѣщенію лекцій и практическихъ занятій, какъ напр., строгій контроль надъ посѣщеніемъ, съ систематическимъ записываніемъ присутствующихъ и взысканіями для отсутствующихъ, не только не достигаютъ цѣли, но, въ свою очередь, вызываютъ сильное неудовольствіе учащихся и вслѣдствіе этого сами становятся препятствіями къ успѣшному распространенію образованія среди университетской молодежи.

Посѣщеніе лекцій дѣйствительно приноситъ большую пользу студенту только въ томъ случаѣ, когда студентъ видитъ въ посѣщеніи ихъ не исполненіе одной внѣшней формальности, регистрируемой неделями, но надежное средство къ основательному изученію преподаваемой науки. Когда въ студентахъ укоренится сознаніе, что живое слово профессора не можетъ быть замѣнено ни записками, ни учебниками, аудиторіи университетовъ будутъ полны безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ.

Въ виду этихъ обстоятельствъ, вмѣсто принудительныхъ мѣръ къ посѣщенію лекцій и практическихъ занятій, необходимо предоставить студентамъ свободу ученія, а за факультетами оставить обязанность составленія учебныхъ плановъ съ указаніемъ того порядка, въ которомъ извѣстные предметы, въ интересахъ успѣшнаго хода учебныхъ занятій должны быть преподааны и изучены.

Подъемъ университетскаго образованія студентовъ стоитъ въ зависимости и отъ личныхъ качествъ преподавательскаго персонала въ университетѣ. Заинтересовать студентовъ наукою могутъ только профессора, дѣйствительно обладающіе ученостью, не стѣсняемые внѣшней регламентаціей преподаванія науки, свободные отъ необходимости добыванія средствъ существованія внѣуниверситетской службою или занятіями, преданные своему дѣлу и нравственно безупречные.

Успѣхъ университетскаго преподаванія обусловливается въ сильной степени правильною и доступною для учащихся постановкою наблюденія и опыта, а также возможностью изученія литературы въ области преподаваемыхъ наукъ. Поэтому, для подъема университетскаго образованія, необходимо улучшение и

расширеніе существующихъ и устройство, по мѣрѣ надобности, новыхъ учебно-вспомогательныхъ учреждений.

Обученіе студентовъ пріемамъ научнаго изслѣдованія, искусству обращенія съ инструментами, средствами и матерьялами и умѣнью примѣненія знаній на дѣлѣ очень важно для успѣшности университетскаго преподаванія. Въ виду этого весьма желательно ввести, возстановить, усилить и улучшить, по мѣрѣ надобности, на всѣхъ факультетахъ практическія занятія во всѣхъ соотвѣтствующихъ видахъ, по принадлежности, какъ-то: научныя экскурсіи, *practica*, *colloquia*, *seminaria*, *repetitoria* et *privatissima*. Подъ именемъ *privatissima* разумѣются спеціальныя курсы, устраиваемые для ограниченнаго числа интересующихся лицъ, по спеціальнымъ отраслямъ той или другой науки. Руководители этихъ спеціальныхъ курсовъ не должны быть экзаменаторами лицъ, занимавшихся у этихъ преподавателей на этихъ курсахъ.

Практическія занятія студентовъ должны быть вообще добровольными; но по нѣкоторымъ наукамъ, какъ напр., по физикѣ, химіи, анатоміи и т. д., въ интересахъ успѣшности преподаванія, участіе студентовъ въ практическихъ занятіяхъ должно быть обязательно. По какимъ предметамъ практическія занятія должны быть обязательны для студентовъ, это должно быть предоставлено опредѣленію самихъ факультетовъ, соотвѣтственно роду наукъ, въ прелѣлахъ дѣйствительной необходимости.

Руководство практическими занятіями студентовъ должно принадлежать, по мѣрѣ надобности, профессорамъ; естественными же сотрудниками профессоровъ въ этомъ отношеніи являются отчасти приватъ-доценты, а главнымъ образомъ — прозектора, лаборанты, ассистенты и другія лица, служащія по учебной части, при учебно-вспомогательныхъ учрежденияхъ.

Современная система экзаменовъ, съ приуроченіемъ ихъ къ одному сроку и съ обязательностью сдачи ихъ для студента въ теченіе опредѣленныхъ сроковъ, въ свою очередь оказываетъ вредное вліяніе на успѣшный ходъ и высоту университетскаго образованія. Въ виду этого, для подъема университетскаго

образования необходимо измѣненіе существующей системы экзаменовъ съ предоставленіемъ факультетамъ болѣе широкой свободы въ опредѣленіи сроковъ, состава и способа испытаній, а также способа оцѣнки познаній экзаменующагося.

Наконецъ, въ интересахъ поднятія университетскаго образования, необходимо возстановленіе ученой степени кандидата съ обязательнымъ представленіемъ кандидатской диссертациі на всѣхъ факультетахъ, гдѣ эта степень упразднена. На медицинскомъ же факультетѣ необходимо представленіе званія лекаря „съ отличіемъ“ только тѣмъ лицамъ, которые, по полученіи надлежащихъ отмітокъ на испытаніи, представляютъ въ годичный срокъ письменную диссертацию, одобренную медицинскимъ факультетомъ.

Вопросъ одиннадцатый.

(Докладъ № 4).

По вопросу: „не слѣдуетъ ли возстановить курсовые экзамены съ допущеніемъ къ нимъ экстерновъ, гдѣ это, по характеру занятій, возможно? Точно также не слѣдуетъ ли допустить экстерновъ къ одновременному экзамену по всѣмъ факультетскимъ предметамъ для полученія диплома объ окончаніи университетскаго курса?“ — комиссія высказалась за возстановленіе переходныхъ и окончательныхъ экзаменовъ въ факультетахъ на основаніи правилъ, выработанныхъ факультетами. Комиссія не нашла возможнымъ удержать терминъ „курсовые экзамены“, не желая предпрѣшать вопроса объ организаціи преподаванія по курсамъ и предоставляя рѣшеніе этого вопроса факультетамъ.

По второй части вопроса комиссія признала желательнымъ допустить и экстерновъ къ окончательнымъ или инымъ экзаменамъ на условіяхъ, установленныхъ каждымъ факультетомъ и утвержденныхъ министромъ народнаго просвѣщенія. За производство экзаменовъ экстерны должны платить въ пользу специальныхъ средствъ университета годовую плату или часть ея

соотвѣтственно числу предметовъ испытанія, по опредѣленію факультета. Попредметная плата за экзамены имѣть въ виду тѣхъ постороннихъ лицъ, которые пожелали бы путемъ экзамена проверить степень своего знакомства съ тою или другою спеціальною наукой (какъ напр., агрономической химіей и т. п.). Высказываясь въ принципѣ за допущеніе экстерновъ къ экзамену, комиссія находитъ, однако, что только отдѣльные факультеты могутъ выработать подробныя правила о допущеніи экстерновъ къ экзаменамъ въ виду того, что сверхъ теоретическихъ знаній во многихъ спеціальностяхъ (напр., естественныхъ наукахъ и медицинѣ) необходимо требовать отъ экзаменующихся еще усвоенія спеціальныхъ практическихъ навыковъ (напр., въ производствѣ анализовъ и т. п.). Поэтому комиссія допускаетъ возможность, что на отдѣльныхъ факультетахъ для допущенія къ экзамену будутъ, напримѣръ, требоваться удостовѣренія въ томъ, что желающій подвергнуться испытанію прошелъ необходимую практическую школу гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ. Вотъ почему комиссія находитъ необходимымъ предоставить факультетамъ детальное рѣшеніе этого вопроса, высказываясь лишь принципиально за допущеніе къ экзаменамъ и экстерновъ.

Вопросъ двѣнадцатый.

(Докладъ № 10).

При обсужденіи вопроса о томъ, „нужно ли предоставить служебныя права оканчивающимъ университетскій курсъ“, комиссія исходила изъ слѣдующихъ соображеній.

Наши университеты возникли по инициативѣ правительственной власти, которая руководилась при этомъ цѣлью подготовки дѣятелей на поприщѣ государственной службы, воодушевленная мыслью, что „способомъ науки просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣніи людьми.“ Хотя со времени, когда высказана эта мысль, прошло полтора вѣка, и государство при измѣнившихся условіяхъ настоящаго времени не въ такой мѣрѣ нуждается въ предва-

рительной подготовкѣ кадра служащихъ по гражданскому вѣдомству; однако, и въ наши дни возрастающее многообразіе государственныхъ цѣлей и усложненіе задачъ государственнаго управленія придаютъ вопросу о подготовкѣ образованныхъ чиновниковъ чрезвычайно важное государственное значеніе. Уставъ о службѣ гражданской и въ особенности отдѣльныя узаконенія послѣдняго времени все чаще и чаще выставляютъ образовательный цензъ, какъ необходимое условіе для поступленія на службу въ то или другое вѣдомство или же для занятія той или другой должности. Наряду съ этимъ, введеніе и расширеніе органовъ самоуправленія придаютъ особую важность вопросу о томъ, чтобы и въ общественной средѣ возрасталъ элементъ образованныхъ классовъ общества, такъ какъ въ числѣ условій, обеспечивающихъ участіе въ завѣдываніи общественными дѣлами, образовательный цензъ получаетъ все болѣе видное значеніе.

Для установленія наличности и высоты умственнаго ценза государство пользовалось разными средствами. Въ періодъ существованія обязательной службы, у насъ введено было обязательное обученіе дворянъ съ періодическими смотрами для производства экзаменовъ. Съ дарованіемъ благородному дворянству вольности и свободы отмѣнено и обязательное обученіе; но указомъ 1809 г. для производства въ коллежскіе ассессоры требовалось представленіе свидѣтельства объ испытаніи въ положенныхъ наукахъ въ одномъ изъ русскихъ университетовъ.

Главнымъ же показателемъ умственнаго ценза повсюду, какъ на континентѣ Европы, такъ и у насъ, являются свидѣтельства и дипломы, выдаваемые учебными заведеніями окончивающимъ въ нихъ курсъ. Этотъ порядокъ и до сихъ поръ является господствующимъ, въ частности примѣнительно къ высшимъ учебнымъ заведеніямъ, за двумя слѣдующими исключеніями:

1) Въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ вольные университеты или равныя имъ по значенію высшія учебныя заведенія, содержимыя на частныя и общественныя средства, окончивающіе въ нихъ курсъ не пользуются никакими правами государственной службы, если только такимъ частнымъ учебнымъ заведеніямъ не предоставлено права выдавать дипломы, равные по значенію

съ дипломами государственныхъ университетовъ, что встрѣчается, напр., въ Швеціи, Италіи, Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и пр.

2) Съ усложненіемъ и спеціализаціей отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, для опредѣленія на должность признается недостаточнымъ предъявленіе диплома объ окончаніи университетскаго курса, но вводятся еще особые экзамены при тѣхъ или иныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ или же въ особыхъ комиссіяхъ, назначаемыхъ правительствомъ. Но въ большинствѣ случаевъ къ такимъ спеціальнымъ экзаменамъ допускаются лишь имѣющіе дипломы объ окончаніи университетскаго курса. Такова германская система. Зародыши подобныхъ практическихъ экзаменовъ для занятія тѣхъ или иныхъ должностей или званій или для прохожденія службы существуютъ и у насъ, напр., экзамены на должность нотаріуса, на званіе старшаго кандидата на судебныя должности, частнаго повѣреннаго, уѣзднаго врача, учителя. Какъ извѣстно, университетскій уставъ 1884 г. ввелъ у насъ экзамены въ государственныхъ комиссіяхъ, къ которымъ по общему правилу допускались только лица, представившія выпускныя свидѣтельства факультетовъ. Но эти экзамены, строго говоря, оказались вовсе не государственными, такъ какъ въ распоряженіи правительства не нашлось достаточнаго контингента спеціалистовъ помимо университетскихъ профессоровъ, а свелись на практикѣ къ установленію еще одного способа бюрократическаго контроля надъ профессурою.

Такъ какъ подобные государственные экзамены, по мнѣнію комиссіи, должны быть уничтожены и замѣнены выпускными экзаменами при факультетахъ, то и выдача дипломовъ объ окончаніи курса должна быть предоставлена университетамъ по прежнему.

Должны ли, однако, съ этими дипломами соединяться права государственной службы? Если принять во вниманіе, что съ указанной перемѣной не произойдетъ никакого существеннаго измѣненія по сравненію съ существующимъ порядкомъ, такъ какъ экзамены въ факультетахъ не будутъ ничѣмъ отличаться

отъ экзаменовъ въ такъ называемыхъ государственныхъ комиссияхъ, то было бы совершенно непонятно такое ограниченіе въ правахъ оканчивающихъ курсъ, какъ слѣдствіе лишь указанной перемѣны. Если же и современная система признается ненормальною, такъ какъ университеты превращаются будто бы въ фабрику дипломовъ и привлекаютъ молодыхъ людей не идеальными задачами образованія, а практическими выгодами полученія служебныхъ правъ; то при измѣненіи существующаго порядка необходима въ такомъ важномъ дѣлѣ особенная осторожность.

Прежде всего вопросъ о правахъ оканчивающихъ курсъ долженъ быть поставленъ не только по отношенію къ университетамъ, но и относительно всѣхъ другихъ высшихъ спеціальныхъ заведеній, государственныхъ училищъ и лицеевъ. Далѣе, уничтоженіе правъ, приобретаемыхъ дипломами, поставитъ правительство въ необходимость организовать въ широкихъ размѣрахъ государственныя экзамены по разнымъ спеціальностямъ. Но, какъ показалъ опытъ, это связано у насъ съ серьезными затрудненіями. Если же и оказалась бы возможность преодолѣть эти затрудненія, то тогда было бы весьма желательно установить въ видѣ общаго правила, чтобы къ такимъ профессиональнымъ и служебнымъ экзаменамъ по разнымъ спеціальностямъ допускались только лица съ дипломами университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи. Это безусловно необходимо въ интересахъ государства, такъ какъ для него важно, чтобы всѣ вступающіе на государственную службу обладали не только спеціальными или техническими познаніями, но и возможно болѣе высокимъ уровнемъ умственнаго развитія. Приобрѣсти же такое развитіе у насъ при обычныхъ условіяхъ возможно только, пройдя университетскій или соотвѣтственный ему курсъ высшаго учебнаго заведенія. Принимая во вниманіе степенъ культурности нашихъ даже крупныхъ городовъ, когда далеко не во всѣхъ изъ нихъ имѣются хорошія книгохранилища, музеи, кабинеты и проч., приобрести сколько нибудь систематическое образованіе внѣ университетовъ или соотвѣтственныхъ имъ учебныхъ

заведеній, если даже и признать ихъ упадокъ за послѣднія десятилѣтія, у насъ въ большинствѣ случаевъ невозможно. Допущеніе къ экзаменамъ въ столичныхъ государственныхъ комиссіяхъ экстерновъ, не имѣющихъ выпускныхъ свидѣтельствъ, показало, что познанія и общее развитіе такихъ въ большинствѣ случаевъ неудовлетворительны, хотя вполне возможно, что такія лица и могли бы преодолѣть техническія трудности въ спеціальныхъ испытательныхъ комиссіяхъ.

Въ виду вышеизложенныхъ соображеній комиссія единогласно признала, что при настоящихъ условіяхъ оканчивающимъ университетскій курсъ должны быть предоставлены служебныя права наравнѣ съ оканчивающими курсы другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Вопросъ тринадцатый.

(Докладъ № 11).

Вопросъ „нужно ли сохранить государственные экзамены и, если нужно, — то въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ“ не можетъ получить отвѣта безъ предварительнаго разсмотрѣнія двухъ пунктовъ. Во первыхъ — того, какія цѣли преслѣдуетъ вообще установленіе государственныхъ экзаменовъ. Во вторыхъ — того, достигаются ли эти цѣли той формой государственныхъ экзаменовъ, какая установлена въ настоящее время.

По отношенію къ пункту первому должно замѣтить слѣдующее. Въ основаніи государственныхъ экзаменовъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ западно-европейскихъ государствахъ, и преимущественно въ Германіи, лежитъ идея о необходимости со стороны государства контроля надъ знаніями тѣхъ лицъ, которые или ищутъ поступленія на государственную службу, или желаютъ получить разрѣшеніе на занятіе свободной профессіей, требующей спеціальныхъ познаній (например, профессіей архитектора, практическаго врача и т. п.).

Такой контроль со стороны государства имѣетъ то значеніе, что въ первомъ случаѣ само государство удостовѣряется въ наличности у экзаменующагося тѣхъ спеціальныхъ познаній, которыя необходимы для службы государству въ избранной кандидатомъ отрасли службы; во второмъ же случаѣ государство, сверхъ того, какъ бы принимаетъ на себя ручательство въ томъ, что лица, обращающіяся къ испытанному имъ специалисту, ввѣряютъ свои интересы лицу, дѣйствительно опытному и знающему.

Въ основаніе этого типа государственныхъ экзаменовъ положена, такимъ образомъ, совершенно точная и вполне правильная идея — провѣрка степени подготовленности къ практической дѣятельности у такого лица, которое на такую практическую дѣятельность претендуетъ. При этой точкѣ зрѣнія государственные экзамены не стоятъ, въ сущности, ни въ какой связи съ университетами и съ другими спеціальными учебными заведениями. Тамъ, гдѣ для допущенія къ такому экзамену требуется предъявленіе университетскаго диплома (или, лучше сказать, свидѣтельства о выслушаніи курса) — такое требованіе имѣетъ лишь то значеніе, что оно обезпечиваетъ наличность у кандидата извѣстнаго общаго систематическаго образованія, безъ котораго онъ не можетъ быть и хорошимъ специалистомъ въ избранной имъ отрасли дѣятельности, и которое можетъ быть получено только въ правильно организованномъ высшемъ учебномъ заведеніи.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ государственные экзамены въ такихъ странахъ, гдѣ возможность полученія систематическаго образованія открыта и помимо государственныхъ учебныхъ заведеній существованіемъ заведеній частныхъ (такъ наз. вольные университеты и т. п.). Здѣсь государственные экзамены, помимо только что указанной практической цѣли, могутъ получить значеніе еще и провѣрки со стороны государства степени не только практической, но и общей подготовки кандидата, въ виду того, что эта общая подготовка получена имъ не въ учрежденіяхъ, самимъ государствомъ основанныхъ и содержимыхъ. Указаннымъ обстоятельствомъ объяс-

няется различіе между характеромъ и устройствомъ государственныхъ экзаменовъ, напримѣръ, въ Германіи съ одной стороны, въ Англіи и Америкѣ съ другой.

Какъ бы то ни было, однако, но вопросъ о контролѣ со стороны государства вездѣ поднимается, при этомъ, только тамъ, гдѣ лицо, закончившее свое общее образованіе, заявляетъ желаніе выступить на поприщѣ практической дѣятельности, въ которой ему приходится сталкиваться съ интересами ряда лицъ, нуждающихся въ его специальныхъ познаніяхъ. Тотъ, кто такой практической дѣятельности не избираетъ, государственнымъ экзаменамъ и не подвергается; поэтому, напримѣръ, прохожденіе научной и ученой карьеры возможно и безъ всякихъ экзаменовъ со стороны государства.

У насъ въ Россіи государственные экзамены въ томъ видѣ, въ какомъ, съ частичными измѣненіями, они существуютъ и въ настоящее время, заимствованы ближайшимъ образомъ изъ Германіи. При этомъ, однако, ихъ основная идея подверглась глубокому измѣненію. Цѣлью государственныхъ экзаменовъ по уставу 1884 года была отнюдь не провѣрка тѣхъ знаній лицъ, окончивающихъ курсъ въ университетахъ, которыя необходимы въ ихъ практической дѣятельности, а провѣрка всѣхъ знаній, которыя ими вынесены изъ университета; другими словами — контроль надъ университетскимъ преподаваніемъ. При такой постановкѣ дѣла и при томъ условіи, что университетское преподаваніе лежитъ у насъ въ рукахъ государства, оказалось, что государство желало контролировать само себя.

Однако, и такая постановка еще не невозможна и можетъ быть оправдана тѣмъ соображеніемъ, что въ интересахъ государства можетъ лежать и контроль надъ дѣятельностью отдѣльных органовъ государственной власти, наблюденіемъ надъ послѣдними со стороны другихъ органовъ, равно компетентныхъ или выше стоящихъ. Для достиженія этой цѣли необходима, однако, наличность достаточнаго количества такихъ лицъ, на которыхъ такой контроль могъ бы быть возложенъ. По отношенію къ университетамъ, слѣдовательно, необходимо было бы имѣть значительный выборъ специалистовъ по читаемымъ въ

университетахъ предметамъ, но спеціалистовъ, стоящихъ, при этомъ, внѣ университетовъ. Эти спеціалисты, не заинтересованные, а потому и безпристрастные, къ качествѣ экзаменторовъ на государственныхъ экзаменахъ и могли бы судить о степени успѣшности университетскаго преподаванія и о постановкѣ учебнаго дѣла въ томъ или другомъ университетѣ.

Но не трудно было предсказать заранѣе то, что впоследствии дѣйствительно и оказалось, а именно — что такихъ, стоящихъ внѣ университетовъ, но въ то же время способныхъ быть экзаменторами по университетскимъ предметамъ, спеціалистовъ въ наличности не окажется. На первыхъ же шагахъ, поэтому, въ постановку государственныхъ экзаменовъ оказалось необходимымъ внести перемѣну въ томъ смыслѣ, что половину предметовъ, по которымъ первоначально предполагалось производить испытанія въ государственныхъ комиссіяхъ, пришлось вновь передать въ вѣдѣніе факультетовъ, подъ названіемъ полукурсовыхъ испытаній. Въ послѣдніе годы въ этомъ же направленіи сдѣланъ и еще дальнѣйшій шагъ для юридическихъ испытательныхъ комиссій — здѣсь факультетамъ опять переданы испытанія еще по цѣлому ряду предметовъ, входившихъ въ теченіе ряда лѣтъ въ составъ государственныхъ экзаменовъ.

За отсутствіемъ достаточнаго количества спеціалистовъ, которые стояли бы внѣ профессорскаго персонала и за отсутствіемъ достаточныхъ поводовъ къ контролированію со стороны государства назначенныхъ имъ же самимъ преподавателей, государственные экзамены постепенно превратились, такимъ образомъ, сами собою въ тѣ же выпускные университетскіе экзамены, съ тою только разницей, что для предсѣдательствованія въ испытательныхъ комиссіяхъ министерствомъ командировются во всѣ университеты особыя лица. Эти особыя лица берутся, опять таки за отсутствіемъ другого выбора, изъ числа профессоровъ университета, что окончательно отнимаетъ у государственныхъ экзаменовъ хотя бы и тѣнь тѣхъ первоначальныхъ цѣлей, съ которыми они были установлены. Нѣтъ, конечно, никакого основанія предполагать, что дѣло преподаванія и провѣрки его успѣшности сколько нибудь подвинется впередъ отъ

того, что, напиримѣръ, одинъ изъ профессоровъ харьковскаго университета, въ прямой ущербъ своимъ непосредственнымъ обязанностямъ преподавателя, поѣдетъ предсѣдателемъ въ Казань, тогда какъ одинъ изъ казанскихъ профессоровъ уѣдетъ въ Харьковъ и т. п. Назначеніе предсѣдателемъ получаетъ, при этихъ условіяхъ, лишь характеръ назначенія крупнаго добавочнаго вознагражденія отдѣльнымъ лицамъ, пользующимся, почему либо, особымъ расположеніемъ со стороны командирующей ихъ для предсѣдательства власти.

Между тѣмъ съ педагогической стороны государственные экзамены, въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, не принося никакой пользы государству, приносятъ положительный вредъ. Вредъ этотъ выражается прежде всего въ томъ, что принятое для опредѣленія права на дипломъ первой и второй степени дѣленіе предметовъ государственнаго испытанія на предметы главные и не главные сильнѣйшимъ образомъ отражается на успѣшности занятій и подготовки экзаменующихся къ такъ называемымъ не главнымъ предметамъ. Готовятся къ этимъ предметамъ сколько нибудь основательно экзаменующіеся признають едва ли не совершенно излишнимъ, отлично зная, что отмѣтка по этимъ предметамъ не имѣетъ большого значенія для диплома, и что преподаватель, часто по простому чувству чловѣчности, не рѣшится поставить неудовлѣдворительной отмѣтки тамъ, гдѣ всѣ экзамены уже прошли благополучно, и гдѣ ему, въ концѣ ихъ, приходится экзаменовать по предмету „не главному“. Рядомъ съ этимъ, привычка смотрѣть на науку, не какъ на науку, а на то, къ какой группѣ, главныхъ или не главныхъ, отнесена данная научная дисциплина, пагубно отражается и на отношеніи экзаменующихся даже и къ тѣмъ предметамъ, которые признаны главными: непривычка къ серьезному взгляду на дѣло замѣтнымъ образомъ понижаетъ научный уровень на экзаменѣ вообще.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній коммиссія пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Государственные экзамены въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, не только не приносятъ

никакой пользы, но скорѣе приносить прямой и положительный вредъ.

2) Они не служатъ ни средствомъ удостовѣренія со стороны государства въ наличности у экзаменующагося тѣхъ познаній, которыя ему необходимы въ практической дѣятельности, ни средствомъ контроля со стороны государства надъ постановкой и успѣшностью университетскаго преподаванія.

3) Они понижаютъ уровень познаній экзаменующихся: прежде всего тѣмъ, что вносятъ искусственное дѣленіе научныхъ предметовъ на главные и не главные; косвенно — и тѣмъ, что такое, ничѣмъ не оправдываемое, дѣленіе вызываетъ не серьезное отношеніе къ наукѣ вообще.

4) Они стоятъ государству чрезмѣрно дорого, не достигая никакихъ результатовъ. Тѣ десятки тысячъ, которыя тратятся на нихъ ежегодно, и тѣ сотни тысячъ, если того не болѣе, которыя были затрачены на нихъ за все время ихъ существованія, могли-бы получить много болѣе производительное назначеніе, хотя бы на нужды самихъ университетовъ.

5) По всѣмъ вышеприведеннымъ основаніямъ государственныя экзамены въ томъ видѣ, какъ они существуютъ, должны быть отмѣнены, и всѣ экзамены по предметамъ, читаемымъ въ университетахъ, должны быть переданы въ вѣдѣніе факультетовъ.

Вопросъ четырнадцатый.

(Докладъ № 5).

Подвергнувъ всестороннему обсужденію вопросъ о томъ, „какія мѣры желательны для сближенія профессоровъ и студентовъ и для усиленія воспитательнаго вліянія первыхъ на послѣднихъ“, комиссія признала, что никакія искусственныя мѣры не могутъ повести къ такому сближенію, что сближеніе возникаетъ на почвѣ довѣрія, которое создается естественными условіями, является результатомъ всего университетскаго строя и личныхъ качествъ преподавателей и студентовъ и не можетъ

возникнуть вследствие одной лишь перемѣны нѣкоторыхъ статей устава. Точно также не можетъ подлежать регламентаціи и воспитательное вліяніе профессоровъ на студентовъ, являющееся естественнымъ слѣдствіемъ ихъ духовнаго сближенія. Лишь возможно большая научная и нравственная авторитетность профессорской коллегіи, въ связи со всѣмъ строемъ университетской жизни, основанномъ на принципахъ законности и свободы, могутъ оказать на студентовъ воспитательное вліяніе въ смыслѣ выработки въ нихъ уваженія къ наукѣ, стойкости убѣжденій и твердости характера, сознанія долга и чувства законности.

При формулировкѣ своего взгляда на вопросъ 14-й комиссія руководствовалась слѣдующими соображеніями.

1. Прежде чѣмъ предлагать тѣ или иныя мѣры, необходимо установить, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ „сближеніе.“ Возможны двѣ точки зрѣнія на сближеніе, а именно: 1) сближеніе можетъ быть искусственное, основанное на цѣломъ рядѣ принудительныхъ мѣръ и ограниченное въ силу этого лишь внѣшними отношеніями, и 2) естественное, возникающее добровольно и основанное на взаимномъ довѣріи, уваженіи и любви, на нравственномъ авторитетѣ одной изъ сторонъ и добровольномъ подчиненіи этому авторитету другой стороны. Сближеніе, поддерживаемое искусственными мѣрами, какъ сказано, можетъ распространяться лишь на внѣшнія отношенія и, въ силу необходимости, въ лучшемъ случаѣ обречено на сухой формализмъ, а въ худшемъ — вырождается въ полицейскую опеку. Этимъ путемъ достигается не сближеніе, а наоборотъ духовное разобщеніе и отчужденіе, растущія прямо пропорціонально усиленію искусственнаго сближенія, нагляднымъ примѣромъ чего могутъ служить классные наставники въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, инспекція въ университетахъ, судьба проектированныхъ въ прошлое министерство студенческихъ обществъ и т. п. Не подлежитъ сомнѣнію, что можно придумать цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ чисто внѣшнему сближенію профессоровъ и студентовъ. Но приведетъ-ли это къ желанной цѣли? Конечно нѣтъ, и врядъ-ли можно

сомнѣваться въ томъ, что оно внесетъ въ университетскую жизнь еще большій бюрократизмъ, вредный для университетовъ и несомѣстимый съ ихъ достоинствомъ, какъ высшихъ учено-учебныхъ учреждений, и повлечетъ за собою еще большую духовную разобщенность тѣхъ двухъ элементовъ, изъ которыхъ складывается университетъ. Сближеніе добровольное, на почвѣ духовнаго общенія, можетъ возникнуть лишь естественнымъ путемъ при подходящихъ для этого условіяхъ. Оно не можетъ быть вызвано искусственно путемъ какихъ-либо мѣропріятій; но оно можетъ быть задержано или наоборотъ можетъ свободно развиваться въ зависимости отъ господствующихъ въ университетѣ нравовъ, отъ общаго его духа и строя. Въ настоящее время всѣ усилія могутъ и должны быть направлены къ тому, чтобы устранить неблагопріятныя условія, которыя при современномъ университетскомъ строѣ препятствуютъ сближенію, и къ тому, чтобы создать почву, на которой можетъ возникнуть духовное сближеніе. Въ этомъ отношеніи можно сдѣлать нѣсколько указаній, изложенныхъ въ слѣдующихъ пунктахъ.

2. Существеннымъ препятствіемъ къ сближенію является въ настоящее время та ложная точка зрѣнія, лежащая въ основѣ современнаго университетскаго строя, по которой студенты являются лишь отдѣльными посѣтителями университета, а профессора лишь лекторами и руководителями практическихъ занятій, лишенными возможности и даже права общенія со студентами внѣ узкой и бюрократически обставленной сферы учебныхъ отношеній. Въ интересахъ устраненія искусственной грани между студентами и профессорами, необходимо кореннымъ образомъ измѣнить эту точку зрѣнія, что легко можетъ быть достигнуто при переустройствѣ университетовъ на началахъ автономіи и академической свободы, согласно уже высказаннымъ комиссіей соображеніямъ. Для этого необходимо въ частности, чтобы студентамъ дано было право корпоративныхъ организацій, право приглашать въ эти организаціи профессоровъ и другихъ преподавателей въ качествѣ почетныхъ предсѣдателей, почетныхъ членовъ или гостей, по желанію самой организаціи, а не

по обязанности; чтобы были разрешены товарищеские суды чести, которые способствовали бы выработке определенных понятий о чести, твердости убеждений и стойкости характера. Для этого необходимо дать, чтобы дух недоверия и подозрительности, которыми проникнуто отношение начальства к профессорам, уступил место доверию, и чтобы профессоров не заподозривали и не преследовали за более близкие отношения к студентам, а напротив давали бы простор такому желательному общению.

3. Другим неблагоприятным для сближения условием является формализм в организации преподавания и ограничение компетенции факультетов и совета в области учебно-ученых вопросов. В интересах поднятия нравственного авторитета отдельных профессоров и профессорских коллегий необходимо коренное изменение существующего порядка замещения каедр, должностей деканов и ректора и значительное расширение компетенции факультетов и совета в сфере вопросов преподавания. Всякий, кому приходилось занимать административную должность в одном из наших университетов при современном университетском строе, знает, каким излишним формализмом обставлены все мелочи текущей университетской жизни. Все эти излишние стеснения университетских коллегий, лишаящие их возможности своей властью разрешать даже такие вопросы, как переэкзаменовки, отсрочки экзаменов и т. п. мелочи, и централизация всех этих мелочей в канцелярии попечителя учебного округа и в департамент народного просвещения не только без пользы для дела стесняют свободу коллегий, но в значительной мере умаляют их авторитет в глазах студентов и тем самым препятствуют осуществлению сближения на почве доверия и уважения. В этой области факультетам и совету должна быть предоставлена самая широкая автономия, от которой выиграют и профессорские коллегии, и студенты, и центральная администрация.

Большим злом являются в частности и министерские программы, которыми установлены рамки для читаемых в университет курсов. Детальные программы, фиксирующие на много лет содержание читаемого предмета, абсолютно

непримѣнны къ цѣлому ряду дисциплинъ, постоянно развивающихся и требующихъ со стороны преподавателя той свободы отъ узкихъ программъ, безъ которой его курсъ можетъ оказаться не стоящимъ на уровнѣ науки. По отношенію къ другимъ наукамъ такіе программы имѣютъ значеніе полицейской мѣры, направленной къ исключенію изъ читаемаго предмета того или иного отдѣла. Предполагая по вопросу о программахъ высказаться въ другомъ мѣстѣ, комиссія не можетъ не указать на то зло, которое въ нихъ коренится и съ точки зрѣнія вопроса о сближеніи профессоровъ и студентовъ на почвѣ научныхъ интересовъ. При наличности стѣснительныхъ программъ студентъ склоненъ видѣть въ профессорѣ не самостоятельнаго ученаго, безпристрастно излагающаго добытыя другими и имъ самимъ научныя истины и доктрины, а чиновника, сообщающаго лишь то, что разрѣшено сообщать начальствомъ, такъ сказать, утаивающаго часть научныхъ истинъ или ученій и б. м. невѣрно освѣщающаго и то, что онъ сообщаетъ. А при такомъ взглядѣ на главную функцію профессора, т. е. на его преподавательскую дѣятельность, нельзя ожидать достаточнаго довѣрія и полного уваженія къ нему со стороны слушателей, нельзя разсчитывать на воспитательное вліяніе профессоровъ на студентовъ, ибо степень этого вліянія всецѣло зависитъ отъ научнаго и нравственнаго авторитета преподавателя.

Лишь при условіи должнаго расширенія компетенціи факультетовъ и совѣта въ области, въ которой они по самому существу дѣла могутъ, а слѣд. и должны быть рѣшающей инстанціей, эти коллегіи перестанутъ быть въ глазахъ студентовъ крайне несамостоятельными учрежденіями, а профессора пріобрѣтутъ надлежащій авторитетъ. Этимъ путемъ будетъ расчищена почва для духовнаго сближенія, осуществленіе котораго будетъ уже зависѣть отъ личныхъ качествъ профессоровъ и студентовъ.

4) Значительнымъ препятствіемъ къ сближенію и духовному общенію студентовъ и профессоровъ слѣдуетъ считать инспекцію и тѣ полицейскія отношенія университетскаго начальства къ студентамъ, которыя созданы инспекціей. Лишь при

умові упразднення інспекції, в тому виді, кає вона сущє-
ствуєть вь настоящее время, и при умові учрежденія прорек-
туры и университетскаго суда можно ожидать развитія болѣе
близкихъ отношеній студентовъ къ профессорамъ. Болѣе по-
дробныя соображенія по этому пункту будутъ изложены вь до-
кладѣ по вопросу объ инспекціи.

5) Естественной почвой для сближенія преподавателей
и студентовъ служатъ научныя занятія; поэтому съ расшире-
ніемъ научной дѣятельности университетовъ и вь частности съ
расширеніемъ практическихъ занятій, семинарій, бесѣдъ и т. п.
слѣдуетъ ожидать и расширенія почвы для сближенія. Но при
этомъ слѣдуетъ имѣть вь виду, что научныя занятія привле-
кають студентовъ и могутъ быть плодотворны только постольку,
поскольку они вызываються истинными потребностями препода-
ванія или самообразованія. Всякія же занятія, не вызываемыя
непосредственно научными потребностями, а устанавливаемыя
лишь вь цѣлихъ внѣшняго сближенія или вь цѣлихъ отвлече-
нія студентовъ отъ постороннихъ университету занятій, спо-
собны лишь дискредитировать научность преподаванія и сдѣ-
латься источникомъ недоувѣрія и разобщенія, вмѣсто того, чтобы
способствовать духовному сближенію.

6) Автономная организація университетовъ съ выборнымъ
началомъ, самоуправленіемъ и академической свободой, надо
надѣяться, подниметь авторитетъ университетскихъ коллегій
и отдѣльных ихъ членовъ вь глазахъ общества и студентовъ,
создасть солидарность и престижъ, котораго эти коллегіи, при
существующемъ нынѣ университетскомъ режимѣ, не имѣють, и
безъ котораго отдѣльные преподаватели лишь вь рѣдкихъ слу-
чаяхъ могутъ пользоваться достаточнымъ нравственнымъ авто-
ритетомъ вь глазахъ студентовъ, а слѣд. и оказывать на нихъ
воспитательное вліяніе. Надо надѣяться, что осмотрительность
коллегій при замѣщеніи каедръ и административныхъ долж-
ностей подниметь научный уровень преподавателей, устано-
вить не только внѣшнюю, но и нравственную солидарность
между ними и дать большую гарантію справедливости, чувства
законности и сердечнаго отношенія къ студентамъ. Не слѣдуетъ

забывать, что молодежь крайне чутка къ проявленіямъ несправедливости, безтактности или бюрократизма въ отношеніяхъ къ ней преподавателей и лицъ университетской администраціи, что она легко возбудима и склонна къ увлеченіямъ. Въ отношеніяхъ къ университетской молодежи требуется большая выдержка и тактичность, и какой-нибудь неосторожный или безтактный шагъ, какая-нибудь несвоевременная или несправедливая мѣра легко вызываютъ недовольство и недовѣріе, являются причиной болѣе или менѣе серьезныхъ волненій. Съ другой стороны нетрудно заслужить уваженіе и довѣріе молодежи высокимъ научнымъ уровнемъ преподаванія, опредѣленностью и стойкостью убѣжденій, объективностью и строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ — а въ этомъ и заключается залогъ воспитательнаго вліянія профессоровъ на студентовъ.

7) Хотя университетъ, какъ учрежденіе учено-учебное, преслѣдуетъ цѣли научныя и учебныя и спеціально воспитательными цѣлями задаваться не можетъ; нельзя не признать громаднаго воспитательнаго вліянія университета, какъ среды, въ которой молодой человѣкъ получаетъ не только извѣстный запасъ знаній, но и нравственныхъ силъ, въ которой вырабатывается опредѣленное міросозерцаніе и развивается характеръ будущаго общественнаго дѣятеля. Такая воспитательная роль не поддается регламентаціи и не можетъ быть вызвана искусственными мѣрами; она опредѣляется личными качествами преподавателей и студентовъ и является логическимъ слѣдствіемъ господствующаго въ университетѣ духа, общаго его строя, основаннаго на началахъ законности, академической свободы и нравственной солидарности преподавателей. Поэтому усилить воспитательное вліяніе профессоровъ на студентовъ какими-нибудь мѣропріятіями нельзя; оно возникнетъ само собою на почвѣ сближенія.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній коммиссія полагаетъ, что никакихъ спеціальныхъ мѣръ къ искусственному сближенію и къ усиленію воспитательнаго вліянія профессоровъ на студентовъ принято быть не можетъ и не должно. Но коммиссія надѣется, что корпоративное устройство, какъ

студентовъ, такъ и профессоровъ, довѣріе начальства къ профессорскимъ коллегіямъ, уничтоженіе инспекціи и бюрократизма, учрежденіе университетскаго суда и студенческаго суда чести, расширеніе компетенціи профессорскихъ коллегій въ сферѣ учено-учебныхъ вопросовъ и свобода преподаванія и изслѣдованія создадутъ ту почву, на которой сближеніе и воспитательное вліяніе возникнутъ сами собою.

Вопросъ пятнадцатый.

(Докладъ № 6).

Пятнадцатый вопросъ гласитъ: „не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи и собранія студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ? если слѣдуетъ — то какія и на какихъ условіяхъ? не признаются ли полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей?“

Поставленный такимъ образомъ вопросъ распадается, по содержанію своему, на нѣсколько отдѣльныхъ пунктовъ, которые, въ цѣляхъ ясности изложенія и всесторонности освѣщенія, должны быть разсмотрѣны отдѣльно.

Первый изъ этихъ пунктовъ формулированъ въ словахъ: „не слѣдуетъ ли допустить студенческія организаціи?“ Остановиваясь первоначально на разсмотрѣніи этого частнаго вопроса, комиссія признала необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующія соображенія.

Стремленіе складываться въ организованныя, т. е. дѣйствующія на основаніи опредѣленныхъ нормъ, группы основано, вообще говоря, на врожденной человѣку потребности искать общенія съ себѣ подобными и, главнымъ образомъ, съ лицами, связанными между собою какими либо общими интересами. Чѣмъ болѣе общій характеръ эти интересы имѣютъ; чѣмъ болѣе затруднительно достиженіе ихъ единичными силами отдѣльнаго лица; чѣмъ болѣе, наконецъ, изолированное и оторванное отъ привычной обстановки положеніе эти отдѣльные лица занимаютъ, — тѣмъ сильнѣе должна сказываться и дѣйствительно сказывается потребность въ урегулированномъ

общеніи съ тѣми, кто стоитъ въ равныхъ условіяхъ, и кто связанъ между собою тѣми же интересами.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ указанныя обстоятельства въ сильной степени существуютъ и для русскаго студента; существуютъ, быть можетъ, даже въ степени значительно болѣе сильной, чѣмъ для студента всякой другой страны. Огромное большинство нашихъ студентовъ принадлежитъ къ лицамъ, необезпеченнымъ матеріально и вынужденнымъ, поэтому, изыскивать средства къ существованію, а также и ко внесенію платы за право ученія, путемъ посторонняго заработка или даже путемъ обращенія къ поддержкѣ благотворительности частной и общественной. Тяжелое экономическое положеніе обостряется тѣмъ обстоятельствомъ, что большинство студентовъ для прохожденія курса принуждено отрываться отъ привычной, родной и домашней обстановки, уѣзжая въ университетскій, чужой городъ за сотни и за тысячи верстъ отъ дома и часто не имѣя тамъ ни родныхъ, ни даже знакомыхъ. Эти два момента представляютъ изъ себя сильнѣйшій импульсъ къ образованію ассоціацій. Въ избранномъ студентомъ городѣ и университетѣ онъ находитъ сотни и тысячи лицъ, стоящихъ въ томъ же положеніи и связанныхъ, къ тому же, между собою рядомъ интересовъ научнаго и академическаго характера. Естественно, поэтому, что именно съ этими лицами, т. е. со студентами же, у него возникаетъ ближайшее общеніе на научной и на экономической почвѣ; естественно также, что сильно развитый у молодежи духъ товарищества побуждаетъ каждаго отдѣльнаго студента искать ближайшаго общенія съ товарищами; естественно, наконецъ, что за такимъ общеніемъ каждый ближайшимъ образомъ обратится именно къ тѣмъ, кто связанъ съ нимъ интересами еще болѣе тѣсными, и кто по самому происхожденію своему стоитъ къ нему ближе другихъ, а именно къ тѣмъ, кто происходитъ изъ одного съ нимъ мѣста, — къ своимъ товарищамъ по среднему учебному заведенію и вообще къ землякамъ.

Дѣйствіе указанныхъ моментовъ съ чрезвычайной рельефностью проявляется въ исторіи развитія студенчества всѣхъ

время и всехъ странъ. Во всехъ университетахъ міра и во все время студентскія организаціи начинали складываться тотчасъ же, какъ только данный университетъ становился сколько нибудь многочисленнымъ по числу слушателей. Вездѣ также первоначальной, чрезвычайно прочной и живучей формой такихъ организацій были тѣсныя общества лицъ, происходившихъ изъ одной мѣстности и поэтому связанныхъ между собою наибольшимъ количествомъ общихъ интересовъ — такъ называемыя землячества (*Landsmannschaften*). Происхожденіе и наиболѣе рѣзкое выраженіе этого типа связано еще съ исторіей Болонскаго университета 12-го и слѣд. вѣковъ, когда землячества образовывались на чуждой большинству слушателей итальянской почвѣ по отдѣльнымъ національностямъ — германской, французской и т. д. Съ образованіемъ національных университетовъ тотъ же типъ землячествъ началъ вырабатываться и въ этихъ послѣднихъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что на мѣсто землячествъ національных были поставлены землячества по провинціямъ, по городамъ и т. п. Уже на этой почвѣ землячествъ, изъ этого общаго типа, начали, путемъ дальнѣйшей дифференціаціи, складываться и вырабатываться другія формы организацій: корпораціи, союзы научныя, экономическіе, для цѣлей общительныхъ и т. д., причемъ въ образованіи и въ формахъ этихъ дальнѣйшихъ развитій сильнѣйшимъ образомъ сказались національныя черты каждаго отдѣльнаго народа: германская раса исторически выработала особые, свойственные ей наклонностямъ типы; ассоціаціи англійскихъ, американскихъ, французскихъ, шведскихъ и т. д. студентовъ носятъ каждая свой спеціальный характеръ, соотвѣтствующій національному характеру народа.

Съ такой же, въ сущности, рельефностью проявилось вліяніе всехъ указанныхъ факторовъ и въ исторіи развитія русскихъ студентскихъ организацій, — легально до сихъ поръ не признанныхъ, но фактически, какъ извѣстно каждому, существующихъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Организаціи эти начали складываться тотчасъ же, какъ только русскіе университеты стали многочисленными, какъ только увеличился въ нихъ наплывъ слушателей. При этомъ первымъ, и до настоящаго времени еще

наиболѣе жизненнымъ типомъ такихъ организацій и у насъ въ Россіи оказались по естественнымъ причинамъ опять такі землечества; можно утверждать даже, что именно въ русскомъ характерѣ, въ которомъ связь съ землею проявляется сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и въ которомъ обращеніе въ нуждѣ къ земляку является, поэтому, до сихъ поръ у всѣхъ классовъ народа наиболѣе естественнымъ видомъ общенія, образованіе землечествъ и по необходимости должно было явиться болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сильнымъ скрѣпляющимъ моментомъ между студентами, какъ оно является и наиболѣе сильнымъ моментомъ въ образованіи всѣхъ русскихъ организацій — артелей, товариществъ и т. п. Дальнѣйшее развитіе русскихъ студенческихъ организацій опредѣлилось, однако, въ зависимости отъ двухъ особыхъ причинъ: съ одной стороны въ зависимости отъ того, что онѣ не только никогда не были признаны легальными, а подверглись, напротивъ того, спеціальному запрещенію и преслѣдованію, съ другой — отъ того, что, несмотря на всѣ такія запрещенія, онѣ всегда продолжали существовать и развиваться.

Послѣднее само по себѣ не удивительно и объясняется просто — потребность въ организаціяхъ основана на такихъ чертахъ человѣческой природы и на такихъ запросахъ въ частности студенческой жизни, которыя простымъ, хотя бы и категорическимъ запрещеніемъ уничтожены быть не могутъ: единственнымъ средствомъ для полнаго прекращенія этого естественнаго процесса было бы уничтоженіе университетовъ или такая реформа ихъ, которая равнялась бы полному уничтоженію этого типа высшихъ учебныхъ заведеній. Простое отрицательное и запретительное отношеніе къ фактически существующимъ организаціямъ само по себѣ не ведетъ еще, конечно, къ прекращенію послѣднихъ, а имѣетъ своимъ единственнымъ послѣдствіемъ приданіе имъ характера нелегальныхъ и запрещенныхъ обществъ.

Этотъ послѣдній фактъ, въ свою очередь, влечетъ за собою то неизбежное послѣдствіе, что всякая не признанная закономъ, юридически запрещенная, но фактически тѣмъ не менѣе существующая организація, какова бы она ни была по своей перво-

начальной цѣли, имѣетъ тенденцію превратиться въ организацію съ политическимъ характеромъ, задающуюся цѣлью протеста и борьбы противъ существующаго строя. Такое послѣдствіе запрещенія вытекаетъ, опять таки, само собою изъ естественной причины: самое существованіе запрещенія ставитъ политической тенденціи непосредственную и ближайшую цѣль — стремленіе добиться снятія его и придаванія организаціи легальнаго характера. Разъ, однако, такая политическая цѣль поставлена на очередь, — къ ней съ чрезвычайной легкостью присоединяются и другія, благодаря тому, что именно нелегальные и запрещенные, но, несмотря на такое запрещеніе, фактически существующіе союзы представляютъ изъ себя наиболѣе удобную и благодарную почву для всякаго рода недозволенной политической агитаціи, принимающей постепенно революціонный характеръ.

Всѣ эти черты какъ нельзя болѣе ясно отражаются и на развитіи русскихъ студенческихъ организацій. Въ начальномъ періодѣ своего образованія всѣ онѣ имѣютъ преимущественно цѣли экономическія и цѣли общенія. Возникающія землячества преслѣдуютъ цѣли взаимопомощи и возможности вступать въ обмѣнъ на почвѣ ближайшихъ студенческихъ интересовъ — чтенія, самообразованія, товарищескаго обмѣна мыслей и т. п.; въ то же время начинаютъ, на той же почвѣ, образовываться и болѣе широкія группировки такого же характера — студенческія библіотеки, общія студенческія столовыя и т. п. Съ особенной силой движеніе это сказывается въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, встрѣчая въ то время, при министерствѣ Сабурова, даже болѣе или менѣе доброжелательное къ себѣ отношеніе. Если бы такія организаціи, оставаясь дозволенными, были въ то время взяты подъ доброжелательный, хотя и бдительный контроль университетской власти, многое въ жизни русскихъ университетовъ, вѣроятно, сложилось бы иначе. Абсолютное же запрещеніе ихъ имѣло, по вышензложеннымъ причинамъ, своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ то, что въ дѣятельность студенческихъ организацій была внесена политическая окраска, и что онѣ, благодаря своему составу изъ недостаточно зрѣлыхъ въ умственномъ отношеніи, изъ

подверженных увлеченіямъ молодости, къ тому же болѣею частью экономически мало обезпеченныхъ лицъ, сдѣлались наиболѣе удобной и выгодной почвой для разнаго рода темныхъ агитацій и происковъ враждебныхъ правительству лицъ. Все болѣе и болѣе усиливающуюся политическую окраску такого рода легко прослѣдить на исторіи студенческихъ волненій: въ прежнее время волненія начинались не иначе, какъ по какимъ либо причинамъ чисто мѣстнаго характера и безъ особаго труда прекращались мѣстными же мѣрами и устраненіемъ мѣстныхъ причинъ недовольства. Съ каждымъ разомъ, однако, волненія эти начинаютъ охватывать все болѣе и болѣе широкій раіонъ; начинаютъ захватывать все болѣе и болѣе число учебныхъ заведеній различныхъ вѣдомствъ; начинаютъ возникать по причинамъ, лежащимъ отчасти внѣ строя академической жизни; начинаютъ пріобрѣтать, наконецъ, какъ то ясно изъ ряда издаваемыхъ тайными студенческими союзами прокламацій, все болѣе и болѣе революціонный характеръ. Рядомъ съ этимъ все сильнѣе проявляется и другое послѣдствіе тяготящаго надъ студенческими организаціями запрещенія; выработка все болѣе и болѣе тѣсной связи между различнаго рода тайными студенческими организаціями. Сперва образуются дѣйствующіе въ предѣлахъ одного и того же университета такъ называемые „союзные совѣты“, „исполнительные комитеты“ и т. п., берущіе на себя общую роль вершителей студенческихъ дѣлъ и направителей всей студенческой дѣятельности. Въ настоящее же время легко замѣтить стремленіе пойти еще дальше: начинаютъ организовываться тайные студенческіе съѣзды; во время волненій студенты отдѣльныхъ университетовъ начинаютъ вступать въ оживленный обмѣнъ извѣстіями путемъ почты, телеграфа, разсылки делегатовъ; нельзя, конечно, ручаться и за то, что подъ видомъ „делегата такого то университета“ сплошь и рядомъ не появляются лица, ничего общаго ни со студентами, ни съ университетомъ не имѣющія. Въ общемъ, однимъ словомъ, въ настоящее время замѣчается не безуспѣшное стремленіе къ созданію такихъ тайныхъ организацій, которыя охватывали бы собою все рус-

ское студенчество. За послѣднее же время, наконецъ, обнаружилась и тенденція всѣхъ этихъ тайныхъ организацій вступать въ своего рода союзы и съ другими недовольными элементами.

Изъ тѣхъ средствъ, которыя возможны были бы въ цѣлихъ прекращенія образованія студенческихъ организацій и вреднаго направленія ихъ дѣятельности, одно, на первый взглядъ наиболѣе радикальное, — а именно полное запрещеніе и признаніе ихъ нелегальными, — уже примѣнено на практикѣ и оказалось недѣйствительнымъ; мало того, оно повело и не могло, по вышеизложеннымъ причинамъ, не повести къ диаметрально противоположному результату — къ широкому развитію тайныхъ студенческихъ союзовъ и къ приданію имъ постепенно все болѣе усиливающагося политическаго характера. Въ виду существованія тѣхъ естественныхъ и неустраняемыхъ причинъ, какими вызывается образованіе этихъ организацій, единственнымъ радикальнымъ средствомъ могло бы быть признано уничтоженіе этихъ естественныхъ условій, т. е. превращеніе университетовъ въ возможно малолюдныя, по возможности закрытыя учебныя заведенія, въ связи съ прекращеніемъ въ нихъ доступа лицамъ, мало состоятельнымъ и экономически необезпеченнымъ. Излишне, однако, указывать на то, что такіа мѣры равнялись бы уничтоженію университетовъ, и что происшедшій отъ этого для государства вредъ далеко не уравнивался бы достигнутыми результатами. Помимо необходимости для государства въ значительномъ числѣ образованныхъ лицъ, которыя могли бы съ пользою работать въ разнообразныхъ областяхъ государственной и общественной жизни, и которыхъ могутъ дать только университеты, — такіа мѣры оказались бы въ дѣйствительности опасными еще и въ томъ направленіи, что проведеніе ихъ повело бы къ увеличенію числа недовольныхъ лицъ и элементовъ въ средѣ самого общества.

Словомъ — никакія искусственныя мѣры борьбы съ явленіями, въ основаніи которыхъ лежатъ естественные запросы, не могутъ достигнуть своей цѣли, и единственное (а, въ то же время, при соблюденіи извѣстныхъ условій, и вполнѣ безопас-

ное) средство для прекращенія дѣятельности тайныхъ студенческихъ организацій, комиссія усматривала бы, поэтому, въ предоставленіи студентамъ возможности удовлетворять легальнымъ путемъ основанному на естественныхъ причинахъ стремленію къ образованію студенческихъ организацій. Отсюда самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на основной пунктъ вопроса пятнадцатаго: отвѣтъ этотъ долженъ быть данъ въ томъ смыслѣ, что допущеніе студенческихъ организацій должно быть признано не только желательнымъ, но должно быть признано и единственнымъ средствомъ для устраненія многихъ ненормальныхъ явленій университетской жизни.

Изъ всего изложеннаго самъ собою вытекаетъ, однако, отвѣтъ и на второй изъ частныхъ вопросовъ, входящій въ общій составъ вопроса пятнадцатаго: какія именно организаціи должны быть допущены и на какихъ условіяхъ? Въ этомъ отношеніи комиссія полагаетъ, что единственно правильнымъ способомъ дѣйствія было бы предоставленіе выработки типовъ наиболѣе подходящихъ для русскихъ студентовъ организацій опыту самой жизни, а отнюдь не насажденіе въ наши университеты какого либо изъ типовъ, образовавшихся въ университетахъ иностранныхъ, какъ бы хороши эти послѣдніе типы сами по себѣ ни были. Условія же, на какихъ могло бы быть допущено образованіе такихъ организацій, въ общемъ сводились бы къ тому, что онѣ должны были бы быть поставлены въ ближайшую связь и подъ ближайшій контроль университетскихъ органовъ управленія, причемъ, само собою разумѣется, общее наблюденіе за дѣятельностью всѣхъ такого рода организацій должно было бы, на общихъ основаніяхъ, стоять подъ контролемъ и наблюденіемъ общей государственной власти.

Въ подробностяхъ же комиссія исходила изъ слѣдующихъ соображеній.

Каждый изъ уже существующихъ типовъ и формъ студенческихъ организацій (германскія корпораціи и буршеншафты, финляндскія, шведскія, англійскія, американскія и т. п. формы) складывались исторически, въ зависимости отъ характера народа, отъ обстоятельствъ мѣста и времени; всѣ эти формы

отражаютъ въ себѣ національныя черты того народа, у котораго онѣ складывались, и въ средѣ котораго онѣ развивались. Дѣлать какую бы то ни было изъ этихъ чужихъ формъ обязательной для русскихъ студентовъ, значило бы дѣлать двойную ошибку: во первыхъ, не давать самой жизни вырабатывать тѣ новые типы, которые, быть можетъ, оказались бы для нея наиболѣе подходящими, словомъ, — искусственно заставлять идти жизненные потребности по заранѣ намѣченному, и, быть можетъ, непригодному для нихъ руслу; во вторыхъ, — это значило бы заранѣ вызвать къ дозволеннымъ организаціямъ недоброжелательное отношеніе въ средѣ студентовъ, которые, при существующихъ обстоятельствахъ, легко могутъ усмотрѣть въ предписанной или только хотя бы рекомендованной формѣ предвзятое недовѣріе къ ихъ зрѣлости и политической благонадежности. По той же причинѣ нежелательно и установленіе въ видѣ общей нормы такихъ положеній, чтобы, напримѣръ, профессора входили обязательно въ составъ той или иной студенческой организаціи, или, напримѣръ, чтобы организація была дозволима не иначе, какъ за отвѣтственностью того или другого профессора и т. п.; всѣ такого рода нормы, разъ имъ будетъ приданъ принудительный характеръ, могутъ только вызвать къ себѣ недовѣріе и лишить профессоровъ возможности пріобрѣсти то нравственное вліяніе на организаціи, которое ими безъ сомнѣнія и безъ того пріобрѣтено будетъ; всѣ эти частности могутъ и должны быть предусмотрѣны лишь въ частныхъ уставахъ отдѣльныхъ организацій.

Каждый изъ этихъ моментовъ имѣетъ частное значеніе; всѣ же они, вмѣстѣ взятые, ведутъ къ тому, что ожидать какой либо пользы отъ предоставленія студентамъ возможности образовывать легальныя и открытыя организаціи возможно лишь при томъ условіи, чтобы историческому ходу жизни русскихъ университетовъ и русскаго студенчества было предоставлено свободное развитіе. Оба эти соображенія имѣютъ особую важность въ виду той роли, которую легальныя студенческія организаціи будутъ, какъ то легко предвидѣть, играть въ борьбѣ съ организаціями нелегальными.

Затѣмъ — само собою разумѣется, что ближайшее наблюдение за образованіемъ, правильнымъ ходомъ дѣятельности и за прекращеніемъ студенческихъ организацій должно лежать въ рукахъ университетской власти, какъ такой, которая всегда стоитъ въ ближайшемъ отношеніи ко всей академической жизни и, въ частности, къ академической жизни студента. Такимъ органомъ долженъ быть совѣтъ университета, наблюдающій за студенческими организаціями черезъ своихъ главныхъ представителей — ректора и проректора. Контроль университетской власти не исключаетъ, однако, и не можетъ исключать еще и особаго контроля со стороны государства, которое осуществляетъ его на общихъ основаніяхъ.

Всѣ изложенные принципы могутъ быть сведены къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ:

1) Допущеніе студенческихъ организацій должно быть признано желательнымъ.

2) Должны быть допускаемы всякаго рода организаціи студентовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя образуются для достиженія цѣлей противозаконныхъ и безправственныхъ.

3) Каждая организація студентовъ должна дѣйствовать на основаніи особаго, выработаннаго ея учредителями и утвержденнаго надлежащимъ порядкомъ устава.

4) Выработанный учредителями проектъ такого устава представляется ими, черезъ ректора, на утвержденіе совѣта университета, которому принадлежитъ право указать учредителямъ на желательныя или необходимыя по его мнѣнію измѣненія въ представленномъ на утвержденіе проектѣ. По переработкѣ, согласно сдѣланнымъ совѣтомъ указаніямъ, проектъ вторично вносится въ совѣтъ на окончательное обсужденіе. Въ случаѣ неутвержденія, совѣтъ сообщаетъ учредителямъ мотивы своего отказа. Въ случаѣ же утвержденія, уставъ сообщается начальнику губерніи.

5) Дѣятельность всѣхъ студенческихъ организацій находится подъ общимъ наблюденіемъ ректора, проректора и совѣта университета. Ректору же должны быть представляемы ежегодно каждой организаціей годовые отчеты. Свои указанія

какъ на неправильности въ этихъ отчетахъ, въ случаѣ если таковыя будутъ обнаружены, такъ и на текущіи отступленія въ общей дѣятельности каждой отдѣльной организаціи ректоръ и проректоръ дѣлають управленію послѣдней.

6) Кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ въ уставѣ данной организаціи и въ общихъ законахъ, дѣйствующихъ организаціи могутъ быть закрываемы совѣтомъ университета, по представленію ректора въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ обнаружено, что данная организація уклоняется отъ своего устава.

7) Въ особо важныхъ случаяхъ ректоръ имѣетъ право во всякое время приостанавливать дѣятельность каждой организаціи еще и до окончательнаго ея прекращенія, съ тѣмъ, чтобы рѣшеніе вопроса объ окончательномъ закрытіи или о дальнѣйшемъ существованіи было имъ представлено на усмотрѣніе ближайшаго засѣданія совѣта университета. Въ такихъ случаяхъ, для охраны ея имущества, ректоръ назначаетъ особыхъ лицъ по своему выбору изъ представителей другихъ студенческихъ организацій.

Приведенныя правила въ общемъ, по мнѣнію комиссіи, въ достаточной степени обезпечивали бы возможность правильнаго развитія студенческихъ организацій, давая, съ другой стороны, возможность постоянного и внимательнаго надъ ними контроля, который пресѣкалъ бы нежелательныя и вредныя уклоненія отъ устава.

Останавливаясь, наконецъ, на тѣхъ послѣдствіяхъ, какихъ слѣдовало бы ожидать отъ разрѣшенія студенческихъ организацій, нельзя упускать изъ вида того факта, что уже и въ настоящее время между студентами въ широкой степени развиты различнаго рода союзы, хотя и непризнанные закономъ, и что дѣятельность этихъ союзовъ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ уже приобрѣла извѣстнаго рода традицію и окраску. Невозможно ожидать, чтобы съ открытіемъ явныхъ организацій всѣ эти тайные союзы прекратили свое существованіе; невозможно ожидать также, чтобы въ значительной степени измѣнились ихъ дѣятельность и ихъ традиціи. Такой расчетъ, по мнѣнію комиссіи, не могъ бы не оказаться въ глубокой степени

ошибочнымъ. Польза отъ дозволенныхъ организацій ближайшимъ образомъ состояла бы въ томъ, что онѣ могли бы служить твердой точкой опоры для студентовъ, желающихъ спокойнаго теченія университетской жизни въ то время, когда ей угрожаетъ смута. Такихъ студентовъ, по опыту прежнихъ лѣтъ, во время всякихъ волненій въ университетѣ оказывается, въ сущности, значительное большинство, но, будучи разрозненнымъ и не имѣя возможности соединиться легальнымъ образомъ, большинство это оказывается безсильнымъ оказать противодействие нелегальному, но сплоченному и организованному меньшинству, стоящему за волненія и ихъ производящему. А такъ какъ, съ другой стороны, и тайныя организаціи будутъ всѣми силами отстаивать свое существованіе, пользуясь для этого тѣмъ привлеченіемъ, какое оказываетъ въ особенности на молодые умы всякая тайна и всякая политическая роль, то не трудно предсказать, что ближайшимъ послѣдствіемъ дозволенія организацій окажется рѣзкая, быть можетъ, борьба между организаціями явными и организаціями тайными. Такая борьба должна, конечно, закончиться побѣдой явныхъ организацій надъ тайными, послѣ которой развитіе первыхъ станетъ на нормальную дорогу, но само по себѣ такое явленіе неизбѣжно и его должно ожидать во всякомъ случаѣ.

Если оставить въ сторонѣ эту, такъ сказать, политическую, сторону вопроса, то послѣдствія свободы организацій проявятся, сверхъ того, въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ положительныхъ результатовъ. Получивъ возможность соединяться въ свободныя группы, студенты прежде всего должны будутъ заняться изысканіемъ путей и средствъ къ удовлетворенію дѣйствительно настоятельныхъ потребностей студенческой жизни. На первомъ планѣ станетъ, конечно, на очередь моментъ экономическій — организація взаимопомощи въ самыхъ ея разнообразныхъ областяхъ и проявленіяхъ: устройство кассъ взаимопомощи, столовыхъ, библіотекъ и т. п. Значительныхъ полезныхъ результатовъ возможно ожидать и въ области научно-учебной работы: неизбѣжно образованіе группъ чисто научнаго характера, работающихъ подъ руководствомъ профессоровъ въ отдѣльныхъ отрас-

ляхъ научныхъ дисциплинъ. Немаловажнымъ результатомъ окажется и свойственная всякому участию въ регулярной организаціи выработка характера, зрѣлости, серьезности мышленія и нравственнаго міровоззрѣнія отдѣльных членовъ. Въ этомъ отношеніи участіе въ организаціи будетъ имѣть для отдѣльныхъ студентовъ именно то благотворное воспитательное значеніе, которымъ не въ состояніи специально задаваться університетъ въ качествѣ учено-учебнаго учрежденія.

Для достиженія всѣхъ этихъ результатовъ, однако, необходимо время. Съ этой стороны различныя колебанія правительственной власти въ отношеніи ея къ свободѣ организацій могутъ оказаться еще вреднѣе, нежели полное и абсолютное ихъ запрещеніе. Должно быть предоставлено достаточное время для выработки наиболѣе соотвѣтственныхъ характеру русскаго народа типовъ; должно быть предоставлено достаточное время для выработки твердыхъ традицій и твердой дисциплины. Невозможно ожидать появленія всего этого сразу, по мановенію руки. Невозможно также ожидать, чтобы дозволеніе организацій оказалось радикальнымъ средствомъ къ прекращенію на будущее время студенческихъ волненій, такъ какъ дѣятельность тайныхъ союзовъ, какъ уже выше было указано, никоимъ образомъ не прекратится тотчасъ же по дозволеніи образованія явныхъ. Свобода организацій принесетъ огромную пользу въ дѣлѣ успокоенія и урегулированія нормальнаго теченія университетской жизни лишь при томъ условіи, что имъ, подъ бдительнымъ, но доброжелательнымъ наблюденіемъ университетской власти, дана будетъ возможность пережить неизбежный первый періодъ внутренняго броженія, который, быть можетъ, потребуетъ значительнаго времени, такъ какъ въ жизни какихъ бы то ни было, хотя бы и самонаибольшихъ, общественныхъ группъ ничего не достигается мгновенно и ничего не совершается рѣзкими скачками.

Установленіемъ общаго принципа свободнаго развитія организацій самъ собою разрѣшается и другой частный пунктъ вопроса 15-го, заключающійся въ словахъ: „не признаются ли

полезными курсовые старосты, какъ посредники между студентами, профессорами и университетской администраціей?« Наличный опытъ показалъ и здѣсь, что для извѣстныхъ факультетовъ и курсовъ (главнымъ образомъ тамъ, гдѣ существуютъ обязательныя лабораторныя и клиническія практическія занятія) потребность въ курсовыхъ старостахъ настолько велика, что на данныхъ факультетахъ и курсахъ они не только существовали, несмотря на общія категорическія запрещенія, но и пользовались неофициальнымъ признаніемъ со стороны университетской власти. Отсюда получалось то крайне непостѣдовательное отношеніе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ фактъ существованія курсовыхъ старостъ вызывалъ разслѣдованія и мѣры противодѣйствія, тогда какъ рядомъ съ этимъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ курсовые старосты были чуть не официально признаны. Комиссія исходитъ, поэтому, изъ того общаго положенія, что курсовые старосты, какъ посредники между студентами и профессорами, а также между студентами и университетской администраціей, могутъ быть признаны полезными, но что вопросъ о томъ, должны ли быть избираемы на данномъ курсѣ староста или нѣтъ, долженъ, однако, быть предоставленъ свободному усмотрѣнію каждаго даннаго курса, и выборъ ихъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть принудительнымъ, что дастъ возможность выбирать курсового старосту только тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно окажется необходимымъ и полезнымъ. Дѣлать же избраніе старосты на каждомъ курсѣ обязательнымъ для студентовъ могло бы, по мнѣнію комиссія, въ отдѣльныхъ случаяхъ приносить не пользу, а вредъ. Это значило бы создавать искусственно какихъ то обязательныхъ посредниковъ между профессорами и университетской властью съ одной стороны и студентами съ другой, создавать даже и тамъ, гдѣ въ такомъ посредничествѣ никакой надобности не имѣется. Выборъ курсовыхъ старостъ долженъ, поэтому, быть признанъ дозволеннымъ, но не обязательнымъ для студентовъ.

Съ нѣсколько иной точки зрѣнія долженъ быть разсматриваемъ вопросъ о допущеніи собраній студентовъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ. Допуская самую широкую возможность

возникновенія студенческихъ организацій, комиссія, само собою разумѣется, признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ разрѣшить и общія собранія членовъ такихъ организацій для сужденія о своихъ дѣлахъ. Этимъ не предрѣшается еще, однако, вопросъ о такъ называемыхъ студенческихъ сходкахъ, въ которыхъ существующая, хотя и не признанная закономъ, практика позволяетъ различать два вида — сходки курсовыя и общестуденческія.

Что касается до первыхъ изъ нихъ, до сходокъ курсовыхъ, то при разсмотрѣніи вопроса о допущеніи ихъ необходимо принять во вниманіе два обстоятельства. Съ одной стороны то, что курсъ не представляетъ и не можетъ представлять изъ себя свободной организаціи, дѣйствующей на основаніи подробно нормированнаго устава; не можетъ потому, что принадлежность къ тому или другому курсу опредѣляется въ зависимости отъ причинъ, лежащихъ внѣ свободной воли каждаго отдѣльнаго студента. Съ другой же стороны нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что именно принадлежность къ одному курсу создаетъ для студентовъ рядъ общихъ интересовъ, нерѣдко вызывающихъ необходимость въ обмѣнѣ мнѣніями и въ примиреніи между собою частныхъ интересовъ отдѣльныхъ группъ. Въ виду этого — запрещеніе курсовыхъ сходокъ было бы нецѣлесообразнымъ; такія сходки должны были бы быть признаны дозволенными и могли бы разрѣшаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по ходатайству самихъ студентовъ даннаго курса деканомъ факультета по принадлежности, въ помѣщеніи, назначенномъ для этого ректоромъ. Въ ходатайствѣ должны были бы быть указаны и тѣ вопросы, которые предполагаются къ обсужденію въ собраніи, причемъ отказъ въ разрѣшеніи собранія могъ бы послѣдовать въ томъ случаѣ, если предполагаемые къ обсужденію вопросы не касаются студенческихъ дѣлъ или содержатъ въ себѣ что либо, нарушающее общіе законы. Сходка могла бы быть признана состоявшейся лишь при условіи участія въ ней болѣе, чѣмъ половины (напримѣръ, двухъ третей) наличнаго числа студентовъ даннаго курса. Рѣшенія сходки, которыя не могли бы имѣть для товарищей по курсу

другого авторитета, кромѣ нравственнаго, должны были бы быть сообщаемы декану, а этимъ послѣднимъ ректору, для дальнѣйшаго, если то потребуется, направленія дѣла.

Что же касается общестуденческихъ собраній или общихъ сходокъ, то таковыя могли бы считаться правильными лишь при соблюденіи извѣстныхъ формальныхъ условій, главнымъ же образомъ при условіи, чтобы на такихъ собраніяхъ присутствовало свыше половины или даже двѣ трети наличныхъ студентовъ даннаго университета, такъ какъ только постановленія и рѣшенія такихъ собраній могли бы почитаться за мнѣнія большинства студенчества. Между тѣмъ соблюденіе этого требованія сопряжено съ чрезвычайными трудностями на дѣлѣ. При многолюдности нашихъ университетовъ, особенно столичныхъ, собрать въ одно помѣщеніе двѣ трети всѣхъ студентовъ прежде всего фактически невозможно, за неимѣніемъ подходящихъ залъ для такихъ многочисленныхъ собраній. Во вторыхъ, еслибы такія помѣщенія и оказались, было бы очень затруднительно въ каждомъ данномъ случаѣ установить необходимую для законности собранія наличность присутствующихъ, что, во всякомъ случаѣ, потребовало бы не мало времени, а въ случаѣ отсутствія надлежащаго числа участниковъ, вслѣдствіе недочета какагонибудь десятка, было бы чрезвычайно неудобно и даже иногда затруднительно распустить такое многолюдное собраніе, не допуская его до обсужденія намѣченныхъ вопросовъ. Въ третьихъ, наконецъ, скольконибудь правильное обсужденіе вопросовъ на столь многолюдныхъ собраніяхъ молодежи не можетъ имѣть мѣста, за отсутствіемъ у нея, особенно въ минуты увлеченій, необходимаго самообладанія и дисциплины.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ общестуденческія поголовныя собранія должны быть признаны явленіемъ совершенно нежелательнымъ и не должны стоять въ ряду студенческихъ учреждений. Но едва ли возможно упускать изъ вида, что пока сами студенты не убѣдятся въ непрактичности общестуденческихъ сходокъ и въ невозможности постановлять на нихъ скольконибудь обдуманнныя и цѣлесообразныя рѣшенія — такія сходки въ отдѣльныхъ случаяхъ все же будутъ имѣть мѣсто, хотя бы

онѣ и были недозволены. Поэтому комиссія полагаетъ, что не могло бы быть признано педагогичнымъ и справедливымъ категорически запрещать общестуденческія сходки и одно участіе въ такой сходкѣ считать за проступокъ, подлежащій наказанію, какъ это практикуется по дѣйствующимъ правиламъ.

Для обсужденія же общестуденческихъ дѣлъ всего правильнѣе было бы установить собранія представителей отъ разныхъ студенческихъ группъ. Но намѣтить въ настоящее время организацію такихъ собраній, за отсутствіемъ указаній опыта, было бы едва ли не преждевременнымъ. Когда же изъ практики обнаружится число и характеръ студенческихъ организацій и учебныхъ группъ, то совѣту университета не представится никакихъ затрудненій выработать правила о собраніяхъ представителей всѣхъ студентовъ даннаго университета.

Вопросъ шестнадцатый.

(Докладъ № 6).

„Не слѣдуетъ-ли возстановить университетскій судъ по дѣламъ о проступкахъ студентовъ?“

Для наибольшаго обезпеченія законности, основательности, энергичности, быстроты и твердости университетскаго правосудія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ наилучшее обезпеченіе уваженія и довѣрія къ университетскому правосудію, какъ въ университетской молодежи, такъ и въ обществѣ, сильно заинтересованномъ ея судьбой, необходимо, чтобы nepозволительныя поступки студентовъ и постороннихъ слушателей университета, могущіе повлечь для виновныхъ тяжкія взысканія, въ видѣ увольненія изъ университета, а тѣмъ болѣе исключенія изъ университета съ лишеніемъ права поступленія въ какія бы то ни было учебныя заведенія, были предоставлены въ вѣдѣніе не правленія университета, но университетскаго суда, устроеннаго, въ свою очередь, съ соблюденіемъ надлежащихъ гарантій правосудія въ самомъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ этого учрежденія.

По общему университетскому уставу 1863 года и по уставу Дерптскаго Университета 1865 года, правленіе университета обладало административной функціей, но не имѣло никакой судебной функціи относительно студентовъ и постороннихъ слушателей университета. Эти лица, въ случаѣ болѣе важныхъ неопозволительныхъ поступковъ, подлежали университетскому суду.

По общему университетскому уставу 1884 года (Сводъ зак. Т. XI. Ч. I. изд. 1893 г. ст. 441 п. 7 и ст. 524 и 525.) и по спеціальному закону 7 іюля 1889 года для Дерптскаго Университета (Св. зак. Т. XI. Ч. I. изд. 1893 г. ст. 594 п. VII и примѣчаніе къ ст. 621.), правленію университета, сверхъ административной функціи, ввѣрена и судебная функція относительно студентовъ и постороннихъ слушателей. При этомъ узаконено (Св. зак. Т. XI. Ч. I. изд. 1893 г. ст. 525 и примѣч. къ ст. 621.), что постановленія правленія объ увольненіи или исключеніи виновныхъ изъ университета не имѣютъ рѣшающаго значенія, но обязательно представляются на утвержденіе попечителя учебнаго округа.

Для правильнаго исполненія административной функціи необходимо, чтобы административный органъ велъ или рѣшалъ подвѣдомственные ему дѣла на основаніи закона, согласно разуму и совѣсти, въ надлежащемъ подчиненіи законнымъ распоряженіямъ и указаніямъ своего начальства. Для правильнаго же исполненія судебной функціи необходимо, чтобы судящій органъ судилъ и рѣшалъ дѣла на основаніи закона, согласно разуму и совѣсти, самостоятельно, безъ всякаго подчиненія распоряженіямъ и указаніямъ начальства. Несовмѣстимость — очевидная.

Для правильнаго исполненія всякой функціи необходимо, чтобы органъ, созданный для ея выполненія, дѣйствительно обладалъ цѣлесообразнымъ устройствомъ. Поэтому, при цѣлесообразномъ устроеніи административнаго органа, необходимо ввести въ самое устройство этого органа такія условія, которыя дѣйствительно обезпечивали бы этому органу способность надлежащаго подчиненія въ своей дѣятельности законнымъ распо-

ряженіямъ и указаніямъ начальства. При цѣлесообразномъ же устроеніи судищаго органа, напротивъ, необходимо ввести въ устройство этого органа такія условія, которыя дѣйствительно обезпечивали бы этому органу способность къ самостоятельному рѣшенію дѣлъ, безъ всякаго подчиненія въ этомъ отношеніи какимъ бы то ни было указаніямъ и внушеніямъ начальства. Несовмѣстимость — очевидная.

По отношенію къ правленію университета административная функція является главною, а судебная только добавочною. Въ виду этого, правленіе устроено по типу административныхъ органовъ, а не суда и приспособлено къ исполненію административной функціи, а не судебной, и пока административная функція останется для правленія главною, до тѣхъ поръ и правленіе, въ силу принципа цѣлесообразности, неминуюемо будетъ устраиваемо по типу административныхъ органовъ, а не суда, и неизбежно будетъ приспособляемо къ исполненію административной функціи, а не судебной, безразлично къ тому, будутъ ли предсѣдатель и члены правленія избираться совѣтомъ университета, или назначаться правительствомъ, или одни изъ нихъ будутъ назначены, а другіе выбраны. Если же устроить правленіе по типу суда и приспособить надлежащимъ образомъ къ исполненію судебной функціи, то въ такомъ случаѣ правленіе будетъ не приспособлено къ своей главной функціи, административной.

При такихъ условіяхъ, смѣшеніе двухъ различныхъ функцій: административной и судебной въ рукахъ одного и того же органа, правленія, устроеннаго по типу административныхъ органовъ и приспособленнаго къ административной, а не судебной функціи, ставитъ правленіе въ трудное положеніе, при исполненіи судебной функціи относительно студентовъ и постороннихъ слушателей, и неизбежно вызываетъ недовѣріе къ правосудію правленія въ университетской молодежи и обществѣ. Это недовѣріе особенно сильно развивается во время студенческихъ беспорядковъ, т. е. какъ разъ во то самое время, когда для водворенія порядка, образумленія и успокоенія волнующейся молодежи особенно необходимъ твердый, спокойный, безпри-

страстный судъ, строго подчиненный закону, логикѣ и совѣсти, но прочно обезпеченный отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній и въ особенности отъ давленій и внушеній со стороны начальства. Въ университетской же молодежи и даже въ обществѣ сильно укоренился и распространился взглядъ, будто правленіе университета, состоя изъ ректора, декановъ и инспектора, назначенныхъ правительствомъ, судить виновныхъ въ безпорядкахъ не по совѣсти и обстоятельствамъ дѣла, а по указаніямъ начальства, принимая во вниманіе даже неофициально выраженные и даже предполагаемыя желанія попечителя учебнаго округа, а тѣмъ болѣе министра народнаго просвѣщенія. Какъ бы ни былъ неправиленъ этотъ взглядъ, тѣмъ не менѣе съ нимъ нельзя не считаться, когда дѣло идетъ о преобразованіи университетскаго устава.

При такомъ положеніи вещей становится ясно, что для дѣйствительнаго, кореннаго усовершенствованія университетскаго правосудія по непозволительнымъ поступкамъ студентовъ и постороннихъ слушателей, могущимъ повлечь для виновныхъ увольненіе или исключеніе изъ университета, необходимо освободить правленіе университета отъ этой судебной функции и учредить для нем отдѣльный университетскій судъ такого рода, который заключать бы въ своемъ устройствѣ и судопроизводствѣ прочныя гарантіи дѣйствительнаго правосудія и уже этимъ самымъ внушалъ бы къ себѣ уваженіе и довѣріе университетской молодежи и общества.

Такъ, университетскій судъ долженъ состоять изъ девяти судей, избираемыхъ совѣтомъ университета изъ числа профессоровъ на три года.

Избранный въ судьи представляется на утвержденіе Высочайшей Власти и, по полученіи Высочайшаго утвержденія, вступаетъ въ должность судьи.

Въ теченіе трехлѣтняго срока своей судейской службы университетскій судья не можетъ быть уволенъ отъ судейской или профессорской должности или переведенъ въ какое бы то ни было иное ученое или учебное заведеніе иначе, какъ по собственному прошенію или по приговору суда.

Въ числѣ девяти профессоровъ, состоящихъ университетскими судьями, должно быть не менѣ трехъ членовъ юридическаго факультета.

Одинъ изъ университетскихъ судей, юристовъ, по выбору совѣта университета или по выбору самихъ судей, долженъ быть председателемъ университетскаго суда.

Университетскій судъ, при отправленіи правосудія по всѣмъ своимъ дѣламъ, за исключеніемъ пересмотра своихъ собственныхъ рѣшеній, долженъ засѣдать въ трехчленномъ составѣ, при пересмотрѣ же своихъ собственныхъ рѣшеній — въ пятичленномъ. Эти пять лицъ должны быть назначаемы на засѣданіе по дѣлу общимъ собраніемъ всѣхъ судей университетскаго суда.

Предоставленіе судебной функціи по дѣламъ студентовъ и постороннихъ слушателей совѣту университета совершенно не соотвѣтствуетъ ни устройству, ни дѣлопроизводству совѣта и легко можетъ привести къ постановкѣ ошибочныхъ рѣшеній. Промахи же совѣта университета въ судебныхъ дѣлахъ будутъ гораздо вреднѣе для авторитета университета въ глазахъ университетской молодежи и общества, чѣмъ промахи университетскаго суда, тѣмъ болѣе что этотъ судъ, при надлежащемъ устройствѣ и судопроизводствѣ, будетъ дѣлать ихъ гораздо меньше и рѣже.

Рѣшенія университетскаго суда не должны подлежать ни утвержденію, ни измѣненію со стороны попечителя учебнаго округа или министра народнаго просвѣщенія.

Рѣшеніе университетскаго суда должно вступать въ законную силу и подлежать приведенію въ исполненіе по истеченіи трехъ сутокъ со дня объявленія въ засѣданіи этого суда, если въ теченіе этого трехсуточного срока осужденный не подастъ просьбы о пересмотрѣ дѣла, съ указаніемъ уважительныхъ причинъ, или ректоръ, проректоръ или университетскій судья не сдѣлалъ письменнаго мотивированнаго предложенія университетскому суду о пересмотрѣ дѣла по отношенію къ судившемуся лицу.

Рѣшеніе университетскаго суда, вступившее въ законную силу, можетъ быть отмѣнено только университетскимъ судомъ того же университета и при томъ только въ томъ случаѣ, когда ректоръ, проректоръ или университетскій судья сдѣлаетъ мотивированное письменное предложеніе университетскому суду объ отмѣнѣ рѣшенія, уже вступившаго въ законную силу, и пересмотрѣ дѣла по отношенію къ осужденному лицу, а университетскій судъ признаетъ, что къ отмѣнѣ этого рѣшенія дѣйствительно есть основаніе и, въ виду этого, сдѣлаетъ постановленіе объ отмѣнѣ этого рѣшенія и новомъ пересмотрѣ дѣла.

Рѣшеніе, постановленное университетскимъ судомъ, при пересмотрѣ дѣла, не подлежитъ никакому пересмотру или измѣненію ни со стороны университетскаго суда, ни со стороны попечителя учебнаго округа, ни со стороны министра народнаго просвѣщенія, вступаетъ въ законную силу немедленно по объявленія въ засѣданіи университетскаго суда и немедленно приводится въ исполненіе.

Лица, присужденныя университетскимъ судомъ къ временному увольненію изъ университета, не могутъ быть приняты обратно въ этотъ университетъ до истеченія присужденнаго срока ни въ какомъ случаѣ, за исключеніемъ Высочайшаго помилованія. Лица же, присужденныя университетскимъ судомъ къ безсрочному увольненію изъ этого университета или къ исключенію изъ университета съ лишеніемъ права поступленія въ какія бы то ни было учебныя заведенія, не могутъ быть приняты обратно въ этотъ университетъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти лица будутъ помилованы Высочайшею Властью или, по истеченіи трехъ лѣтъ со времени вступленія осуждающаго рѣшенія въ законную силу, будутъ признаны, по мотивированному опредѣленію университетскаго суда того же университета, исправившимися и достойными обратнаго принятія въ этотъ университетъ.

Что касается маловажныхъ проступковъ, влекущихъ взыскація не строже заключенія въ карцеръ, то эти проступки студентовъ и постороннихъ слушателей одинаково могутъ быть

предоставлены въ вѣдѣніе, какъ университетскаго суда, такъ и ректора или проректора.

Сверхъ того, университетскій судъ можетъ быть апелляціонной или кассационной инстанціей по жалобамъ, приносимымъ сторонами на рѣшенія студенческихъ судовъ.

Необходимыя дополнителныя правила объ университетскомъ судѣ и судопроизводствѣ, о родѣ и составѣ непозволительныхъ поступковъ, подлежащихъ вѣдѣнію университетскаго суда, ректора или проректора, и о взысканіяхъ налагаемыхъ университетскимъ судомъ, ректоромъ, или проректоромъ за эти поступки на студентовъ и постороннихъ слушателей, составляются совѣтомъ каждаго университета, по принадлежности, и утверждаются министромъ народнаго просвѣщенія.

Вопросъ семнадцатый.

(Докладъ № 7).

При рѣшеніи вопроса о введеніи особаго студенческаго (товарищескаго) суда спеціально для разбора поступковъ студентовъ, противныхъ правиламъ чести, а также объ организаціи этого суда, контролѣ надъ нимъ и его отношеніи къ университетскому начальству, комиссія исходила изъ слѣдующихъ соображеній.

Ко всякаго рода проступкамъ противъ чести именно учащая молодежь относится съ особой, не рѣдко даже и преувеличенной чуткостью. Прямолинейность убѣжденій, горячность молодости, непониманіе какихъ бы то ни было компромиссовъ — всѣ эти свойства составляютъ отличительную черту именно того періода жизни, когда міровоззрѣніе только еще начинаетъ складываться, и когда отдѣльные принципы, лежащіе въ его основаніи, не могли еще быть провѣрены жизненнымъ опытомъ. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что вопросъ о необходимости подвергнуть поступокъ того или другого лица обсужденію суда чести поднимается у студентовъ сравнительно не рѣдко и ставится, при этомъ, большею частью чрезвычайно остро.

Съ другой стороны нельзя не принять во вниманіе, что поступки, вызывающіе обращеніе къ суду чести, не могутъ быть названы среди студентовъ явленіемъ постояннымъ; опытъ показываетъ, что о судѣ чести вопросъ ставится лишь по поводу отдѣльныхъ явленій студенческой жизни, и что иногда проходить рядъ лѣтъ безъ того, чтобы поднялась рѣчь о его необходимости.

Совокупность этихъ двухъ фактовъ приводитъ комиссію къ тому заключенію, что введеніе студенческаго (товарищескаго) суда чести должно быть признано желательнымъ, но никакъ, по крайней мѣрѣ въ данное время и при данныхъ условіяхъ, не въ видѣ постоянного учрежденія, за отсутствіемъ среди русскихъ студентовъ какого бы то ни было опыта въ строѣ подобнаго рода постоянныхъ судебныхъ организацій (объ организаціи судовъ студенческихъ корпорацій Юрьевского университета см. докладъ по вопросу 19-му).

Что касается до организаціи этого суда, то комиссія, на основаніи тѣхъ же соображеній, а также и повсемѣстнаго опыта, давно уже выработавшаго форму для рѣшенія спорныхъ вопросовъ именно нравственнаго характера, остановилась на организаціи товарищескаго суда чести въ формѣ суда третейскаго, избираемаго самими заинтересованными лицами изъ среды своихъ товарищей; число судей, для обезпеченія безпристрастности въ разборѣ дѣла и авторитетности постановленнаго рѣшенія, допущено сравнительно большое.

Контроль надъ дѣятельностью такихъ третейскихъ судовъ чести можетъ естественно лежать въ рукахъ университетскаго суда, обращеніе къ которому возможно для каждой изъ заинтересованныхъ сторонъ и въ томъ случаѣ, когда другая сторона уклоняется отъ избранія третейскихъ судей съ цѣлью затянуть разбирательство поступка или вообще не допустить рѣшенія по данному случаю.

На основаніи изложеннаго, постановленія о студенческомъ (товарищескомъ) судѣ чести могли бы быть формулированы въ слѣдующемъ видѣ:

1) Студенческий судъ образуется не въ видѣ постоянного учрежденія, а на каждый случай отдѣльно, по требованію одной изъ сторонъ, желающей передать данный вопросъ на рѣшеніе товарищескаго суда чести.

2) Вѣдѣнію товарищескаго суда чести подлежатъ только дѣла между самими студентами, а также и другими слушателями университета.

3) Судъ чести образуется указаніемъ равнаго числа лицъ, однако не болѣе трехъ, съ каждой изъ двухъ заинтересованныхъ сторонъ; указанные же сторонами судьи выбираютъ, по взаимному между собою соглашенію, сверхъ этого еще одно лицо, которое и исполняетъ обязанности предсѣдателя суда. И судьи, и избранный ими предсѣдатель должны быть изъ числа слушателей университета.

4) Протоколы засѣданія суда должны быть составляемы въ письменной формѣ; въ письменной же формѣ, съ надлежащей мотивировкой, должно быть изложено и рѣшеніе суда.

5) Апелляціонной и кассационной инстанціей по приговорамъ студенческихъ судовъ чести можетъ являться университетскій судъ.

Вопросъ восемнадцатый.

(Докладъ № 15)

На вопросъ о томъ, „какія измѣненія желательно внести въ постановку инспекціи“, комиссія считаетъ долгомъ отвѣтить, что инспекція въ томъ видѣ, какъ она установлена по уставу 1884 г., должна быть совершенно упразднена. Принимая во вниманіе: 1) что инспекція оказалась въ мирное время излишней, а во время студенческихъ волненій совершенно безсильной; 2) что она не пользуется въ средѣ студентовъ ни уваженіемъ, ни вліяніемъ, а напротивъ того служитъ причиной недовольства и источникомъ многихъ недоразумѣній; 3) что дѣйствія инспекціи, не подчиненной непосредственно ректору и совѣту, могутъ

расходиться и дѣйствительно часто расходится съ общимъ направлениемъ и духомъ университетскаго строя; 4) что на содержаніе инспекціи затрачиваются значительныя суммы, которыя могли-бы быть употреблены на удовлетвореніе другихъ насущныхъ нуждъ университета — комиссія полагаетъ, что введенная уставомъ 1884 г. инспекція должна быть замѣнена проректоромъ изъ профессоровъ, избираемымъ совѣтомъ университета на два года, и штатомъ нисшихъ исполнительныхъ органовъ (педелей).

Основаніями для такого рѣшенія вопроса служатъ слѣдующія соображенія.

1. Во всякомъ университетѣ, а тѣмъ болѣе въ университетѣ, построенномъ на началахъ самоуправленія, органъ надзора за студентами долженъ быть поставленъ въ подчиненное ректору и совѣту положеніе; онъ долженъ исполнять лишь указанія этихъ двухъ органовъ университетской администраціи и дѣйствовать въ томъ духѣ, какой ими будетъ указанъ. Въ противномъ случаѣ получается двойственность университетской администраціи, и университетскія collegіи не могутъ имѣть ручательства въ томъ, что органъ надзора за студентами не будетъ находится своимъ образомъ дѣйствій въ полномъ несогласіи съ желательнымъ направленіемъ университетской жизни. Между тѣмъ по уставу 1884 г. инспекторъ и его помощники не только совершенно независимы отъ профессорскихъ collegій, но и по отношенію къ ректору являются органомъ довольно независимымъ, такъ какъ по статьямъ 446 и 447 Свода Законовъ Россійской Имперіи, т. XI, ч. 1, изд. 1893 г., „Инспекторъ студентовъ опредѣляется въ должность министромъ народнаго просвѣщенія, по представленію попечителя учебнаго округа“ и „Состоя подъ начальствомъ попечителя, инспекторъ студентовъ подчиняется въ дѣйствіяхъ своихъ ректору и исполняетъ его законныя требованія“, а по статьѣ 452 того же тома „Инспекторъ студентовъ и его помощники въ дѣйствіяхъ своихъ руководствуются инструкцію, данною министромъ народнаго просвѣщенія“. Инспекторъ сносится съ попечителемъ непосредственно, а не черезъ ректора, какъ всѣ лица и учрежденія, состоящія при университетѣ. Такое положеніе инспекціи, которая является въ университетѣ какой

то самостоятельной инстанціей, въ значительной мѣрѣ даже независимой отъ ректора, которому уставомъ 1884 г. даны по университетской администраціи очень значительныя полномочія, породила въ чинахъ инспекціи устава 1884 г. убѣжденіе, что они поставлены для наблюденія не только за студентами, но и за профессорами; такое наблюденіе нѣкоторые изъ нихъ и старались осуществлять съ большимъ или меньшимъ рвеніемъ. И надо сказать, что такое убѣжденіе инспекціи находило себѣ оправданіе въ разныхъ инструкціяхъ и конфиденціальныхъ порученіяхъ, которыя какъ-бы подтверждали тотъ взглядъ, что инспекторъ является министерскимъ органомъ, наблюдающимъ за всѣмъ ходомъ университетской жизни, помимо ректора и декановъ.

2. По уставу 1884 г. чинамъ инспекціи предоставлены были значительныя служебныя права и преимущества, превосходящія права и преимущества ученой службы. Вслѣдствіе этого на службу по должности инспектора стали охотно поступать директора гимназій и реальныхъ училищъ, которые стремились къ сокращенію срока службы до выслуги пенсіи и къ повышенію пенсіи. Эти лица естественно склонны были вносить въ дѣятельность университетской инспекціи то же направленіе и отчасти тѣ же приемы, которые примѣняются инспекціей среднихъ учебныхъ заведеній. Если эти приемы оказывались нерѣдко недостаточными и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, то тѣмъ менѣе примѣнимыми должны были они оказаться по отношенію къ университетской молодежи, которая считаетъ себя, и не безъ основанія, достаточно зрѣлой, чтобы не нуждаться въ постоянномъ мелочномъ надзорѣ, и которая имѣетъ обыкновенно предвзятое и трудно устранимое недовѣріе ко всякой инспекціи, напоминающей гимназическую. Въ лучшихъ случаяхъ приемы инспекціи оказывались только непримѣнимыми къ взрослой университетской молодежи. Къ сожалѣнію, не всѣ инспектора, а тѣмъ болѣе ихъ помощники, далеко не всегда обладавшіе достаточнымъ образовательнымъ цензомъ и нравственнымъ авторитетомъ, чтобы оказывать воспитательное вліяніе на университетскую молодежь, страдали только неумѣlostью приемовъ.

Нерѣдко чины инспекціи вносили въ свою дѣятельность тотъ характеръ сыска и полицейской опеки, то вмѣшательство въ разныя мелочи, тѣтъ духъ тайнаго надзора и чтенія мыслей, наконецъ, ту назойливость, нетактичность и произволъ, благодаря которымъ на институтъ инспекціи надолго, если не навсегда, наложенъ отпечатокъ органа надзора за студентами, не только недостойнаго университета и несогласнаго съ назначеніемъ и духомъ университетовъ, но даже органа, къ которому студенты относятся съ неуваженіемъ и недовѣріемъ, иногда переходящими въ презрѣніе и ненависть. Благодаря этому, студенты обыкновенно переносятъ свое недовѣріе и на такихъ представителей инспекціи, которые проникнуты доброжелательствомъ къ нимъ. Поэтому, несмотря на то, что между чинами инспекціи находились люди вполне достойные, относившіеся съ любовью и доброжелательно къ студентамъ, эти послѣдніе питали къ нимъ всетаки недовѣріе и склонны были видѣть даже шпионовъ въ тѣхъ именно чинахъ инспекціи, которые стремились къ болѣе тѣсному сближенію со студентами.

3. При нормальномъ теченіи университетской жизни у органа, наблюдающаго за студентами, дѣла очень мало, и притомъ дѣло, на немъ лежащее, крайне немногосложно. Для завѣдыванія отпускными билетами и т. п. мелкими студенческими дѣлами, для наблюденія за внѣшнимъ благочиніемъ въ стѣнахъ университета требуется очень мало лицъ и достаточно очень незначительныхъ полномочій. Во время же безпорядковъ инспекція оказывается безсильной по самому существу дѣла, вслѣдствіе отсутствія авторитета и довѣрія, а не вслѣдствіе ея малочисленности. Въ прошлое министерство число помощниковъ инспектора было значительно увеличено съ тою цѣлью, чтобы всѣ студенты были лично извѣстны инспекціи, и въ предположеніи, что путемъ усиленія существовавшаго раньше надзора можно будетъ предупредить безпорядки или что, благодаря болѣе значительной численности чиновъ инспекціи, возможно будетъ успѣшно бороться съ безпорядками и прекращать ихъ. Однако опытъ показалъ, что единственнымъ результатомъ такого усиленія состава инспекціи явилась лишь возможность записи вѣскольکو боль-

шаго, чѣмъ прежде, числа фамилій замѣченныхъ въ участіи въ сходахъ и въ обструкціи студентовъ, чего можно было достигнуть такъ же легко увеличеніемъ числа низшихъ служителей инспекціи, особенно если принять во вниманіе, что эти записи далеко не всегда отличаются точностью и объективностью. Опытъ 1899 и 1901 гг. показываетъ, что никакія измѣненія въ составѣ и численности инспекціи не привели и не могутъ привести къ ожидавшимся благотворнымъ послѣдствіямъ. Поэтому при реорганизации университетовъ, вмѣсто увеличенія штатовъ инспекціи, слѣдуетъ совершенно упразднить ее и довести личный составъ органа надзора за студентами до того минимума, который оправдывается незначительностью возложенной на него задачи.

4. Одной изъ важныхъ, хотя по существу дѣла не только бесполезной, но и вредной, и притомъ, какъ показалъ опытъ, и неосуществимой функціей инспекціи является надзоръ за тѣмъ, чтобы студенты не организовались ни въ какія группы, и пресѣченіе всякихъ зачатковъ студенческихъ организацій. Эта сторона дѣятельности инспекціи бросаетъ на нее особенно замѣтную тѣнь и служитъ источникомъ недовѣрія и самыхъ печальныхъ недоразумѣній, такъ какъ идетъ въ разрѣзъ съ назрѣвшей и сознанный потребностью студентовъ въ организаціи и вносить въ отношенія инспекціи къ студентамъ самые нежелательные приемы. Въ настоящее время, когда студенческія организаціи предположено разрѣшить на широкихъ началахъ, эта несимпатичная функція органа надзора за студентами отпадаетъ сама собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ и значительная часть обязанностей, лежащихъ на теперешней инспекціи и какъ будто оправдывающихъ ея численность.

5. По положенію объ инспекціи 1884 г. ей вмѣняется въ обязанность слѣдить за посѣщеніемъ студентами лекцій, а по установившейся практикѣ ей присвоенъ и надзоръ за аккуратнымъ чтеніемъ лекцій профессорами. Такой надзоръ не достигаетъ цѣли и превращается въ формальность, которая открываетъ для низшихъ чиновъ инспекціи возможность злоупотребленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ надзоръ даетъ инспекціи возможность

вмѣшательства въ такую сферу, въ которой она совершенно некомпетентна; онъ вноситъ элементъ полицейскаго надзора въ дѣло университетскаго преподаванія, которое можетъ процвѣтать и привлекать молодежь лишь тамъ, гдѣ оно свободно не только отъ внѣшнихъ стѣсненій, но и отъ стѣсненій программныхъ и иныхъ. Лекціи должны привлекать студентовъ своей содержательностью, изяществомъ формы, полезностью, а не внѣшнимъ принужденіемъ, которое можетъ наполнить аудиторіи лишь лицами, занимающими мѣста, а не внимательными слушателями. Рѣшать вопросъ о томъ, какія лекціи студентъ можетъ или долженъ слушать, можетъ-ли онъ заниматься въ лабораторіяхъ въ ущербъ посѣщенію лекцій и т. п. — все это вопросы, которые или вовсе не подлежатъ никакой регламентаціи, или могутъ подлежать лишь вѣдѣнію преподавателей и декановъ, но отнюдь не инспекціи. Кромѣ того, надзоръ за посѣщеніемъ лекцій, какъ показываетъ опытъ, привелъ къ результату, прямо противоположному тому, который ожидался отъ этой мѣры: студенты, числящіеся по записямъ инспекціи находящимися на лекціяхъ, на самомъ дѣлѣ таковыхъ вовсе не посѣщаютъ, и аудиторіи зачастую пустуютъ. Поэтому всякое участіе не только современной инспекціи, но и любого иного органа надзора за студентами, который можетъ смѣнить инспекцію, въ надзорѣ за посѣщеніемъ лекцій и т. п. дѣлами, относящимися къ сферѣ учебныхъ вопросовъ, должно быть устранено, такъ какъ отъ такого вмѣшательства полицейскаго университетскаго органа въ дѣло преподаванія страдаютъ какъ авторитетъ профессоровъ, такъ и авторитетность и достоинство университетскаго преподаванія.

6. Конецъ статьи 448, ч. I, XI т. Свода Законовъ гласитъ: „Независимо отъ сего, инспекторъ наблюдаетъ, по мѣрѣ возможности, за поведеніемъ студентовъ также внѣ стѣнъ университетскихъ зданій, слѣдуя въ этомъ отношеніи ближайшимъ указаніямъ попечителя.“ Эта функція инспекціи 1884 г. является, б. м., одной изъ наиболѣе отрицательныхъ сторонъ ея дѣятельности. Внѣ стѣнъ университета студенты подлежатъ, наравнѣ съ прочими гражданами, вѣдѣнію общихъ полицейскихъ

установленій. Вмѣшательство въ эту сферу инспекціи не только бесполезно, но и вредно, такъ какъ заставляетъ инспекцію усваивать приемы полицейскаго сыска, возбуждать недовольство студентовъ вмѣшательствомъ, и притомъ иногда небезпристрастнымъ, въ ихъ интимную жизнь и служить источникомъ разъединенія, а не сближенія. Предположеніе, что инспекція можетъ играть роль охранителя университетской молодежи отъ вредныхъ вліяній извнѣ, ошибочно, какъ показываетъ опытъ и какъ можно было ожидать а priori. Чины инспекціи для этого не обладаютъ и не могутъ обладать ни достаточнымъ авторитетомъ, ни знаніями и не имѣютъ достаточно средствъ для выполненія сложныхъ обязанностей сыскной полиціи. Вообще никакими мѣрами внѣшняго контроля нельзя устранить вліянія на молодежь извнѣ, если она склонна, въ силу своего склада или благодаря условіямъ общественной жизни, подчиняться такому вліянію. Помочь можетъ здѣсь лишь воспитательный уровень средней школы, высокій научный уровень университетовъ и царій въ нихъ духъ законности и прежде всего весь складъ общественной жизни.

7. Проектированное комиссіей учрежденіе университетскаго суда и разрѣшеніе студенческихъ организацій съ одной стороны облегчить дѣятельность будущаго органа надзора за студентами, съ другой повысить тѣ требованія, которыя къ нему слѣдуетъ предъявлять. Здѣсь потребуется, особенно на первое время, большая осторожность и тактичность, согласіе съ общимъ духомъ университетской коллегіи, уваженіе и довѣріе со стороны студентовъ и солидарность съ профессорами. Всѣмъ этимъ требованіямъ абсолютно не можетъ удовлетворить инспекція въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время; да и трудно ожидать этого отъ инспектора вообще, какъ бы онъ ни былъ поставленъ. Но всѣмъ этимъ требованіямъ легко можетъ удовлетворить проректоръ изъ профессоровъ, имѣющій по своему званію профессора много точекъ соприкосновенія какъ съ профессорами, такъ и со студентами ему легче будетъ понять и тѣхъ и другихъ, заслужить ихъ довѣріе и внести въ дѣятельность университетскаго органа надзора за

студентами то направленіе, которое вытекаетъ изъ общаго строя жизни университета и которое совмѣстимо съ его достоинствомъ, какъ высшаго учено-учебнаго учрежденія.

8. При обсужденіи вопроса объ университетскомъ органѣ надзора за студентами нельзя оставить также безъ вниманія и значительныхъ денежныхъ расходовъ на содержаніе чиновъ инспекціи, въ особенности въ многолюдныхъ университетахъ. Даже въ Юрьевскомъ университетѣ стоимость содержанія чиновъ инспекціи, кромѣ канцеляріи и педелей, доходитъ прибл. до девяти тысячъ рублей, между тѣмъ какъ этотъ расходъ можно было бы сократить до 1200 рублей добавочнаго вознагражденія проректору, а остальной суммѣ дать болѣе производительное назначеніе. Несомнѣнно притомъ, что дальнѣйшее развитіе института инспекціи въ прежнемъ направленіи потребовало бы въ будущемъ непрерывнаго возрастанія этихъ расходовъ; между тѣмъ какъ вся предыдущая дѣятельность этого института не даетъ никакихъ основаній надѣяться на возможность достиженія инспекціей въ будущемъ тѣхъ цѣлей, для которыхъ она учреждена, а тѣмъ менѣе тѣхъ, которымъ она должна служить въ автономномъ университетѣ.

9. Чтобы не вносить диссонанса въ строй предполагаемаго автономнаго университета и не служить источникомъ нежелательныхъ столкновеній, органъ надзора за студентами не долженъ стоять внѣ университета, какъ въ настоящее время, а долженъ являться учрежденіемъ, подчиненнымъ совѣту и дѣйствующимъ по его указаніямъ. Его функціи должны быть сведены къ компетенціи административнаго и дисциплинарнаго органа, вѣдающаго мелкія текущія студенческія дѣла, надзирающаго за соблюденіемъ студентами установленныхъ совѣтомъ правилъ и вѣшняго порядка и благочинія въ стѣнахъ университета, налагающаго на студентовъ за мелкіе проступки взысканія не выше выговора или заключенія въ карцеръ, съ передачей дѣлъ о болѣе крупныхъ проступкахъ университетскому суду, наконецъ, служащаго для отдѣльныхъ студентовъ и для студенческихъ организацій посредствующимъ звеномъ въ ихъ сношеніяхъ съ совѣтомъ и правленіемъ. Въ тоже время

этотъ органъ долженъ быть поставленъ въ такое положеніе относительно университетскихъ коллегій, чтобы не оставалось мѣста никакимъ сомнѣніямъ насчетъ его назначенія и полномочій, чтобы онъ не имѣлъ повода считать, что его тайному или явному надзору подлежатъ и профессоры и что его наблюденіе распространяется и на дѣло преподаванія, за которымъ, по самому существу дѣла, могутъ наблюдать лишь факультеты черезъ своихъ декановъ.

Вообще говоря, можно признать, что обязанности такого органа съ одинаковымъ успѣхомъ могъ бы исполнять какъ проректоръ изъ профессоровъ, такъ и инспекторъ, избираемый совѣтомъ изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ, въ случаѣ удачнаго выбора и точнаго опредѣленія сферы компетенціи института инспекціи. Тѣмъ не менѣе коммиссія убѣждена, что на сторонѣ проректора то безспорное преимущество, что онъ, какъ профессоръ и членъ университетскихъ коллегій, имѣетъ больше шансовъ на авторитетъ и довѣріе у студентовъ и на довѣріе профессоровъ, и что ему легче будетъ, въ силу этого, внести въ отношенія къ студентамъ тѣ принципы, которые вытекаютъ изъ общаго духа университетской жизни. И дѣйствительно, дѣятельность проректора, находящаяся въ органической связи со всей остальной научно-педагогической дѣятельностью университета, пользовалась, какъ извѣстно, уваженіемъ и довѣріемъ со стороны студентовъ. А въ Юрьевскомъ университетѣ проректура имѣетъ за себя еще и историческія данныя, такъ какъ должность проректора существовала въ немъ всегда (до 1895 г.) и пользовалась довѣріемъ и уваженіемъ со стороны студентовъ.

На основаніи всего вышензложеннаго коммиссія полагаетъ, что институтъ инспекціи въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ настоящее время, долженъ быть упраздненъ, и что органъ университетскаго надзора за студентами долженъ быть представленъ проректоромъ, избираемымъ совѣтомъ изъ профессоровъ на два года и получающимъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ 1200 р. въ годъ. Проректору долженъ быть под-

чиненъ персоналъ, состоящій изъ секретаря и служащихъ при канцеляріи проректора, а также изъ нѣсколькихъ педелей и б. м. оберъ-педела.

Вопросъ девятнадцатый.

(Докладъ № 17).

„Какія особенности устройства Юрьевского университета должны быть сохранены или введены вновь въ виду мѣстныхъ условій?“

Принимая во вниманіе, что этотъ общій вопросъ содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ частныхъ вопросовъ, комиссія признала необходимымъ поставить ихъ въ отдѣльности и по каждому изъ нихъ представить проектъ мотивированнаго отвѣта или, по крайней мѣрѣ, мотивированное предложеніе о необходимости особаго обсужденія.

І. О богословскомъ факультетѣ.

Съ самаго начала своего существованія бывшій Дерптскій, нынѣ Юрьевскій университетъ имѣлъ свой особый уставъ. По первому параграфу этого устава (см. ст. 560, I ч. XI тома Св. Зак. ¹⁾), бывшій Дерптскій, нынѣ Юрьевскій университетъ состоитъ изъ пяти факультетовъ, какъ составныхъ частей одного цѣлаго. Факультеты сіи суть: богословскій, юридическій, медицинскій, историко-филологическій и физико-математическій, при чемъ число кафедръ, полагающихся на каждомъ факультетѣ, обозначено въ ст. 570, I ч. XI тома Св. Зак. ²⁾. Въ прочихъ же университетахъ Россійской Имперіи нормальное число факультетовъ четыре, а именно: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій (ст. 403, I ч. XI тома Св. Зак. ³⁾).

Комиссія считаетъ не только желательнымъ, но и необходимымъ, чтобы сія особенность въ общихъ положеніяхъ

1) Сводъ уст. уч. учр. и уч. зав. вѣд. М. Н. П. Изд. 1893 г.

2) Сводъ уст. уч. учр. и уч. зав. вѣд. М. Н. П. Изд. 1893 г.

3) Св. уст. уч. учр. и уч. зав. вѣд. М. Н. П. Изд. 1893 г.

Юрьевского университета была сохранена, т. е. чтобы и впредь богословскій факультетъ явился неотъемлемою составною частью университетскаго цѣлаго. Комиссія при этомъ руководится слѣдующими соображеніями.

1) Существованіе богословскаго факультета является непремѣннымъ условіемъ для подготовки будущихъ священниковъ евангелическо-лютеранской церкви, такъ какъ, по ст. 387 и 403, I ч. XI тома Св. Зак.¹⁾, желающій получить мѣсто лютеранскаго проповѣдника „долженъ совершить въ одномъ изъ российскихъ университетовъ“ полный курсъ богословскихъ наукъ, а затѣмъ „быть испытанъ сначала богословскимъ факультетомъ“, а засимъ уже одною изъ евангелическо-лютеранскихъ консисторій.

2) Въ виду того, что съ самаго начала существованія Юрьевского университета богословскій факультетъ былъ составною частью сего университета, является самымъ естественнымъ и сохранить его при этомъ университетѣ. Не слѣдуетъ *пускать* изъ виду, что, по Державнымъ словамъ Августѣйшаго Учредителя нашего университета, онъ основанъ для всей Российской Имперіи, преимущественно же для губерній лифляндской, эстляндской и курляндской. А такъ какъ большая часть приходовъ евангелическо-лютеранскаго вѣроисповѣданія находится въ сихъ трехъ губерніяхъ, то является самымъ естественнымъ сохранить богословскій факультетъ именно при томъ университетѣ, который, въ силу учредительной грамоты, назначенъ для губерній прибалтійскаго края.

3) Почти вѣковой опытъ доказываетъ, что и для богословскаго факультета и для самого университета связь сія оказалась самою плодотворною. Съ одной стороны, для богословскаго факультета, по характеру своему соприкасающагося съ цѣлымъ рядомъ наукъ историческихъ, филологическихъ и юридическихъ, является весьма важнымъ стоять въ общеніи съ другими факультетами. Съ другой стороны, цѣльность университета въ краѣ съ преимущественно лютеранскимъ населеніемъ требуетъ существованія богословскаго факультета, какъ

1) Уставы дух. дѣлъ иностр. исповѣданій. Изд. 1896 г..

въ интересѣ полноты учебно-ученаго состава университетскихъ наукъ, такъ и въ интересѣ полноты той задачи, которая возложена на университетъ, въ смыслѣ подготовки будущихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ общественной жизни.

Поэтому комиссія полагаетъ, что богословскій факультетъ долженъ быть сохраненъ именно въ томъ составѣ и на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ онъ существуетъ нынѣ.

Вмѣстѣ съ сохраненіемъ богословскаго факультета комиссія считаетъ необходимымъ и сохраненіе евангелическо-лютеранской университетской церкви, существованіе которой предусмотрено ст. 565, I ч. XI тома Св. Зак. ¹⁾, и настоятелемъ которой всегда состоялъ одинъ изъ профессоровъ богословія съ добавочнымъ жалованьемъ въ размѣрѣ 500 руб. Сохраненіе евангелическо-лютеранской университетской церкви является тѣмъ болѣе желательною потребностью для богословскаго факультета, что пѣлый рядъ обязательныхъ практическихъ занятій приуроченъ къ каедрѣ практическаго богословія, какъ напримѣръ, пробныя проповѣди, одна изъ которыхъ считается частью экзамена по практическому богословію, и трудно осуществимъ безъ существованія евангелическо-лютеранской университетской церкви.

II. Студенческія корпораціи и ихъ суды въ Юрьевскомъ Университетѣ.

Къ особенностямъ нашего университета, которые крайне желательно было бы сохранить и на будущее время, принадлежатъ студенческія корпораціи, существующія при университетѣ въ теченіе уже болѣе 80 лѣтъ и всегда умѣвшія сохранить между студентами спокойствіе, порядокъ, благовоспитанность и уваженіе къ закону. Въ прежнее время нравственному и дисциплинирующему вліянію корпорацій подчинялось все студенчество университета; въ послѣднее же десятилѣтіе вліяніе и значеніе корпорацій касались главнымъ образомъ студентовъ уроженцевъ прибалтійскихъ губерній, такъ какъ большое число студентовъ, поступившихъ въ послѣднее время изъ внутрен-

1) Св. уст. уч. учр. и уч. зав. вѣд. М. Н. П. Изд. 1893.

нихъ губерній Россіи, для которыхъ мѣстныя студенческія учрежденія должны были оказаться чуждыми и не привычными, не примкнули къ корпоративной организаціи студенчества.

Студенческія корпораціи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ въ настоящее время, образовались первоначально въ силу естественной связи между такими студентами, которые происходили изъ одной и той же мѣстности и которые получили среднее образованіе въ одной и той же гимназіи. Такимъ образомъ возникли корпораціи курляндцевъ, эстлянцевъ, лифляндцевъ и рижанъ, въ позднѣйшее же время корпораціи небогалтовъ, въ члены которой поступаютъ одинаково уроженцы всѣхъ трехъ прибалтійскихъ губерній. Шестая разрѣшенная корпорація есть корпорація латышей, которая возникла съ того времени, какъ въ университетъ начали въ болѣе значительномъ количествѣ поступать студенты этой національности. Съ увеличеніемъ числа слушателей университета возрастало и число членовъ каждой изъ корпорацій, такъ что въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда число студентовъ балтійскаго происхожденія достигало своей высшей цифры, число участвующихъ въ отдѣльныхъ корпораціяхъ доходило до 80—120 членовъ.

Корпораціи выработали уставъ, общій для всѣхъ корпорацій (такъ называемый общій комманъ), который основанъ на правилахъ, изданныхъ въ 1855 году попечителемъ Дерптскаго учебнаго округа фонъ-Брадее, и который до настоящаго времени признавался и университетскимъ начальствомъ, хотя официально утвержденъ и не былъ. Этотъ комманъ содержитъ въ себѣ постановленія о студенческомъ судѣ чести, сверхъ того, — о судѣ общестуденческомъ, о товарищескихъ наказаніяхъ за проступки студентовъ, о правилахъ образованія и закрытія корпорацій и т. д. Этотъ общій комманъ обязателенъ не только для членовъ корпорацій, но также и для тѣхъ, непринадлежащихъ ни къ какой корпораціи студентовъ (*nicht korporelle Studenten* или *Wilde*), которые по своей доброй волѣ объявляютъ, что они желаютъ ему подчиняться. Принудительнаго же подчиненія общему комману не существуетъ.

Сверхъ того, каждая корпорація обладаетъ и своимъ собственнымъ уставомъ (такъ называемый спеціальный комманъ), который опредѣляетъ частности внутренняго устройства данной корпораціи.

Цѣль общаго коммана состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать согласное съ правилами чести и нравственности поведение, а также благовоспитанность между студентами и прекращать возможныя столкновенія и оскорбленія между ними. Преслѣдованіе какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей принципиально комманомъ исключено.

Организація корпорацій въ общихъ чертахъ слѣдующая

Каждый студентъ имѣетъ право заявить желаніе о вступленіи въ любую корпорацію и принимать участіе въ ея товарищеской жизни; но право голоса въ корпораціи и право носить внѣшніе знаки принадлежности къ корпораціи пріобрѣтается лишь послѣдующимъ избраніемъ въ число ея полноправныхъ членовъ.

Каждая корпорація рѣшаетъ свои дѣла на общихъ собраніяхъ членовъ (конвенты) голосованіемъ, причемъ меньшинство обязано подчиниться постановленію, принятому большинствомъ.

Каждая корпорація избираетъ изъ среды своихъ членовъ трехъ представителей (Chargirte), на обязанности которыхъ лежитъ руководство собраніями корпорацій и веденіе протоколовъ этихъ собраній, и которые являются представителями корпораціи для ея внѣшнихъ сношеній. Сверхъ того, каждая корпорація избираетъ изъ своихъ наиболее опытныхъ и наиболее уважаемыхъ членовъ трехъ судей чести (Ehrenrichter), которые разрѣшаютъ столкновенія между членами своей корпораціи, и рѣшеніе которыхъ признается безапелляционнымъ. Наконецъ, избираются каждой корпораціею по три члена общестуденческаго суда (Burschenrichter), о которомъ подробнѣе будетъ говорено ниже.

Менѣ значительныя проступки членовъ корпорацій наказываются конвентомъ корпораціи выговоромъ со стороны конвента, болѣе значительныя обсуждаются общестуденческимъ судомъ.

Общія дѣла всѣхъ корпорацій обсуждаются собраніемъ, представителей всѣхъ корпорацій, причемъ представители являются, однако, лишь въ качествѣ уполномоченныхъ своихъ корпорацій, подающими свои голоса не по своему личному усмотрѣнію, а по спеціальнымъ указаніямъ своихъ корпорацій, такъ что всѣ представители данной корпораціи вмѣстѣ имѣютъ лишь одинъ голосъ. Поэтому для того, чтобы рѣшенія собранія представителей получили законную силу для всѣхъ корпорацій, необходимо, чтобы вопросы, разсматриваемые на этомъ собраніи были предварительно разсмотрѣны въ собраніяхъ каждой отдѣльной корпораціи; рѣшеніе, принятое большинствомъ голосовъ корпорацій (которое лишь констатируется на собраніи представителей), и считается общимъ рѣшеніемъ союза корпорацій, для всѣхъ студентовъ, признающихъ общій коммандъ, обязательнымъ.

Такимъ способомъ образуется рѣшеніе союза всѣхъ корпорацій. Что же касается до упомянутыхъ общихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію общаго собранія представителей и рѣшенію союза корпорацій, то таковыми являются, напримѣръ, — измѣненія общаго комманды, утвержденіе или измѣненіе приговоровъ общаго студенческаго суда, а въ послѣдніе годы, напримѣръ, и вопросъ о томъ, каково должно быть отношеніе корпорацій къ происходившимъ въ нашемъ университетѣ студенческимъ волненіямъ.

Однимъ изъ важныхъ учрежденій является студенческій судъ чести. Въ случаѣ, если оскорбленіе нанесено однимъ студентомъ другому, причемъ оба они принадлежатъ къ различнымъ корпораціямъ, то каждая изъ двухъ сторонъ избираетъ третейскаго судью чести изъ своей корпораціи, если же сторона не принадлежитъ ни къ какой корпораціи, то она имѣетъ право избирать судью изъ состава любой корпораціи. Оба этимъ способомъ избранные судьи избираютъ, въ свою очередь, по взаимному между собою соглашенію, третьяго судью въ качествѣ суперарбитра, и эти трое судей чести имѣютъ своей задачею разслѣдовать и разрѣшить происшедшее столкновеніе, причемъ

обѣ стороны предварительно обязаны заявить о своемъ безусловномъ подчиненіи имѣющему быть постановленнымъ рѣшенію.

Рѣшеніе суда чести, смотря по роду столкновенія, можетъ заключаться въ слѣдующемъ: или въ признаніи сторонъ обязанными взять нанесенныя оскорбленія обратно, или же въ признаніи ихъ обязанными извиниться въ оскорбленіи, или же наконецъ, въ предоставленіи оскорбленному права выбора между устнымъ удовлетвореніемъ со стороны оскорбителя и вызовомъ послѣдняго на студенческую дуэль. Если же одна изъ сторонъ объявляетъ, что дуэль противорѣчитъ ея нравственнымъ убѣжденіямъ, то судъ чести долженъ постановить рѣшеніе не иначе какъ въ смыслѣ обязанности принести устное объясненіе или извиненіе оскорбленному. Такимъ образомъ къ дуэли принужденъ никто быть не можетъ. Обычнымъ оружіемъ на студенческихъ дуэляхъ служатъ эспадоны, причемъ дуэли въ общемъ довольно безопасны.

Общестуденческій судъ состоитъ изъ членовъ всѣхъ корпорацій, причемъ каждая корпорація избираетъ, какъ уже сказано, изъ числа своихъ членовъ трехъ судей. Предсѣдатель же избирается самими судьями изъ своей среды. Въ компетенцію общестуденческаго суда входитъ разбирательство болѣе значительныхъ проступковъ студентовъ, какъ напримѣръ, нарушенія благовоспитанности, брань, драки, нарушеніе приличій, возбуждающее соблазнъ поведеніе въ сношеніяхъ съ женщинами дурнаго образа жизни, ложь и т. д.

Засѣданія общестуденческаго суда публичны въ томъ смыслѣ, что присутствовать на нихъ могутъ всѣ студенты, признающіе общій комманъ. Общестуденческій судъ не постановляетъ обязательныхъ рѣшеній, а лишь расслѣдуетъ дѣло, собираетъ матеріалъ для доказательствъ, констатируетъ фактическую обстановку и предлагаетъ мѣру наказанія, основанную на правилахъ общаго коммана. Наказаніе вступаетъ, однако, въ силу лишь послѣ того, какъ всѣ корпораціи рассмотрятъ постановленіе общестуденческаго суда и признаютъ его правильнымъ на собраніи своихъ представителей.

Наказанія, которыя могутъ быть налагаемы общестуденческимъ судомъ, суть слѣдующія: болѣе или менѣе строгій выговоръ съ одной стороны или исключеніе на разные сроки изъ общенія со всѣми студентами, признающими общій коммандъ, — съ другой (рукованіе).

Какъ видно изъ предыдущаго краткаго изложенія, и студенческимъ судомъ чести, и общестуденческимъ судомъ могутъ пользоваться не только члены корпорацій, но и вообще всѣ безъ исключенія студенты, признающіе для себя обязательнымъ общій коммандъ. Въ прежнее время коммандъ признавали для себя обязательнымъ всѣ студенты, такъ что названныя студенческія учрежденія фактически регулировали всю студенческую жизнь университета. Въ настоящее же время, какъ уже указано, общій коммандъ признается обязательнымъ почти лишь тѣми студентами, которые принадлежатъ къ корпораціямъ или которые происходятъ изъ прибалтійскихъ губерній. Но на этихъ послѣднихъ онъ еще и въ настоящее время оказываетъ чрезвычайно благотворное вліяніе въ томъ смыслѣ, что онъ складываетъ жизнь студента въ опредѣленные и испытанныя долгимъ опытомъ твердыя рамки и формы.

Легко понять, что корпораціи играютъ крупную роль въ жизни студенчества нашего университета, такъ какъ именно корпораціи выработали общій коммандъ и придали ему то значеніе, какое онъ получилъ для студентовъ. Несмотря на всѣ увлеченія молодости, которыя происходятъ отъ юношескаго избытка силъ и которыя всегда проявляются въ жизни студента-корпоранта, въ основаніи жизни самихъ корпорацій лежитъ, однако, серьезное нравственное начало. Корпораціи обращаютъ вниманіе на нравственное поведеніе своихъ членовъ; онѣ ограждаютъ ихъ отъ всякаго рода искушеній и приносятъ пользу какъ выработкѣ характера, такъ и образованію молодыхъ людей, побуждая ихъ въ общеніи со своими товарищами по возрасту и по занятіямъ проявлять свою самостоятельность и личную независимость.

На основаніи всего изложеннаго комиссія приходитъ къ тому заключенію, что существующія въ нашемъ университетѣ

и исторически въ немъ сложившіяся студенческія корпораціи, ихъ уставы и суды должны быть сохранены, въ виду того, что они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ желаніямъ, которые высказаны комиссіей въ ея докладѣ по вопросу пятнадцатому.

III. Каѳедра мѣстнаго гражданскаго права прибалтійскихъ губерній.

На юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета существуетъ каѳедра, которой нѣтъ ни въ одномъ изъ прочихъ русскихъ университетовъ. Это — каѳедра „мѣстнаго права, дѣйствующаго въ губерніяхъ лифляндской, эстляндской и курляндской, а также юридической практики“ или, короче сказать, каѳедра мѣстнаго гражданскаго права прибалтійскихъ губерній. Сохраненіе этой каѳедры на юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета весьма желательно и на будущее время, при предстоящемъ преобразованіи Юрьевскаго университета.

Дѣйствующее гражданское право имѣетъ весьма важное значеніе въ жизни того населенія, которое обязано руководствоваться этимъ правомъ въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ. Поэтому, и научные, и государственные интересы требуютъ, чтобы мѣстное гражданское право было предметомъ научнаго изученія и преподаванія, по меньшей мѣрѣ, въ томъ университетѣ, который служить центромъ высшаго образованія въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ дѣйствуетъ это мѣстное право. Учрежденіе отдѣльной каѳедры для этого права служить, хотя и не единственнымъ, но однимъ изъ наилучшихъ, изъ наиболѣе дѣйствительныхъ обезпеченій, со стороны государства, какъ научности изученія, такъ и научности преподаванія этого предмета. Въ виду этихъ обстоятельствъ, весьма желательно и сохраненіе уже существующей каѳедры мѣстнаго гражданскаго права на юридическомъ факультетѣ Юрьевскаго университета, при предстоящемъ преобразованіи этого университета.

IV. Объ измѣненіи штатовъ Юрьевскаго университета.

Одной изъ такихъ особенностей Юрьевскаго университета, которая въ интересахъ поднятія его научно-педагогической дѣ-

тельности должна быть устранена, являются устарѣвшіе штаты и отсутствіе цѣлаго ряда кафедръ, существующихъ въ другихъ русскихъ университетахъ. Совѣтъ университета, отдѣльные его факультеты и ректоръ неоднократно дѣлали представленія по этому вопросу, перечисляя въ подробности всѣ нужды университета, обусловленные недостаточностью его штатовъ. Не входя въ настоящее время въ детали, которые могутъ быть указаны лишь факультетами по принадлежности, коммисія считаетъ своимъ долгомъ заявить, что она признаетъ необходимымъ, при реорганизаціи университетовъ, примѣнить и къ Юрьевскому университету общіе для русскихъ университетовъ штаты. Насколько этотъ вопросъ назрѣлъ, явствуетъ изъ того, что еще въ 1893 г. попечитель Рижскаго учебнаго округа, въ предложеніи отъ 17 января 1893 г. за № 348 на имя ректора университета, писалъ нижеслѣдующее:

„Въ предложеніи отъ 10 сего января за № 347 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ моимъ о необходимости распространить дѣйствіе общаго университетскаго устава 1884 года на Дерптскій университетъ, съ соотвѣтствующими мѣстнымъ условіямъ измѣненіями, предложилъ мнѣ нынѣ же приступить къ составленію новаго устава и штата для означеннаго университета.

Сообщая объ этомъ, считаю долгомъ покорнѣйше просить Ваше Превосходительство озаботиться представленіемъ мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени проекта примѣненія къ ввѣренному Вамъ университету дѣйствующаго въ Имперіи устава университетскаго 1884 г.“

Въ свое время затребованныя попечителемъ свѣдѣнія были ему представлены. Независимо отъ сего, совѣтъ университета въ 1897 г. снова занялся разсмотрѣніемъ вопроса о способахъ замѣщенія недостающихъ кафедръ и институтовъ при нихъ, съ каковою цѣлью была избрана особая коммисія, составившая, на основаніи мнѣній отдѣльных факультетовъ, подробную записку по этому вопросу (11 февр. 1897 г.). Одобривъ въ засѣданіи 1 апрѣля проектъ коммисіи, совѣтъ представилъ его г. попечителю ходатайствомъ отъ 30 апрѣля за № 1114.

Несмотря на нѣкоторыя частичныя измѣненія въ штатѣ Юрьевскаго университета и на учрежденіе нѣкоторыхъ новыхъ профессуръ на спеціальныя средства университета, финансовыя и педагогическія затрудненія, проистекающія изъ недостаточности штатовъ, остаются въ полной силѣ и въ настоящее время. Не имѣя возможности перечислить въ деталяхъ всѣ нужды университета и ссылаясь въ этомъ отношеніи на представленіе совѣта отъ 30 апрѣля 1897 г., въ которое факультеты въ настоящее время, вѣроятно, сочтутъ необходимымъ внести нѣкоторыя частныя измѣненія, комиссія не можетъ не высказать убѣжденія, что уравниеніе Юрьевскаго университета по штатамъ съ прочими русскими университетами является настоятельной потребностью, въ свое время, а именно восемь лѣтъ тому назадъ, признанной и министромъ народнаго просвѣщенія.

У. О сохраненіи существующихъ на физико-математическомъ факультетѣ отдѣленій.

Особенностью физико-математическаго факультета Юрьевскаго университета является существованіе на немъ, кромѣ математическаго и естественно-историческаго отдѣленій, еще отдѣленій химическаго и агрономическаго, которыя, по мнѣнію комиссіи, необходимо сохранить и въ случаѣ преобразованія университета.

Въ одномъ изъ докладовъ комиссіи и въ докладѣ физико-математическаго факультета уже указано на то, что въ интересахъ поднятія научнаго уровня образованія, получаемого студентами въ университетѣ, необходимо дать имъ возможность большей спеціализаціи, чѣмъ въ настоящее время. На физико-математическомъ факультетѣ эта потребность въ спеціализаціи ощущается особенно сильно съ тѣхъ поръ, какъ химическія науки съ одной стороны, біологическія съ другой, разрослись настолько, что нѣтъ возможности обнять одновременно весь циклъ наукъ, необходимыхъ для успѣшнаго изученія и тѣхъ, и другихъ. Химическія науки требуютъ знанія нѣкоторыхъ отдѣловъ высшей математики, механики и физики, которыхъ нельзя требовать отъ біолога безъ ущерба для тѣхъ дисциплинъ, кото-

рыя вхадзяць у лік абавязальных для ўспышнага вывучэння біялагічных навук. Пры сучасным становішчы фізіка-матэматычных факультэтаў, калі на разряде натуральных навук няма падраздзялення на аддзяленні, у нашых універсітэтах амаль няма магчымасці вывучаць фізічную хімію, вельмі цяжка спецыялізавацца па мінералогіі і агульна, у выніку занадта шырокага цыкла абавязальных для ўсіх студэнтаў навук, вельмі цяжка спецыялізавацца і займацца больш глыбокім вывучэннем той ці іншай навукі, а ў сувязі з гэтым не заўсёды магчыма прад'яўляць да студэнтаў дастаткова высокія патрабаванні. Адсутнасць спецыялізацыі на разряде натуральных навук фізіка-матэматычных факультэтаў рускіх універсітэтаў з'яўляецца анахронізмам, які сёння ўжо некалькімі ўніверсітэтамі, але выключна ў Маскоўскім універсітэце, удалося пакуль толькі Юр'евскаму ўніверсітэту.

Па-другое, камісія лічыць абавязковым высказацца за неабходнасць захавання існуючых на фізіка-матэматычным факультэце Юр'евскага ўніверсітэта аддзяленняў матэматычнага, прыродна-істэрычнага, хімічнага і агранамічнага.

VI. Безплатнае лэчэнне студэнтаў.

Студэнты з'яўляюцца Юр'евскага ўніверсітэта, пражываючы агульна, па некалькіх месцах і пры гэтым у вельмі дрэнных і невялікіх кватэрах, у выпадку захворвання іх калі-небудзь сур'ёзнай бол'лезню, аказваюцца ў вельмі цяжкіх і неспрыяльных умовах. Не гаворы ўжо аб тым, што заразныя бол'лезні прадстаўляюць значную небяспеку для асяродка, але і самае ўважлівае за хворымі, у любым выпадку, цяжка іх лячыць і нават д'лаецца амаль немагчымым пры такой абстаноўцы. У выніку гэтага жадана, каб захворвалыя студэнты мелі магчымасць знайсці прытулак і належны ўважлівы ў клініках з'яўляюцца ўніверсітэта. Дадаткова, у выніку гэтага, што з'яўляюцца студэнты больша частка не маюць асаблівых сродкаў для вывазу сярэдня высокай платы за клінічнае лэчэнне, і што з іншага боку

на университетѣ лежитъ нравственная обязанность заботиться и о здоровьѣ своихъ питомцевъ, то, по мнѣнію комиссіи, желательно, чтобы всѣмъ студентамъ было предоставлено право бесплатнаго лѣченія въ клиникахъ въ случаѣ надобности.

VII. Поликлиника.

Въ числѣ существующихъ при Юрьевскомъ университетѣ учебныхъ медицинскихъ учрежденій имѣется одно очень важное, это — такъ называемая „поликлиника.“ Хотя подобныя учрежденія не существуютъ при другихъ російскихъ университетахъ, однако, они могли бы быть учреждены съ большою пользою. Доказательствомъ служитъ то, что Юрьевская поликлиника приносить большую пользу для медицинскаго образованія студентовъ. Учебный матеріалъ поликлиники состоитъ, какъ это показываетъ уже самое названіе „поликлиника“ (πόλις — городъ), изъ больныхъ, живущихъ въ городѣ и желающихъ лѣчиться у себя на дому. Этихъ больныхъ студенты изучаютъ и лѣчатъ подъ надзоромъ профессора поликлиники и его ассистентовъ. Въ число этихъ поликлиническихъ практикантовъ принимаются только студенты V курса, уже закончившіе установленныя занятія въ клиникахъ терапевтической, хирургической и женской. Организациія поликлиники слѣдующая. Ежедневно въ назначенный часъ дня собираются въ помѣщеніе поликлиники: 1) приходящіе больные, которые здѣсь же желаютъ получить совѣтъ и помощь и 2) посланные отъ больныхъ, желающихъ пригласить къ себѣ молодого врача. Къ этому же времени сюда приходятъ и поликлиническіе студенты — практиканты. Изъ числа приходящихъ больныхъ выбираются профессоромъ самые интересные и поучительные случаи и раздаются практикантамъ, которые собираютъ анамнезъ и тутъ же ихъ изслѣдуютъ. Затѣмъ практикантъ приводитъ больного въ аудиторію, гдѣ онъ подъ руководствомъ профессора представляетъ его остальнымъ студентамъ поликлиники. Между тѣмъ остальные вызванные практиканты подъ руководствомъ ассистента разбираютъ розданныхъ имъ больныхъ и представляютъ ихъ по оче-

реди въ аудиторіи, т. ч. въ теченіе 2 часовъ разбираются 3—5 амбулаторныхъ больныхъ. Понятно, что въ такое короткое время нельзя касаться всѣхъ подробностей, но всетаки удается показывать слушателямъ главныя измѣненія, которые можно видѣть, слышать, осизать. Студенты, такимъ образомъ, получаютъ возможность усовершенствоваться въ способахъ изслѣдованія и обогатить свою память зрительными и слуховыми впечатлѣніями и расширить свой опытъ въ прописываніи рецептовъ и указаній больнымъ совѣтовъ.

Болѣе важнымъ еще является занятіе поликлиническихъ студентовъ съ больными у нихъ на дому. Студенты — практиканты получаютъ, по очереди, больного, котораго они обязаны ежедневно посѣщать и пользоваться. Если студентъ самъ не въ состояніи разобраться въ данномъ случаѣ, то онъ докладываетъ объ этомъ профессору или ассистенту, которые вмѣстѣ со студентомъ отправляются къ больному, вмѣстѣ изслѣдуютъ и разъясняютъ случай и принимаютъ надлежащіе мѣры. Кромѣ того 2 раза въ недѣлю практикантъ долженъ докладывать объ имѣющихся у него больныхъ передъ аудиторіей. Обсужденіе этихъ докладовъ, конечно, даетъ профессору возможность подчеркнуть передъ своими слушателями все то, что можетъ имѣть для нихъ научный интересъ. При незначительныхъ размѣрахъ города профессору и ассистентамъ не трудно слѣдить за занятіями студентовъ и предупреждать грубыя ошибки въ пользованіи больною. Педагогическое значеніе этихъ поликлиническихъ занятій и поликлиническаго преподаванія заключается въ томъ, что въ поликлиникѣ молодой будущій медикъ впервые знакомится со всѣми подробностями личной отвѣтственности врача за здоровье его больныхъ. Чувство этой личной отвѣтственности заставляетъ его прочитывать въ учебникахъ все касающееся наблюдаемыхъ имъ случаевъ и возможно лучше готовиться къ лѣченію больною въ данномъ случаѣ. Часто антигигиеническая обстановка, среди которой находятся несостоятельные больные въ поликлиникѣ, имѣетъ для практиканта ту хорошую сторону, что онъ заблаговременно научается приспособляться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, не требовать

ничего невозможнаго и ограничивать свои стремленія только достижимымъ. Это возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ немъ его практическій умъ. Въ то же время раннее знакомство съ дѣйствительной жизнью придаетъ ему извѣстную самостоятельность, которую онъ въ противномъ случаѣ можетъ приобрести, лишь будучи уже врачомъ, и въ болѣе трудныхъ обстоятельствахъ безъ помощи и совѣта учителя.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что поликлиника можетъ замѣнить для учащагося студента хорошо обставленную клинику, но съ другой стороны, несомнѣнно, что поликлиника служить драгоценнымъ пополненіемъ клиническаго преподаванія, и что она, особенно въ такомъ небольшомъ университетѣ, какъ Юрьевскій, гдѣ клиники не располагаютъ богатымъ матеріаломъ, и гдѣ число больныхъ часто незначительно и далеко не соответствуетъ числу студентовъ, представляетъ собою желательное и, можно сказать, даже незамѣнимое учрежденіе.

VIII. Объ учрежденіи при историко-филологическомъ факультетѣ семинарія для приготовленія преподавателей нѣмецкаго языка.

Принимая во вниманіе, что Юрьевскій университетъ лежитъ въ мѣстности, гдѣ большая часть образованнаго общества говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ, комиссія нашла, что эта особенность можетъ оказаться весьма благопріятной для приготовленія молодыхъ людей къ занятію должностей преподавателей нѣмецкаго языка, въ которыхъ такъ нуждается средняя школа, особенно въ настоящее время, въ виду предполагаемаго усиленія преподаванія новыхъ языковъ. Съ одной стороны, лица нѣмецкаго происхожденія могутъ получить въ мѣстномъ университетѣ солидную научную подготовку, съ другой стороны, и русскіе по рожденію, будучи студентами Юрьевского университета, имѣютъ полную возможность усвоить этотъ языкъ практически, на каждомъ шагѣ сталкиваясь въ жизни съ людьми, говорящими почти исключительно по нѣмецки. Такимъ образомъ въ Юрьевскомъ университетѣ, при правильной постановкѣ

дѣла, легче, чѣмъ въ какомъ либо другомъ русскомъ университетѣ, не только научно, но и практически изучить нѣмецкій языкъ. Чтобы воспользоваться этими благопріятными для изученія нѣмецкаго языка условіями, комиссія, не входя въ подробности, признаетъ необходимымъ возбудить въ Совѣтѣ вопросъ, не желательно ли организовать при историко-филологическомъ факультетѣ семинарій для приготовленія преподавателей нѣмецкаго языка.

IX. О студенческихъ обществахъ.

Кромѣ студенческихъ корпорацій, организація которыхъ подробно изложена въ особомъ представленіи, при Юрьевскомъ университетѣ существуютъ еще официально разрѣшенныя студенческія общества, преслѣдующія почти исключительно цѣли научной и матеріальной взаимопомощи. Нѣкоторые изъ нихъ существуютъ уже нѣсколько десятилѣтій, возникли, благодаря исключительнымъ мѣстнымъ особенностямъ студенческаго быта, и сложились примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ. Такъ какъ комиссія уже высказала пожеланіе о необходимости допустить широкую свободу студенческихъ общеній въ различныхъ формахъ, то и въ настоящемъ частномъ случаѣ она полагала бы весьма желательнымъ и полезнымъ сохраненіе и впредь уже разрѣшенныхъ студенческихъ обществъ, какъ это уже выражено ею по отношенію къ корпораціямъ.

X. О ботаническомъ садѣ.

Къ числу особенностей Императорскаго Юрьевскаго университета принадлежитъ и увеличенная, согласно Высочайшему повелѣнію, отъ 21 февраля 1900 г., штатная сумма ботаническаго сада сего университета съ 2000 рублей ежегодныхъ на 3800 рублей ежегодныхъ (съ 1 января 1900 г.). Мотивами къ означенному увеличенію штатной суммы ботаническаго сада Юрьевскаго университета были слѣдующіе.

Благодаря съ одной стороны особо благопріятнымъ условіямъ климата города Юрьева, позволяющимъ произрастать

здѣсь такимъ растеніямъ, напримѣръ нашего дальняго востока, которыя не могутъ быть культивируемы или плохо произрастаютъ даже въ недалекомъ отъ Юрьева расположенномъ Петербургѣ, имѣющемъ столь крупное ботаническое учрежденіе, какъ Императорскій ботаническій садъ (напримѣръ, амурское пробковое дерево — *Phellodendron amurense* Rupr., приносящее ежегодно въ Юрьевѣ зрѣлыя сѣмена), съ другой же стороны, благодаря счастливому подбору руководителей ботаническаго сада Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго университета, все время устремлявшихъ свои силы на развитіе учрежденія этого, въ связи съ изученіемъ флоры Россіи (Ледебуръ, авторъ классическаго сочиненія — *Flora Rossica*, Бунге, Вилькоммъ, Руссовъ), и изъ путешествій, какъ своихъ, такъ и своихъ помощниковъ (академикъ Шмидтъ, академикъ Максимовичъ и др.), вывезшихъ изъ разныхъ частей Россіи многія цѣнныя и интересныя растенія, ботаническій садъ Юрьевскаго университета обладаетъ особенно цѣнной коллекціей живыхъ растеній, на открытомъ воздухѣ культивируемыхъ, а потому ботаническій садъ Юрьевскаго университета особенно удачно приуроченъ къ цѣлямъ акклиматизаціи растеній. Издавна печатаемые ежегодно садомъ этимъ каталоги сѣмянъ, въ саду собираемыхъ, привлекли къ учрежденію этому вниманіе многочисленныхъ хорошо поставленныхъ заграничныхъ ботаническихъ садовъ, и нынѣ Юрьевскій ботаническій садъ состоитъ въ ежегодномъ обмѣнѣ сѣменами болѣе, чѣмъ съ 90 такими заграничными учрежденіями, распространяя ежегодно по всѣмъ ботаническимъ садамъ Россіи, Европы, Америки, Азіи и Австраліи сѣмена рѣдкихъ и интереснѣйшихъ растеній въ цѣляхъ ихъ акклиматизаціи и получая въ обмѣнъ съ своей стороны такимъ образомъ много новыхъ и интереснѣйшихъ растеній для культуры.

Въ цѣляхъ развитія въ дальнѣйшемъ будущемъ указанной дѣятельности ботаническаго сада Юрьевскаго университета, направленной къ акклиматизаціи различныхъ растеній, въ связи съ изученіемъ флоры Россіи, господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія исходатайствована была въ 1900 г. особая добавочная сумма въ размѣрѣ 1800 руб. ежегодныхъ на потреб-

ности ботаническаго сада Юрьевскаго университета. Сумма эта предназначена была на приобрѣтеніе и культуру интересныхъ акклиматизируемыхъ растеній, на путешествія научнаго персонала сада съ цѣлью изученія флоры Россіи и на печатаніе соотвѣствующихъ отчетовъ и результатовъ дѣятельности сада въ указанномъ выше направленіи.

„Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ промышленности, наукъ и торговли, рассмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія о кредитѣ на потребности ботаническаго сада Императорскаго Юрьевскаго университета, мнѣніемъ положилъ:

„Въ дополненіе Высочайше утвержденнаго, 9 января 1865 г., штата Императорскаго Юрьевскаго (бывшаго Дерптскаго) университета (П. С. З. 1865 г., № 41667) отпускать изъ государственнаго казначейства, съ 1900 г., на научныя и учебныя надобности ботаническаго сада означеннаго университета по одной тысячѣ восьмисотъ рублей ежегодно.“

Его Императорское Величество мнѣніе это Государственнаго Совѣта 21 февраля 1900 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Нынѣ, при предстоящемъ уравниеніи штатовъ Императорскаго Юрьевскаго университета со всѣми прочими университетами, комиссія полагала бы, однако же, весьма желательнымъ, на основаніи всего вышеизложеннаго, чтобы указанная дополнительная сумма на нужды ботаническаго сада Юрьевскаго университета сохранена была и впредь, согласно Высочайшему повелѣнію отъ 21 февраля 1900 г., въ неприкосновенности.

XI. О преподаваніи эстонскаго и латышскаго языковъ.

Въ виду того обстоятельства, что научное изученіе финскихъ языковъ восточнаго края Европейской Россіи признано правительствомъ важнымъ, и при казанскомъ университетѣ учреждена профессура этихъ языковъ, комиссія полагаетъ, что и Юрьевскій университетъ является естественнымъ центромъ научнаго изученія и преподаванія мѣстныхъ эстонскаго и латышскаго языковъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что научное

изученіе этихъ языковъ имѣетъ важное значеніе для изслѣдованія исторіи края. Ясно также, что Юрьевскій университетъ, лежащій въ мѣстности, гдѣ на этихъ языкахъ говоритъ значительная часть населенія, съ особеннымъ успѣхомъ могъ бы принять участіе въ изученіи этихъ языковъ. Въ настоящее время уже существуетъ при Юрьевскомъ университетѣ 1 лекторъ эстонскаго языка и 1 лекторъ латышскаго языка. Эти лектуры должны быть сохранены. Но такъ какъ лектуры преслѣдуютъ чисто практическія цѣли преподаванія этихъ языковъ желающимъ студентамъ, не задаваясь научнымъ цѣлями, то комиссія находитъ небезполезнымъ, чтобы въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ дальнѣйшій шагъ, и, въ видѣ особаго учрежденія, вызваннаго мѣстными условіями Юрьевскаго университета, были бы учреждены при историко-филологическомъ факультетѣ по одной профессурѣ эстонскаго и латышскаго языковъ. Учрежденіе этихъ профессуръ, несомнѣнно, содѣйствовало бы подъему научнаго уровня преподаванія этихъ языковъ въ университетѣ и привлекло бы студентовъ латышей и эстонцевъ къ изученію роднаго языка и старины и къ собиранію и разработкѣ лингвистическаго и фольклористическаго матеріала.

Въ виду этого комиссія, признавая необходимымъ сохраненіе лектуръ эстонскаго и латышскаго языковъ, высказывается за желательность учрежденія взаимныхъ лектуръ даже каедръ этихъ языковъ, въ цѣлихъ подъема уровня ихъ преподаванія.

Предсѣдатель комиссіи: *П. Пусторослевъ.*

Члены комиссіи: *А. М. фонъ Бульмерингъ*
К. К. Дею
М. А. Дьяконовъ
В. В. Кохъ
Д. Н. Кудрявскій
Н. П. Кузнецовъ
Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ
Г. В. Левицкій
Е. В. Пассекъ.

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Вопросы относительно желательнаго устройства университетовъ, составленные примѣнительно къ уставу 1884 г. и въ предположеніи изданія общаго устава для всѣхъ университетовъ.	3
Вопросъ первый. (Докладъ № 1)	5
Вопросъ второй. (Докладъ № 16)	15
Приложеніе къ докладу № 16-й. Распредѣленіе предметовъ вѣдомства факультетовъ, совѣта и правленія	21
Особое дополненіе къ докладу № 16. Объ избраніи профессоровъ . .	29
Вопросы третій, четвертый и пятый. (Докладъ № 2)	38
Вопросъ шестой. (Докладъ № 12)	49
Вопросъ седьмой. (Докладъ № 13)	52
Вопросъ восьмой. (Докладъ № 14)	55
Вопросъ девятый. (Докладъ № 8)	62
Вопросъ десятый. (Докладъ № 9)	64
Вопросъ одиннадцатый. (Докладъ № 4)	67
Вопросъ двѣнадцатый. (Докладъ № 10)	68
Вопросъ тринадцатый. (Докладъ № 11)	72
Вопросъ четырнадцатый. (Докладъ № 5)	77
Вопросъ пятнадцатый. (Докладъ № 6)	84
Вопросъ шестнадцатый. (Докладъ № 3)	100
Вопросъ семнадцатый. (Докладъ № 7)	106
Вопросъ восемнадцатый. (Докладъ № 15)	108
Вопросъ девятнадцатый. (Докладъ № 17)	117
I. О богословскомъ факультетѣ (117). II. Студенческія корпораціи и ихъ суды въ Юрьевскомъ университетѣ (119). III. Каѳедра мѣстнаго гражданскаго права прибалтійскихъ губерній (125). IV. Объ измѣненіи штатовъ Юрьевскаго университета (125). V. О сохраненіи существующихъ на физико-математическомъ факультетѣ отдѣленій (127). VI. Безплатное дѣченіе студентовъ (128). VII. Поликлиника (129). VIII. Объ учрежденіи при историко-филологическомъ факультетѣ семинарія для приготовленія преподавателей нѣмецкаго языка (131). IX. О студенческихъ обществахъ (132). X. О ботаническомъ садѣ (132). XI. О преподаваніи эстонскаго и латышскаго языковъ (134).	